

ISSN 2307-6119

Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology

4 ' 2022

Выпуск 4 (38)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 4 (38) 2022

**ТОМСК
2022**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

*О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университет
(зам. главного редактора);*

*Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека
(г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии,
(зам. главного редактора);*

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;

А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);

*Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики, университет
Гамбурга (Германия);*

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);

М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013 г.

Подписано в печать: 10.01.2023 г. Дата выхода в свет: 12.01.2023 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 20,13. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1234/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Г. В. Кругликова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2022. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 4 (38) 2022

**TOMSK
2022**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

*O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*

*N. A. Tuchkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the "Museum of Nature and Human" (Khanty-Mansiisk)
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*

S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);*

E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);

E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;

N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;

Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);

L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;

*V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);*

Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);

Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);

N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;

L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;

M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Address for Correspondence:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061.

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)

PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 10.01.2023. Publication date: 12.01.2023. Formate: 60×90/8.

Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1243/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: G. V. Kruglikova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2022. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
Биткеева А. Н., Иванова Н. И., Ядреев И. В. Динамика развития федерального и регионального языкового законодательства в РФ: опыт Республики Саха (Якутия) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-9-26	9
Данилов И. А., Игнатъева В. Б. Молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): этноязыковая идентичность и речевое поведение DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-27-40	27
Догадушкин Д. М. Как изменились значения эстонских слов у носителей, которые более 200 лет назад переселились в Ставропольский край DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-41-47	41
Лилявина Е. В., Лемская В. М., Токмашев Д. М. Семейно-обрядовая терминология томских татар: материалы этнолингвистических экспедиций DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-48-58	48
Муравьев Н. А. Причастные конструкции со значением одновременности в казымском диалекте хантыйского языка DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-59-72	59
Wagner-Nagy B. "I go downstream, and you go toward the snowstorm": Expressions of cardinal directions in Nganasan and Dolgan DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-73-83	73
АНТРОПОЛОГИЯ	
Абсаямова Ю. А., Аминев З. Г., Мигранова Э. В. О персонаже башкирской мифологии аждаха DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-84-94	84
Ананьина Д. А., Кондакова Н. С., Терентьева А. В. Перспективы рассмотрения культурной травмы в свете экзистенциального подхода на примере процесса адаптации мигрантов к социокультурным условиям малого города (на примере города Читы Забайкальского края) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-95-102	95
Арбачакова Л. Н. Современные (нео) шаманы Горной Шории DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-103-110	103
Баязитова Р. Р. «Тело» в традиционном этикете башкир DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-111-120	111
Бычков Д. А. Новые материалы из местонахождения каменного века Арышевское 2 в долине р. Яя (Томская область) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-121-133	121
Гончарова Т. А. Образ исторической родины в исторической памяти современных сибиряков сквозь призму мемуарных текстов (на материалах Томской области) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-134-142	134
Чикина Н. В. Этнологические мотивы и мифологические персонажи в вепсской прозе DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-143-150	143
СООБЩЕНИЯ	
Иванова С. А. Социокультурный и образовательный проект: «Россия – Германия: саги, легенды, сказания»	151
НАШИ АВТОРЫ	154
AUTHORS	156

CONTENTS

From the Editors	8
LINGUISTICS	
Bitkeeva A. N., Ivanova N. I., Yadreev I. V. The Dynamics of the Development of Federal and Regional Language Legislation in the Russian Federation: the Experience of the Republic of Sakha (Yakutia) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-9-26	9
Danilov I. A., Ignatyeva V. B. The Youth of Indigenous Minorities in the North of the Republic of Sakha (Yakutia): Ethnolinguistic Identity and Linguistic Behavior DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-27-40	27
Dogadushkin D. M. How Semantic Changes Can Reveal the Origins of the Stavropol Dialect of Estonian Language DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-41-47	41
Lilyavina E. V., Lemskaya V. M., Tokmashev D. M. Some Linguistic and Ethnographic Aspects of the Tomsk-Tatar Kinship and Ritual Terminology DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-48-58	48
Muravyev N. A. Participial Constructions With the Meaning of Simultaneity in the Kazym Khanty DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-59-72	59
Wagner-Nagy B. "I go downstream, and you go toward the snowstorm": Expressions of cardinal directions in Nganasan and Dolgan DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-73-83	73
ANTHROPOLOGY	
Absalyamova Yu. A., Aminev Z. G., Migranova E. V. About the Character of the Bashkir Mythology Azhdaha DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-84-94	84
Ananyina D. A., Kondakova N. S., Terentyeva A. V. Perspectives for the Consideration of Cultural Trauma in the Light of an Existential Approach Using the Example of the Adaptation Process of Migrants to the Socio-Cultural Conditions of a Small Town (Using the Example of Chita in the Transbaikalia Region) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-95-102	95
Arbachakova L. N. Modern (Neo-)shamans of Mountain Shoriia DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-103-110	103
Baiazitova R. R. The "Body" in the Traditional Bashkir Etiquette DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-111-120	111
Bychkov D. A. New materials from the Aryshevskoe 2 site of stone age in the Yaya river valley (Tomsk region) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-121-133	121
Goncharova T. A. The Image of the Historical Motherland in the Historical Memory of Modern Siberians Through the Prism of the Memoirs (Using on the Materials from the Tomsk Region) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-134-142	134
Chikina N. V. Ethnological Tropes and Mythological Figures in Veps Prose DOI: 10.23951/2307-6119-2022-4-143-150	143
REVIEWS	
Ivanova S. A. Socio-cultural and educational project: "Russia – Germany: sagas, legends, tales".....	151
AUTHORS (In Russian)	154
AUTHORS (In English)	156

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

**Издание включено в объединенный каталог «Пресса России»,
подписной индекс 82719.**

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

‘Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology’ was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

А. Н. Биткеева, Н. И. Иванова, И. В. Ядреев

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РФ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)¹

Анализируются тенденции развития языкового законодательства в Российской Федерации в новое время после 1990-х гг. на федеральном и региональном уровнях исходя из тенденций развития языковой политики, ее задач, акторов и дебатов. Основные законодательные акты РФ принимались в разных политических условиях и отражают разнонаправленную языковую политику государства в целом. Законодательство о языках находится в совместном ведении РФ и ее субъектов, в котором федеральный законодатель вправе устанавливать основы правового регулирования языков народов РФ. Анализ основных положений закона показал, что закон РФ сохранил не только советскую иерархию статусов языков, но и принцип территориального разделения функциональности, когда тот или иной язык меняет свою функциональность в официальных сферах общения в зависимости от локализации в том или ином субъекте и компактности проживания носителей. Исследователи отмечают, что языковая политика РФ, начиная с 2010 г., существует в двух плоскостях – де-юре и де-факто. С одной стороны, конструируется политика языкового единства в разнообразии – многоязычие в приоритете; с другой стороны, имеет место языковая политика централизации – создание моноязычного единого коммуникативного пространства, что ведет к языковой монополии, доминированию во всех сферах функционирования русского языка. Роль других языков в жизни государства становится неочевидной. Последнее десятилетие отразило эту тенденцию в череде принятых законодательных актов с языковой спецификой. Самым важным новшеством в языковом законодательстве РФ является изменение ст. 68 Конституции Российской Федерации от 14.03.2020, одобренное в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, в результате которого русский язык получил конкретное определение языка государствообразующего народа, входящего в состав многонационального союза равноправных народов. Еще одно активно обсуждаемое последние годы нововведение в языковом законодательстве страны – принятие поправок к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» и введение нормы добровольности изучения родных языков, которая уже несколько лет сопровождается активными дебатами. Исход принятых актов на данный момент выражается в ограничении условий для развития билингвизма в большинстве регионов (стратегии, столь необходимой для сохранения родных языков в условиях российской языковой неоднородности), что создает максимальные предпосылки для расширения тенденций к русскоязычному моноязычию.

Особое внимание уделено анализу развития модели языковой политики и языкового законодательства в Республике Саха (Якутия) (РС (Я)). Языковой контекст Республики Саха взят за основу анализа по принципу «ключевых акторов», «ключевых моделей» и активных обсуждений в общественном и научном дискурсах. В контексте изменения речевого поведения, языковых установок молодежи и детей саха, приводящих к русскому моноязычию, сокращению билингвальных установок, неравномерность законодательных инициатив по отношению к использованию языков вызывает обеспокоенность общественности республики, что актуализирует анализ мер проводимой языковой политики.

Анализируемый опыт языковой политики РС (Я) и, соответственно, специфики языкового законодательства делает возможным высветить положительные и отрицательные моменты проводимой федеральной и региональной языковой политики и возможность применения этого опыта в других регионах РФ.

Ключевые слова: языки России, языковая политика, языковое законодательство, языковые права

Языковая политика в современных условиях – основной инструмент, регулирующий развитие функционального потенциала языков. Как правило, в многонациональном государстве национально-языковая политика зависит от поставленных государством в определенный период целей и реализуется в контексте трех основных направлений: языковой практики, языковой идеологии и языкового менеджмента [Spolsky, 2004: 2].

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

Языковая политика реализуется через языковое законодательство, которое разрабатывается для конкретного национально-территориального образования с учетом этапов развития социально-коммуникативной системы в регионе, генетических, ареальных связей языка, социально-экономической ситуации. Законодательство о языках при сознательном воздействии общества на языковую действительность должно содержать длительные сроки языковой смены, его нельзя использовать в политических целях, его изменение должно сопровождаться научным прогнозированием возможных социальных последствий – языковых конфликтов, поддержки сепаратизма, раскола страны по языковому признаку и т. д. (Михальченко, 2016: 138).

Исследователи отмечают «продолжение процесса выхода из области активного функционирования ... языков малочисленных народов России. Несколько иное состояние обнаруживают остальные языки РФ (численностью носителей более 50 000). Прежде всего это сворачивание социальных функций языка, что проявляется в его замене в тех или иных сферах общегосударственным или местным государственным языком и свидетельствует об отрицательном языковом сдвиге» (Биткеева, Вингендер, Михальченко 2019: 22; Биткеева, Цыбенова, 2022). Т. Г. Боргоякова, А. Н. Биткеева отмечают процессы языкового смещения у молодых носителей тувинского языка, языка со значительной демографической и коммуникативной мощностью (Боргоякова, Биткеева 2020); Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова в ходе анализа некоторых оценочных параметров ЯС в Бурятии и Туве выявили, что на языковую лояльность и языковые установки современных бурят и тувинцев огромное влияние оказывает демографически и функционально доминирующий русский язык (Дырхеева, Цыбенова 2020). В целом решение проблемы исследователи видят в институциональной поддержке в сфере образования (Иванова, 2019).

Таким образом, начало нового XXI в. характеризуется динамичными языковыми процессами, негативно воздействующими на жизнеспособность недоминирующих миноритарных языков.

В статье рассматривается динамика развития языкового законодательства в Российской Федерации в целом с акцентом на новое время после 1990-х гг. на федеральном и региональном уровнях исходя из тенденций развития и задач языковой политики в стране. Особое внимание уделено анализу развития модели языковой политики и языкового законодательства в Республике Саха (Якутия). Языковой контекст Республики Саха (Якутия) взят за основу анализа по принципу «ключевых акторов» (активистские движения, дебаты) и «ключевых моделей» языковой ситуации в РФ.

Тенденции развития языковой политики и языкового законодательства в Российской Федерации

Говоря о тенденциях современной языковой политики в России, следует отметить ее преемственность от языковой политики СССР. В советское время решение национально-языковых проблем определялось национально-государственным устройством страны: языки имели иерархию и делились на языки союзных республик, языки автономных республик, языки автономных областей и национальных округов. Согласно этому делению со статусом языка в большинстве случаев определялись и параметры применения этих языков в разных сферах организованного общения. Юридическая регламентация языковой жизни страны была недостаточной.

Интерес исследователей к языковым проблемам в юридическом контексте соблюдения языковых прав как отдельного индивида, так и целого этноса в России берет начало с 1980-х гг. XX в. Это было вызвано кардинальными изменениями в российском обществе, сопровождалось ростом политической активности в первую очередь в национальных регионах страны, связанной с мобилизацией этнического самосознания на фоне политического и экономического

кризиса. Стал актуальным вопрос выбора нового курса языковой политики государства. 1990-е годы исследователи характеризуют как этап децентрализации, период параллельной компромиссной политики центра и республик, период свободы выбора языка (Замятин, 2021).

Каждый регион, республика реализуют свою языковую политику исходя из особенностей языковой ситуации, национального состава, типа расселения народов, культурных традиций народов и т. д. Однако республиканские законы о языках и республиканские законодательные правовые акты переняли в общих чертах структурную и содержательную часть статей Закона о языках РФ. В них законодательно закреплена дву- и многоязычие.

Законодательство в современной России о регулировании использования языков представляет сложную разветвленную структуру и основывается на нормах Конституции Российской Федерации (1993), включает Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»², Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»³ (О государственном языке Российской Федерации 2005)», иные федеральные законы и подзаконные акты, а также на региональное законодательство и муниципальное правовое регулирование.

Необходимо отметить, что правовое регулирование вопросов использования языков не охватывает все сферы жизнедеятельности, в которых используется язык. Так, в части 2 статьи 1 Закона Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» указано, что данный закон не устанавливает юридические нормы использования языков народов Российской Федерации в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций.

Российская система законодательных актов о языках позиционируется как область совместного ведения РФ и ее субъектов, в котором федеральный законодатель вправе устанавливать основы правового регулирования языков народов РФ, включая общие вопросы языковой политики, в том числе относящиеся к статусу государственных языков республик в его соотношении со статусом государственного языка РФ⁴. Следует отметить, что основные законодательные акты РФ принимались в разных политических условиях, в связи с чем отражают разнонаправленную языковую политику государства в целом.

Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» разделяет языки официальных сфер общения на три вида: государственный язык страны в целом, государственные языки республик в составе России и местные официальные языки. При этом под последними, согласно части 4 статьи 3 указанного закона, понимаются языки народов России, проживающих компактно, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за его пределами. Эти языки могут использоваться в официальных сферах общения наряду с русским языком и государственными языками республик.

Закон «О языках народов РФ» обозначил возможность функционального использования русского языка, языков республик и иных языков в официальных сферах, предложив определить порядок такого использования иными актами законодательства Российской Федерации

² Закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Система «Гарант»: сайт. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10148970/paragraph/9806/doclist/10484/showentries/0/highlight>

³ Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749

⁴ Постановление Конституционного суда РФ от 16.11.2004 № 16-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 2 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами государственного совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2004. № 47. Ст. 4691.

и ее субъектов: часть 4 статьи 3, указанная выше, части 1 и 3 статьи 16 в части делопроизводства, часть 4 статьи 20 в части средств массовой информации, статья 22 в части сферы обслуживания и коммерческой деятельности, часть 3 статьи 23 в части наименования географических объектов, надписей, дорожных и иных указателей. Вместе с тем такие порядки по настоящее время не приняты, что тоже можно считать отражением государственной языковой политики.

Анализ основных положений закона показал, что Закон РФ сохранил не только советскую иерархию статусов языков, но и принцип территориального разделения функциональности, когда тот или иной язык меняет свою функциональность в официальных сферах общения в зависимости от локализации в том или ином субъекте и компактности проживания носителей.

Конституция РФ, принятая в 1993 г., закрепляя нормы об установлении государственного языка страны в целом – русского языка, государственных языков республик в составе России, уже не выделяет официальный статус местных официальных языков в местах компактного проживания его носителей.

Также часть 2 статьи 68 Конституции четко устанавливает, что государственные языки республик в составе России могут употребляться только наряду с русским языком, то есть употребление языков субъектов Федерации привязывается к употреблению государственного языка страны в целом.

Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» отражает уже языковую политику рецентрализации. Так, частью 1 статьи 3 этого закона установлено обязательное использование русского языка практически во всех публичных сферах: деятельности органов государственной власти, судопроизводстве, проведении выборов, рекламе и т. д.

При этом в этом ФЗ законодатель отошел от идеи территориального разграничения функциональности языков, установив одинаковый функциональный статус русского языка во всех субъектах Федерации. Хотя в части 2 статьи 3 ФЗ указано, что обязательность использования русского языка не умаляет употребление государственных языков субъектов РФ, порядок и случаи их возможного самостоятельного использования не предусмотрены.

Таким образом, краткий анализ основных норм, регулирующих правовое положение языков, приводит к следующим выводам: 1) русский язык подлежит обязательному использованию во всех официальных сферах общения; 2) государственные языки субъектов России и иные языки в местах компактного проживания его носителей могут использоваться в официальных сферах только наряду с русским языком; 3) выбор языка, применяемого в официальных сферах общения в конкретной ситуации, зачастую возложен на самого правоприменителя (конкретное лицо, применяющее тот или иной язык).

Из этих выводов необходимо выделить основную проблему, которая препятствует употреблению языков народов России кроме русского: отсутствие регламентации самостоятельности использования языков в отрыве от русского языка, о чем будет сказано ниже.

Новое в федеральном языковом законодательстве РФ

Очевидно, что российское языковое законодательство постоянно развивается, что вызвано острой потребностью законодательного урегулирования языковой жизни многоязычного государства. Изменения отношения мирового сообщества к языковому разнообразию и принципам построения языковой политики, затронувшие также и подход к решению языкового вопроса в России, привели к осознанию необходимости разработки новой языковой политики, отражающей интересы государства и его граждан, соответственно, к введению новых положений в законодательные акты касательно языков страны.

Языковая политика РФ, начиная с 2010 г., существует в двух плоскостях – де-юре и де-факто. Де-юре: конструируется политика языкового единства в разнообразии – в приоритете

многоязычие, этнические группы наделяются правами на использование языков во всех сферах жизнедеятельности при ведущей роли общегосударственного русского языка. Де-факто: имеет место языковая политика централизации – создание моноязычного единого коммуникативного пространства, формирование языковой иерархии, что ведет к языковой монополии, доминированию во всех сферах функционирования русского языка. Язык единения становится инструментом конструирования единой идентичности граждан страны (Биткеева, Вингендер, 2020: 22).

Последнее десятилетие отразило эту тенденцию в череде принятых законодательных актов с языковой спецификой. Самым важным новшеством в языковом законодательстве РФ является изменение ст. 68 Конституции Российской Федерации от 14.03.2020, одобренное в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, в результате которого русский язык получил конкретное определение языка государствообразующего народа, входящего в состав многонационального союза равноправных народов⁵.

Оценивая эту норму, необходимо отметить, что факт наличия у русского народа государствообразующего статуса не является новым, а определяется его высокой этнодемографической характеристикой и преемственностью от советского периода, изначально созданной в результате реализации права русского народа на самоопределение. Законодательное закрепление на конституционном уровне государствообразующего статуса русского народа на всей территории России фактически вводит понятие титульности русского народа и его языка, что переводит все другие народы России в национальные меньшинства и требует уже законодательной защиты их языков.

Также новая редакция Конституции РФ расширила положения статьи 69 о гарантиях и защите прав коренных малочисленных народов Севера, где в части второй теперь предусматривается защита культурной самобытности всех народов и этнических общностей России, гарантируется сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

Включение такой важной нормы, связанной с конституционной защитой языкового разнообразия, требует дальнейшего развития в федеральном законодательстве, направленном на закрепление функциональной самостоятельности языков России в регламентированных сферах использования, характеризующихся в данное время значительным снижением коммуникативной мощности.

Юридический дискурс, целенаправленно моделируемый в русле легитимности государственных статусов языков субъектов РФ, о состоятельности данного статуса в условиях снижения их функционального статуса в некоторых республиках, проблема поддержки русского языка как государственного языка РФ и т. д.⁶ носят дискуссионный характер и обсуждаются в широких кругах. Данный дискурс направлен на формирование социально-исторического контекста с помощью лингвистических механизмов. Проанализированные законодательные тексты содержат внутреннее противоречие. Как отмечают исследователи, с одной стороны, законодательно позиционируется статусное равноправие государственных языков республик, с другой стороны, реальное функционирование данных языков свидетельствует не только о неоднородности функций государственных языков республик и преобладании функционально более востребованного языка, но и о необходимости дифференцированного подхода к этим языкам (Батюшкина, 2017: 122).

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 11.03.2022).

⁶ Об этом см.: Васильева Л. Н. Совершенствование законодательства в области использования языков народов России // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 53–60; Воронцов П. М. К вопросу о конституционно-правовом статусе субъектов языковых правоотношений // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 40–48; Кропачев Н. М., Вербицкая Л. А., Белов С. А. Требования к устной речи при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации // Вестник СПбГУ. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 519–524 и т. д.

Еще одно активно обсуждаемое в течение нескольких лет нововведение в языковом законодательстве страны, вызвавшее противоречивые дискуссии у российской общественности, принятие поправок к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» и введение нормы добровольности изучения родных языков, которая уже несколько лет сопровождается жаркими дебатами. По мнению исследователей, эта проблема нарастала в течение нескольких лет. В 2007 г. был отменен национально-региональный компонент образования, устанавливаемый республикой, общее образование осуществляется в соответствии с ФГОС, а по последней редакции Федерального закона «Об образовании» 2012 г. вопросы изучения государственных языков республик переходят из ведения законодательных органов республик в ведение школ. В обязательную часть по ФГОС вторые государственные языки не входят, в его филологической части только русский, иностранный и родной, но они могут присутствовать в вариативной части для каждой отдельной школы, если такое решение принимают совместно участники образовательных отношений – учащиеся, родители (законные представители школьника) и школа.

Формально меры обусловлены изменениями, внесенным в федеральные нормативные акты, и прежде всего в Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», суть которых заключается во введении принципа добровольности в изучении государственных языков республик РФ и противоречащие принципу свободного выбора языка обучения, установленного ст. 26 (часть 2) главы II Конституции РФ.

В целом ситуация с обучением на национальных языках в разных республиках была неодинаковой – в некоторых республиках изучение вторых государственных языков было обязательным для всех, но с заметными различиями по объему часов и из-за давности такого расклада (Татарстан, Башкортостан, Коми, Чувашия, Ингушетия и др.). В некоторых республиках изучение вторых государственных языков было факультативным (Алтай, Крым, Мордовия, Удмуртия и др.), в других – с обязательным изучением для детей – носителей языка национальности, дающей название республике, – «полудобровольный» вариант (Кабардино-Балкария, Чечня, Карачаево-Черкесия). Очевидно, что по факту дети в этом случае не обязательно являются носителями языка, но причисляются к таковым по национальности (Арутюнова, 2018: 25–35).

Атрибуция государственных языков субъектов РФ в правовом и экономическом аспектах также выявляет сокращение их сферы применения. Анализ судебной практики свидетельствует о сужении сферы использования национальных языков как государственных в законодательстве, так и в официальной жизни (Одинг, Юшков и др., 2019).

Поэтапное институциональное ограничение этнокультурного образования, начавшееся с упразднения национально-регионального компонента в базисном учебном плане (2007 г.), принятие единых ФГОС в системе общего образования, квалификационные экзамены на русском языке, поправки к ФЗ № 273 «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 стали причиной сокращения этноязыкового многообразия в образовательном пространстве, в связи с чем в субъектах стало возникать общественное напряжение.

Практика показала, что в современных условиях замещаемое двуязычие приводит к значительному снижению языковой компетенции на родном (первом) языке. В системе образования РФ в 2015/16 учебном году функционировало 5,1 % школ, в которых обучение велось на национальных языках; в 4,3 % школ обучение велось в смешанном формате (на национальном языке в начальных классах и с переходом на определенной ступени на русский язык обучения). В 90,5 % школ обучение осуществлялось лишь на русском языке (Сведения о распределении ...).

В Республике Саха, по данным Министерства образования 2012 г., в школах с якутским языком обучения фактически обучение на родном языке обеспечивалось лишь в начальной школе, в основной школе обучение велось на двух языках либо преимущественно на русском языке (Никифорова, Борисова, 2015). И соответственно, с 2014/2015 учебного года установлена

тенденция роста изучения якутского языка в качестве предмета и снижения его уровня в качестве языка обучения.

Для сравнения приведем данные: в 2003/2004 учебном году 70 % школ республики работали по программам национальных школ; в них из 134 тыс. школьников (66 %) изучали родной язык в качестве предмета. В 2018 г. насчитывалось 652 государственные муниципальные школы, в т. ч. 63 % составляют школы с якутским языком обучения (Направления развития этноречевой среды в сфере образования). В 2021 г. из 641 школы в 318 школах основные образовательные программы начального, основного и среднего (полного) общего образования реализуют на русском языке (49,6 % от общего количества школ). Обучение на родном (якутском) языке осуществляется в 323 школах (60,6 % от общего количества школ) (Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) в 2021 г. ...), причем, по данным на 21.02.2022, показатель снизился до 56,4 % (Круглый стол «Новый ФГОС: что ждет родные языки?»...).

В системе образования в 2022/2023 учебном году заявлен переход на новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). Проекты примерных образовательных программ, разработанные в соответствии с новыми ФГОС, широко обсуждались педагогической и родительской общественностью республики. В данном контексте внедрение обновленного ФГОС (2022 г.), по мнению экспертов Республики Саха, не лишенного ошибок и просчетов в изначальном варианте, в случае его принятия продолжило бы унифицирующий механизм развития языковой ситуации. Отмечая неоправданно резкое сокращение часов, выделяемых на изучение родных языков в сравнении с действующими учебными планами, эксперты 17.03.2022 под руководством председателя постоянного комитета Госсобрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по науке, образованию, культуре, СМИ и делам с общественными организациями Ф. В. Габышевой на международном семинаре по сохранению и популяризации языков коренных малочисленных народов Арктики в Санкт-Петербурге внесли предложения, учитывающие региональные, национальные и этнокультурные особенности в программах начального общего и основного общего образования (17.03.2022, г. Санкт-Петербург). Обсуждение было продолжено в ходе конструктивного разговора 6–7 апреля 2022 г. в г. Якутске в ходе заседания рабочей группы по родным языкам народов Сибири и Дальнего Востока при экспертно-консультационном совете Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение» по образованию и науке.

Тенденция развития региональной языковой политики и языкового законодательства: опыт Республики Саха (Якутия)

В плане перспектив развития языка РФ можно разделить на следующие модели: 1) стабильный тип развития (русский язык); 2) перспективный тип развития языка (якутский, татарский, тувинский и др.); 3) нестабильный тип развития языка (большинство языков России); 4) слабоперспективный тип функционального развития языка (миноритарные языки, языки диаспор) (Биткеева, 2018: 37). Этноязыковой фактор в системе отношений федеральный центр – регионы приобретает все большее значение, в плане языкового менеджмента эти взаимоотношения представляют дисбаланс, в результате увеличивается очевидная диспропорция русского и нерусского компонентов.

Рассматриваемый якутский язык по показателям витальности относится к перспективной группе языков. Тем интереснее проанализировать опыт региональной языковой политики РС (Я) и, соответственно, специфики языкового законодательства, возможность применения этого опыта в других регионах РФ. Якутия является многонациональной республикой, в которой среди 126 этнических групп насчитывается шесть коренных народов: якуты (466 492), эвенки (21 008), эвены (20 341), долганы (1 906), юкагиры (1 291), чукчи (670) (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.).

Как известно, основополагающими документами, регулирующими отношения общество – язык, являются Конституция Республика Саха (Якутия) и Закон «О языках в Республике Саха (Якутия)». В соответствии со статьей 46 Конституции Республики Саха (Якутия) и статьями 4 и 5 Закона Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 N 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)» (далее – Закон республики) государственными языками республики являются язык саха и русский язык. Языки коренных малочисленных народов Севера являются официальными в местах компактного проживания этих народов. Статьей 6 Закона о языках РС (Я) эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками⁷.

Статьей 9 Закона республики предусмотрено обеспечение дальнейшего устойчивого и гармоничного развития национально-русского, русско-национального двуязычия, а также многоязычия, поддерживается стремление граждан к изучению функционирующих в республике языков. Статья 11 Закона республики также детально регламентирует порядок разработки государственной программы по сохранению и развитию языков коренных народов РС (Я).

Данные нормы закона характеризуют языковую политику республики как многокомпонентную. Закон республики «О языках в Республике Саха (Якутия)» был принят в условиях осуществления в России политики поддержки многоязычия и во многом повторяет нормы Закона РФ «О языках народов Российской Федерации». Дальнейшие поправки и изменения в закон были связаны как с приведением в соответствие с федеральным законодательством, так и с принятием Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации».

При этом анализ норм этого закона показывает, что государственный язык республики, язык саха, подлежит обязательному использованию наряду с русским языком только при опубликовании правовых актов органов государственной власти и органов местного самоуправления, выдаче официальных документов, наименовании географических объектов на дорожных и иных указателях, текстах вывесок с наименованиями государственных органов, организаций и предприятий, иных информационных средств, содержащих информацию в наглядной форме. Официальные языки коренных малочисленных народов подлежат обязательному применению наряду с русским и якутским языками лишь при опубликовании правовых актов органов местного самоуправления и в текстах вывесок с наименованиями органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций в местах компактного проживания этих народов.

Во всех остальных сферах официального использования языков якутский язык и языки коренных малочисленных народов Севера (КМНС) могут использоваться при необходимости. Случаи такой необходимости законодательством не предусмотрены.

В контексте наметившегося изменения речевого поведения, языковых установок молодежи и детей саха, сводящихся к русскому моноязычию, сокращению билингвальных установок (Иванова, Никитина, Филиппова, 2021), неравномерность законодательных инициатив по отношению к использованию языков вызывает обеспокоенность общественности республики, что предопределяет анализ мероприятий проводимой языковой политики.

В русле проводимой языковой политики в республике развивается языковое законодательство РС (Я). В 2021 г. в Республике Саха (Якутия) были приняты следующие нормативно-правовые акты, определяющие языковую политику республики: государственная программа «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы (О государственной программе..., 2021)». В данном документе акцент сделан на языковых проблемах КМНС в сферах культуры, образования, социальной и трудовой мобильности, которые негативно влияют на состояние

⁷ Закон Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 N 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)» (ред. от 30.05.2017) // Якутские ведомости. 12.11.1992. № 215.

родных языков. Вопросы присутствия языкового и культурного наследия коренных народов Арктики в целом и языков КМНС в цифровом пространстве в частности, введения электронных обучающих программ по языкам КМНС представлены в Концепции воспитания детей и молодежи (Об утверждении концепции..., 2021), Концепции устойчивого развития КМНС республики до 2035 года (О Концепции устойчивого..., 2021). В 2021 г. был рассмотрен и утвержден Республиканский список учебных пособий на 2021–2022 годы (Об утверждении республиканского..., 2021) для дошкольных и общеобразовательных учреждений республики.

В течение 30-летнего периода в языковое законодательство Республики Саха внесено 12 поправок. Далее рассмотрим изменения в языковом законодательстве Республики Саха (Якутия), затронувшие статус и порядок использования языков в регламентированных сферах – образовании и судопроизводстве.

По данным Министерства образования и науки РС (Я), обучение родным языкам в Якутии осуществляется на двух государственных языках: русском и якутском. Предметом изучения является якутский язык, а также официальные языки республики: эвенский, эвенкийский, юкагирский, чукотский, долганский. В 2021 г. из 641 школы в 318 школах основные образовательные программы начального, основного и среднего (полного) общего образования реализуют на русском языке (49,6 % от общего количества школ). Обучение на родном (якутском) языке осуществляется в части классов 323 школ (60,6 % от общего количества школ) (см. таблицу).

Таблица

Данные по языку изучения в общеобразовательных школах Республики Саха (Якутия)

Языки изучения	2018/2019	2019/2020	2020/2021
Количество школьников, изучающих якутский язык	30 181 (20,26 %)	30 292 (20,33 %)	30 245 (20,3 %)
Количество школьников, изучающих долганский язык	23 (0,01 %)	132 (0,08 %)	122 (0,08 %)
Количество школьников, изучающих эвенский язык	723 (0,48 %)	664 (0,44 %)	1113 (0,74 %)
Количество школьников, изучающих эвенкийский язык	777 (0,52 %)	1123 (0,75 %)	1001 (0,67 %)
Количество школьников, изучающих юкагирский язык	84 (0,05 %)	104 (0,06 %)	104 (0,06 %)
ВСЕГО	31 839 (21,37 %)	32 381 (21,74 %)	32 637 (21,9 %)

В системе общего образования Республики Саха (Якутия) существует специфичная образовательная модель кочевых школ, включающая дошкольное, начальное, основное образование детям оленеводов. Кочевые школы функционируют в 11 районах, в них обучаются 214 детей, в том числе 59 детей дошкольного возраста обучаются в них без отрыва от семьи. Обучение в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов и в базовых школах ведется по индивидуальным учебным графикам и планам (О Концепции устойчивого..., 2021).

Согласно Закону «Об образовании в Российской Федерации» в Закон Республики Саха (Якутия) от 30.04.2014 введена поправка о том, что преподавание и изучение государственных языков республики в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляется в соответствии с ФГОС (ст. 27.1 Закона «О языках в Республике Саха ...»).

В статье 27 Закона гражданам РФ гарантируется свободный выбор языка воспитания и обучения в соответствии с законодательством об образовании. В редакции законов РС (Я) от 21.02.2012 1019-З № 929-IV, от 28.06.2012 1090-З № 1071-IV, от 30.04.2014 1310-З № 177-V

языком воспитания в дошкольных образовательных организациях и обучения в общеобразовательных организациях, а также в классах и группах являются русский, саха, эвенкийский, эвенкий, юкагирский, долганский, чукотский языки (О языках в Республике Саха...). В национальных общеобразовательных организациях русский язык изучается как предмет – здесь речь идет о гомогенных этнических улусах, чаще якутоязычных.

«В русскоязычных общеобразовательных организациях, классах и группах, в местах смешанного или компактного проживания якутского населения язык саха изучается как предмет, а в других местах – исходя из потребностей населения» (О языках в Республике Саха ...). В таком случае ответственность за выбор языка обучения возлагается на родителей. Однако если установки директора образовательного учреждения по месту прописки учащегося и родителя не совпадают, выбор языка школьного образования и дальнейший процесс школьного образования предполагают конфликтное течение. Об этом свидетельствуют обращения в ассоциацию родителей г. Якутска.

В статье 29, регламентирующей язык образования в профессиональных образовательных организациях, образовательных организациях высшего образования и организациях дополнительного профессионального образования, говорится о приеме вступительных экзаменов на языках обучения, что входит в полномочия республики (в ред. Закона Республики Саха (Якутия) от 30.04.2014 1310-З № 177-V)» (О языках в Республике Саха...). Практика показывает, что данная статья соблюдается лишь частично, например при поступлении на специальности, связанные с якутским языком и литературой, с языками КМНС, но в целом данная статья располагает ресурсами для внедрения языкового многообразия.

Статья 30 Закона, косвенно утверждая диспозитивную норму, входит в противоречие с содержанием преамбулы Закона о неотъемлемом праве каждого народа на сохранение своей самобытной культуры, традиции, языка и статьей 27 настоящего Закона: «В государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), может вводиться преподавание и изучение языка саха как одного из государственных языков Республики Саха (Якутия) (в ред. Закона Республики Саха (Якутия) от 01.10.2014 1346-З № 245-V) (О языках в Республике Саха ...).

Диспозитивность содержания очевидна и по сравнению с содержанием другого абзаца статьи 27: «Местные официальные языки изучаются как предмет в русскоязычных общеобразовательных организациях в местах компактного проживания малочисленных народов Севера», в котором выражена более императивная норма, и отражает, несмотря на приоритетное внимание к языкам КМНС, принижение статуса государственного языка саха.

Также, законами республики от 27.11.2015 1525-З № 615-V и от 20.12.2016 1781-З № 1119-V включены нормы об утверждении правительством республики правил орфографии и пунктуации, перечень словарей, справочников и грамматик якутского языка и языков КМНС при их использовании в качестве государственного и официальных языков.

Особо дискуссионным в РС (Я) оказался вопрос о функциональной дистрибуции языков в сфере судопроизводства в республике. Как отмечают исследователи, в силу федеративного устройства в России вопрос о языке уголовного судопроизводства имеет особенно выраженное политическое и правовое содержание. Так, до 2020 г. на территории РС (Я) в шести районах уголовное судопроизводство частично осуществлялось на якутском языке.

Федеральное законодательство регулирует использование языков в уголовном судопроизводстве следующим образом. Согласно статье 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках, входящих в РФ республик. Также в силу статьи 10 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» судопроизводство и делопроизводство в федеральных судах общей юрисдикции могут вестись на государственном языке республики, на территории которой находится суд. Аналогичная норма имеется и в статье 18 Закона РФ от 25.10.1991 N 1807-1 «О языках народов РФ».

Коллизия в законодательстве, вызванная принятием Закона «О государственном языке РФ», особенно остро ощущается в отношениях, связанных с уголовным судопроизводством. Так, между нормами пункта 4 части 1 Федерального закона от «О государственном языке РФ» и ст. 18 УПК РФ имеется объективное противоречие в части возможности использования государственного языка субъекта РФ в уголовном судопроизводстве, так как нормы Федерального закона «О государственном языке РФ» требуют при использовании в качестве языка судопроизводства государственного языка республики в составе России обязательного перевода всех документов на русский язык.

Однако в силу части 1 статьи 1 и частей 1 и 2 статьи 7 УПК РФ порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается УПК РФ (никаким другим законом), основанным на Конституции РФ, а также суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ. Постановлением Конституционного суда РФ от 29.06.2004 № 13-П установлено, что части 1, 2 статьи 7 УПК РФ, устанавливающие приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами, не противоречат Конституции РФ, поскольку содержащиеся в них положения – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не подразумевают разрешение возможных коллизий между данным Кодексом и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда положения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат УПК РФ. Таким образом, принимая во внимание, что нормы ФЗ «О государственном языке РФ», устанавливая порядок производства по уголовным делам исключительно на русском языке, противоречат в этой части нормам УПК РФ. В связи с чем применению подлежит Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Вместе с тем необходимо более подробно разобрать саму возможность проведения расследования на двух языках одновременно или полного перевода материалов дела. Подобная практика нецелесообразна по затрачиваемым на это усилиям по следующим причинам:

1) нарушаются права граждан на разумные сроки уголовного судопроизводства: необходимость перевода материалов уголовного дела при том, что зачастую перевод осуществляют сами следователи, необходимость участия переводчиков в каждом деле на каждом следственном действии. Также в сельских районах, как правило, отсутствуют специалисты, имеющие прикладное филологическое образование. Затягивание производства следственных действий и рассмотрения дел в суде в связи с необходимостью перевода каждого слова участника процесса;

2) увеличивается нагрузка на следователей, прокуроров и судей для проверки правильности производства перевода в связи с тем, что перевод должен быть буквальным, юридически верным. Как следствие, увеличение нагрузки на работников правоохранительной системы и увеличение количества дел, возвращенных судами прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и прокурором в органы расследования в порядке статей 221, 226, 226.8 УПК РФ в связи с неправильным переводом и иными нарушениями прав граждан на язык судопроизводства;

3) сложность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию на досудебной и судебной стадиях. В частности, при рассмотрении дел в суде при задавании вопросов на русском языке и отсутствии профессионального переводчика суду, государственному обвинителю и защитнику будет сложно добиваться от участников процесса правильного понимания их (вопросов) смысла. Расширится возможность злоупотребления правом со стороны обвиняемых и его защитников относительно искажения смысла сказанного при переводе и т. д.;

4) целесообразность проведения разбирательства на языке, которым плохо владеют его участники, при возможности его ведения на языке, хорошо знакомом всем участникам процесса.

В настоящее время использование якутского языка как языка судопроизводства практически полностью прекращено. Можно выделить три причины такой ситуации:

1) полное отсутствие нормативного регулирования применения государственного языка республики в уголовном судопроизводстве: какой из вариантов решения вопроса о выборе языка судопроизводства по правилам статьи 18 УПК РФ зависит от должностных лиц прокуратуры в первую очередь. К примеру, в прокуратуре Чурапчинского района Республики Саха (Якутия) действовало правило, закрепленное решением межведомственного оперативного совещания от 07.06.2016, что выбор языка судопроизводства (государственный язык республики в составе России или государственный язык РФ) зависит от воли подозреваемого и обвиняемого. Таким образом, перед началом производства первого следственного действия обвиняемому предлагается выбор языка уголовного расследования, при этом если на начальной стадии расследования преступление не раскрыто, то все следственные действия производятся на якутском языке. Практика участия переводчика в уголовных делах в основном сводится к переводу тех документов, которые получены следователем на русском языке. Таким образом, очевидна целесообразность ведения судебного разбирательства на якутском языке: нет необходимости обеспечивать участие переводчика, переводить документы, подлежащие обязательному вручению обвиняемому на его родном языке, т. е. составлять два обвинительных заключения. Кроме того, в случае проведения предварительного расследования на русском языке с участием переводчика судебное разбирательство также будет необходимо проводить на этом языке, что нецелесообразно по многим причинам, так как все участники процесса лучше владеют якутским языком (Ядреев, 2019: 41);

2) перенос вопроса из плоскости законности и удобства рассмотрения дела в вопрос политики, когда использование регионального языка рассматривается как проявление нелояльности органам федеральной власти. Из этого исходит возможность в одностороннем порядке отменить якутский язык судопроизводства одним распоряжением вышестоящего руководства федерального органа власти (зачастую устным), что не способствует активному его использованию и в последние годы уже привело к сокращению числа районов, использующих якутский язык в судопроизводстве;

3) позиция федеральных и мировых судов, которые зачастую требуют отказа от якутского языка судопроизводства в связи с введением необходимости обязательного размещения приговоров и иных решений судов на русском языке на соответствующем сайте в сети «Интернет» в соответствии с подпунктом «г» пункта 2 части 1 статьи 14 ФЗ от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Отсутствие штатных переводчиков в судах районного уровня приводит к тому, что перевод, как правило, осуществляют сами судьи или их помощники. То есть суды также тяготеют необходимостью составлять два приговора – оригинал на языке судопроизводства и его копию на русском языке для опубликования на сайте.

На практике возникало много вопросов, связанных с применением государственного языка республики в уголовном судопроизводстве, в том числе вопрос владения языком его участниками. При этом проблема невладения или недостаточного владения языком судопроизводства при применении государственного языка республики является актуальной не столько для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и потерпевших, имеющих предусмотренный законом выбор языка, а сколько для судей, прокуроров, следователей, экспертов и иных профессиональных участников судопроизводства.

Такая ситуация вызвана непродуманностью государственной языковой политики, в первую очередь в системе образования, когда, например, выпускники вызов – юристы, как правило, не обучались использованию в профессиональной деятельности иных языков, кроме русского. Указанная выше ситуация постепенного сворачивания образования на родных языках негативно влияет на все регулируемые государством сферы применения языка.

Вместе с тем практика применения якутского языка судопроизводства выработала подходы по изучению юридического языка уже в процессе начала профессиональной деятельно-

сти. Что касается практического использования терминологии на государственном языке Республики Саха (Якутия), то прямым следствием отсутствия централизованного регулирования стало то, что каждый район пользовался выработанной на его территории практикой перевода юридических терминов, что усугублялось отсутствием официальных переводов Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ на якутский язык.

На наш взгляд, описание практики уголовного судопроизводства государственного языка субъекта РФ и связанные с ней проблемы отражают необходимость специального исследования, что можно отнести и к гражданскому судопроизводству, а также при производстве по делам об административных правонарушениях.

В 2021 г. в социальных сетях активно обсуждалось письмо заместителя министра МВД России по РС (Я) Владимира Климова начальникам территориальных органов МВД РФ в районах РС (Я). Ссылаясь на Конституцию РФ, ФЗ «О государственном языке», Уголовно-процессуальный кодекс РФ в своем обращении руководитель указывает, что все процессуальные документы должны составляться на русском языке либо на якутском языке, но при одновременном ведении перевода на русский язык. При этом требует, чтобы «все рапорты, оформляемые сотрудниками органов внутренних дел, подготавливаемые ими протоколы следственных действий, постановления, заключения экспертиз должны оформлять на государственном языке РФ – русском. Заявления участников проверки, объяснения разрешается оформлять на государственном языке Республики Саха (Якутия) – якутском языке («Правовая коллизия, или Конец судопроизводству на якутском языке?»).

По мнению исследователей, актуальность данного требования вызвана отсутствием переводчиков и их финансирования в судах и полицейских участках, кроме того, есть ряд противоречий в федеральном и региональном законодательстве. Так, при обеспечении права участника уголовного судопроизводства давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет, чаще всего общее заблуждение возникает вследствие недостаточного понимания языка судопроизводства. Отсутствуют закрепленные законодательным путем критерии, позволяющие с надлежащей полнотой выяснить, владеет или не владеет данное лицо языком судопроизводства.

Таким образом, анализ динамики развития языкового законодательства в субъектах РФ, и в частности в Республике Саха (Якутия), показывает необходимость учета ряда условий в целях сохранения языкового многообразия Российской Федерации:

- принять федеральный закон об основах государственной языковой политики Российской Федерации, в котором следует предусмотреть правовые нормы по устранению существующих противоречий в функционировании и использовании государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик, официальных и других языков России;

- ввести территориальные принципы употребления языков, наделяющих полномочиями по определению коммуникативно и демографически первого языка органы местного самоуправления;

- рассмотреть вопрос о включении в образовательный стандарт обязательного изучения коренных языков, включая титульные языки республик. Рассмотреть возможность введения ЕГЭ по предмету «родной язык»;

- опираться на лингвистическую экспертизу и мнение научного сообщества при решении вопросов языковой политики страны. Необходимо создать координирующий центр (комитет), в который должны войти лингвисты, специалисты по языкам народов РФ. Так, например, вопросы, связанные с созданием и реформированием алфавитов языков РФ, должны решаться на заседании этого центра;

- сотрудничать с языковыми сообществами и учитывать их мнение при формировании языковой политики.

Реализация законов о языках может сыграть положительную, творческую роль в функциональном развитии языков народов России лишь в том случае, если этот процесс будет про-

ходить в соответствии с конкретными объективными национально-демографическими, национально-культурными, социально-лингвистическими, материально-техническими условиями, а также ценностными ориентирами носителей языков, их языковой компетенцией.

Список сокращений и аббревиатур:

ВПН – Всероссийская перепись населения.
КМНС – коренные малочисленные народы Севера.
РС (Я) – Республика Саха (Якутия).
РФ – Российская Федерация.
ФЗ – федеральный закон.

Литература:

- Арутюнова Е. М.** Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 25–35.
- Батюшкина М. В.** Государственные языки республик: к вопросу о моделировании статуса, функциональной роли и ситуациях употребления // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 3. С. 113–128.
- Биткеева А. Н.** Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы. Вопросы филологии. № 1. 2018. С. 31–37.
- Биткеева А. Н., Вингендер М., Михальченко В. Ю.** Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социоллингвистический аспект. Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание, 2019. Т. 18, № 3. С. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1
- Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н.** Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. DOI:10.25178/nit.2020.1.4
- Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С.** Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>
- Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С.** Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905> DOI: 10.25178/nit.2020.1.5
- Зяблина М. В.** Реализация принципа языка уголовного судопроизводства // Lex russica (Русский закон). 2016. № 11. С. 155–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.155-161
- Иванова Н. И.** Функциональный статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 4 (29). С. 101–106. DOI: 10.25693/SVG.2020.31.2.008.
- Иванова Н. И., Никитина В. Н., Филиппова А. Г.** Социоллингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса // Научный диалог. № 10, 2021. С. 65–84. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-65-84
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года** // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера республики до 2035 года.**
- Круглый стол** «Новый ФГОС: что ждет родные языки?» 21.02.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=p_GJwAdbs0
- Михальченко В. Ю.** Языковое планирование в полиэтнических странах // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. С. 137–145.
- Направления развития** этноречевой среды в сфере образования и воспитания: круглый стол: 13.02.2019 / Начальник Управления образования ОА г. Якутск А. К. Семенов.
- Никифорова Е. П., Борисова Л. П.** Языковая образовательная политика в Республике Саха (Якутия) // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9 (53). С. 543–552.
- Постановление Правительства Республики Саха (Якутия)** от 15 сентября 2021 года № 359 «О государственной целевой программе Республики Саха (Якутия) «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы». URL: <https://www.ivo.garant.ru>
- Приказ Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия)** от 4 марта 2021 года № 01–03/298 «Об утверждении Концепции воспитания детей и молодежи в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://www.consultant.ru>

Одинг Н. Ю., Юшков А. О., Савулькин Л. И. Использование национальных языков как государственных в республиках РФ: правовые и экономические аспекты // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 1. С. 112–130.

Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) в 2021 году и задачах на 2022 год. URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Ob-ispolnitelynom-OGV-RS--/Otcheti-v-Pravitelystvo-RS--/publichnye-doklady-mo-rsja>

Правовая коллизия, или Конец судопроизводству на якутском языке? URL: <https://www.sakhaparliament.ru/ru/obshchestvo/rezonans/6067-pravovaya-kolliziya-ili-konets-sudoproizvodstvu-na-yakutskom-yazyke>

Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка // Министерство образования и науки Российской Федерации: официальный сайт, 2016. URL: <https://data.gov.ru/opendata/7710539135-d7?language=ru>

Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Ядреев И. В. Использование государственных языков субъектов Федерации в деятельности органов прокуратуры // Законность. 2019. № 8. С. 38–41.

Spolsky B. Language Policy. Cambridge, 2004.

Биткеева Айса Николаевна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
главный научный сотрудник МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики» СВФУ им. М. К. Аммосова.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, 1/1, Москва, 125009.

E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Иванова Нина Иннокентьевна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
главный научный сотрудник МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики» СВФУ им. М. К. Аммосова.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.

E-mail: haar-haar@mail.ru

Ядреев Иван Васильевич.

Прокурор Хангаласского района Республики Саха (Якутия), старший советник юстиции,
преподаватель-исследователь, соискатель факультета подготовки научных кадров.

Университет Генеральной прокуратуры РФ.

Ул. Азовская, 2/1, Москва, 117638.

E-mail: kutlug@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 июля 2022 г.

A. N. Bitkeeva, N. I. Ivanova, I. V. Yadreev

THE DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF FEDERAL AND REGIONAL LANGUAGE LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)⁸

The article considers the development of language legislation in the Russian Federation at the federal and regional levels after the 1990s, starting from the trends in language policy, its goals, actors, and debates. The current state of the subject shows that the legal, juridical, and sociolinguistic aspects of this issue are still poorly researched in relation to the materials on ethnic languages of the Russian Federation. The changing attitude of the world community towards linguistic diversity and the principles of language policy, which also affected the approach to the solution of the language issue in Russia, led to the admission of the need to develop a new language policy reflecting the interests of the state and its citizens, or to the introduction of new provisions in the legal acts concerning the ethnic languages of Russia. The main legal acts of the Russian Federation were adopted under dif-

⁸ The research was funded by the grant No. 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project "Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation".

ferent political conditions and therefore reflect the multidirectional language policy of the country as a whole. Language legislation falls under the jurisdiction of the Russian Federation and its subjects, with the federal legislature having the right to create the basis for the legal regulation of the languages of the Russian Federation. The legislation of the Russian Federation has maintained not only the Soviet hierarchy of language status, but also the principle of territorial division of language function, in which a given language changes its function in the official spheres of communication depending on its localization in a given subject and the compact way of life of its speakers. The researchers note that the language policy of the Russian Federation since 2010 has existed on two levels – de jure and de facto. On the one hand, a policy of linguistic unity in diversity is built – multilingualism is a priority, on the other hand, there is a language policy of centralization – the creation of a monolingual single communicative space, which leads to a linguistic monopoly, dominance in all areas of the functioning of the Russian language. The role of other languages in the life of the state is no longer recognizable. The last decade has reflected this trend in a number of adopted language laws. The most important innovation in the language legislation of the Russian Federation is the amendment to Article 68 of the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020, which was adopted in the all-Russian vote on 01.07.2020. According to it, the Russian language received a specific definition of the language of the state-forming ethnos, i.e., a part of the multi-ethnic union of equal peoples. Another innovation in the language legislation of RF is the adoption of amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation” and the introduction of the norm for the voluntary study of native languages, which active debates in recent years have accompanied. As a result, researchers point to an obvious deterioration of conditions for bilingualism, which are uneven in all subjects of the Russian communication space and create conditions for the expansion of monolingualism.

In the article, special attention is paid to the analysis of the development of language policy and legislation in the Republic of Sakha (Yakutia). The linguistic context of the Republic of Sakha (Yakutia) is considered from the point of view of “key actors”, “key models”, and active discussions in public and scientific discourses. The changes in language behavior and attitudes of young people and children in Sakha, gradually leading to Russian monolingualism, a decline in bilingual practices, and an imbalance in legislative initiatives on language use, are of great importance to the Yakut community. This fact urges an analysis of the activities of the current language policy in the republic.

The considered experience in language policy and peculiarities of language legislation of the Republic of Sakha (Yakutia) allow to highlight the positive and negative aspects of the current federal and regional language policy and to consider the possibility of transferring the positive experience to other regions of the Russian Federation.

Keywords: *languages of Russia, language policy, language legislation, language rights*

References:

- Arutyunova E. M.** Jetnojazykovye problemy i perspektivy v obrazovatel'noj sfere rossijskih respublik (na primere Bashkortostana) [Ethnolinguistic problems and perspectives in educational sphere of Russian republics (the case study of Bashkortostan)] // Sociologicheskie issledovanija. 2018. No 4. P. 25–35. (in Russian).
- Batyushkina M. V.** Gosudarstvennye jazyki respublik: k voprosu o modelirovanii statusa, funkcional'noj roli i situacijah upotreblenija [State languages of the republics: on the issue of modeling the status, functional role and situations of use] // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates. 2017. Vol. 3, No 3. P. 113–128 (in Russian).
- Bitkeeva A. N.** Razvitie jazykov Rossijskoj Federacii: dinamika, problemy, prognozy [Development of the languages of the Russian Federation: dynamics, problems, prognosis] // Voprosy filologii. No 1. 2018. P. 31–37 (in Russian).
- Bitkeeva A. N., Wingender M., Mikhilchenko V. Yu.** Prognozirovanie i jazykovoe mnogoobrazie v Rossijskoj Federacii: sociolingvisticheskij aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 2, Jazykoznanie, 2019. Vol. 18, No 3. P. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1 (in Russian).
- Borgoiakova T. G., Bitkeeva A. N.** Tuvinskij jazyk v pravovom i funkcional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect] // Nove issledovanija Tuvy. 2020. No 1. URL: <https://nit.tuva.asiant/article> DOI: 10.25178/nit.2020.1.4
- Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S.** Jazykovye ustanovki i jazykovaja lojal'nost' nositelej malyh jazykov v uslovijah nacional'no-russkogo dvujazychija (na primere burjat i tuvincev) [Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans] // Nove issledovanija Tuvy. 2020, No 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905>. DOI: 10.25178/nit.2020.1.5
- Zyablina M. V.** Realizacija principa jazyka ugovolnogo sudoproizvodstva [Implementation of the language principle of criminal law proceedings] // Lex russica (Russkij zakon), 2016. (11). P. 155–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.155-161 (in Russian).

Ivanova N. I. Funkcional'nyj status russkogo jazyka v Respublike Saha (Jakutija) [Functional status of the Russian language in the Republic of Sakha (Yakutia)] // Severo-Vostochnyj humanitarnyj vestnik. 2019. No 4 (29). P. 101–106. DOI: 10.25693/SVG.2020.31.2.008 (in Russian).

Ivanova N. I., Nikitina V. N., Filippova A. G. Sociolingvističeskaja obuslovlennost' funkcionirovanija jakutskogo jazyka v sfere škol'nogo obrazovanija: istoki nachinajushhego krizisa [Sociolinguistic conditionality of the functioning of the Yakut language in the field of school education: the origins of incipient crisis] // Nauchnyj dialog. No 10, 2021. P. 65–84. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-65-84 (in Russian).

Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda [Results of the All-Russian population Census 2010] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: oficial'nyj sajt. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc-perepis_itogi1612.htm.

Koncepcija ustojčivogo razvitija korennyh malochislennyh narodov Severa respubliki do 2035 goda. [The conception of sustainable development of indigenous peoples of the North of the republic till 2035].

Kruglyj stol "Novyj FGOS: čto zhdet rodnye jazyki?" [Round table "New Federal state educational standard: what awaits native languages?"]. 21.02.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=p_GJwAdbso

Kruglyj stol "Napravlenija razvitija jetnorečevoj sredy v sfere obrazovanija i vospitanija" [Round table "The strategies of the development of ethnic speech environment in the field of education and upbringing"]. Rukopis': 13.02.2019 / Nachal'nik Upravljenija obrazovanija OA g. Jakutsk A. K. Semenov.

Mikhalchenko V. Yu. Jazykovoe planirovanie v polijetnicheskikh stranah [Language planning in multiethnic countries] // Vestnik Kalmyckogo instituta humanitarnyh issledovanij RAN. 2016. P. 137–145 (in Russian).

Nikiforova E. P., Borisova L. P. Jazykovaja obrazovatel'naja politika v Respublike Saha (Jakutija) [Language education policy in the Republic Sakha (Yakutia)] // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2015. No 9 (53). P. 543–552 (in Russian).

O gosudarstvennoj celevoj programme Respubliki Saha (Jakutija) "Razvitie Arktičeskoj zony Respubliki Saha (Jakutija) i korennyh malochislennyh narodov Severa Respubliki Saha (Jakutija) na 2020–2024 gody" [On the state program of the Republic of Sakha (Yakutia) "Development of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) and indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2020–2024"]. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Saha (Jakutija) ot 15 sentjabrja 2021 goda № 359. URL: <https://www.ivo.garant.ru>

Ob utverzhdenii Koncepcii vospitanija detej i molodezhi v Respublike Saha (Jakutija) [On the approval of the Conception of education of children and youth in the Republic of Sakha (Yakutia)]. Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki Respubliki Saha (Jakutija) ot 4 marta 2021 goda № 01–03/298. URL: <https://www.consultant.ru>

Oding N. Yu., Yushkov A. O., Savulkin L. I. Ispol'zovanie nacional'nyh jazykov kak gosudarstvennyh v respublikah RF: pravovye i jekonomičeskie aspekty [The use of ethnic languages as state ones in the republics of the Russian Federation: legal and economic aspects] // Terra Economicus. 2019. Vol. 17, No 1. P. 112–130. (in Russian).

Otčet ob itogah dejatel'nosti Ministerstva obrazovanija i nauki Respubliki Saha (Jakutija) v 2021 godu i zadachah na 2022 god [Report on the results of activities of the Ministry of education and science of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2021 and goals for 2022]. URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Ob-ispolnitel'nom-OGV-RS-/Otčeti-v-Pravitel'stvo-RS-/publichnye-doklady-mo-rsja>.

Pravovaja kollizija, ili Konec sudoproizvodstvu na jakutskom jazyke? [Legal conflict, or the end of legal proceedings in the Yakut language?]. 24.03.2021. URL: <https://www.sakhaparlament.ru/ru/obshchestvo/rezonans/6067-pravovaya-kollizija-ili-konets-sudoproizvodstvu-na-yakutskom-jazyke>

Svedenija o raspredelenii uchrezhdenij, realizujushhih programmy obshhego obrazovanija, i obučajushhihsja po jazyku obuchenija i po izucheniju rodnogo (nerusskogo) jazyka [Information on the distribution of institutions implementing general education programs and pupils in the language of instruction and in the study of their native (non-Russian) language] // Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt, 2016. URL: <https://data.gov.ru/opendata/7710539135-d7?language=ru>

Federal'nyj zakon RF ot 29.12.2012 № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" [Federal Law of the Russian Federation at December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation"].

Jadreyev I. V. Ispol'zovaniye gosudarstvennyh jazykov sub'yektov Federatsii v deyatel'nosti organov prokuratury [he use of the state languages of the subjects of the Federation in the activities of the prosecutor's office] // Zakonnost'. 2019. No 8. pp. 38–41 (in Russian).

Spolsky B. Language policy. Cambridge, 2004.

Bitkeeva Aysa Nikolaevna.

Doctor of sciences (philology), leading research fellow,

chief research fellow, International scientific research laboratory "Linguistic ecology of the Arctic" o NEFU.

Institute of linguistics of the RAS.

Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Ivanova Nina Innokentievna.

Doctor of sciences (philology), leading research fellow,

chief research fellow International scientific research laboratory "Linguistic ecology of the Arctic" o NEFU.

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS.

Petrovskogo St., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: haar-haar@mail.ru

Yadreev Ivan Vasilievich.

Prosecutor of the Changalas region of the Republic of Sakha (Yakutia), high counselor of justice,

Lecturer-researcher, applicant of the Faculty of scientific personnel training.

University of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Azovskaya St., 2/1, Moscow, Russia, 117638.

E-mail: kutlug@mail.ru

И. А. Данилов, В. Б. Игнатьева

МОЛОДЕЖЬ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ¹

На основе результатов массового опроса, проведенного среди сельской и городской молодежи коренных малочисленных народов Севера, проживающей в Республике Саха (Якутия), интерпретированы вопросы их этноязыковой идентичности и речевого поведения. В теоретическом плане проанализированы разные подходы к трактовке понятия «родной язык» и их проекции в программах переписей населения России. В сравнении с результатами предыдущих исследований рассмотрены ценностные ориентации молодых северян, в результате чего выявлен заметный сдвиг этнокультурных установок: определено, что этнический маркер «родной язык» скатился с первого на четвертое место в иерархии этнообъединяющих маркеров. Этноязыковая идентичность молодежи проанализирована в контексте процесса языкового сдвига, отраженного в результатах всесоюзных и всероссийских переписей населения. Кроме того, через призму этноязыковой самоидентификации респондентов и функциональной дистрибуции языков по сферам общения выявлены статус и место государственных языков Якутии (русского и якутского) в жизни северян. Путем анализа ответов на вопрос о владении родным языком в ближайшем окружении в разрезе возраста и места проживания респондентов определены наметившиеся позитивные тенденции в сохранении языков. Для сельской молодежи характерна высокая приверженность к этническому языку, у них наблюдается устойчивое признание его в качестве родного. Успешная передача языка между поколениями демонстрирует хорошую степень его сохранности. В городской среде среди респондентов 15–19 лет наблюдается языковой сдвиг в пользу более «престижного» русского языка, но родные языки почти во всех случаях общения используются более взрослой молодежью. Несмотря на это, авторами отмечен постепенный подъем этнического самосознания молодых северян, который на индивидуальном/групповом уровне может придать «второе дыхание» родным, национальным языкам коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: *родной язык, этноязыковая идентичность, языковое поведение, коренные малочисленные народы Севера, молодежь Севера*

Как известно, язык – один из главных и определяющих признаков любого этнического сообщества и одновременно одно из важнейших условий его существования как субъекта исторического процесса. Основоположник теоретического языкознания Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что «язык – дух народа» (Гумбольдт, 1984: 165), соответственно, вопросы сохранения языков народов мира всегда будут актуальными безотносительно от численности их носителей, соотношения активно или пассивно владеющих ими людей, независимо от ситуации одноязычия, двуязычия или многоязычия народов и других внешних экстралингвистических условий их функционирования.

Республика Саха (Якутия) является многонациональным регионом Российской Федерации, выделяющимся языковым и этнокультурным многообразием и отличающимся нестабильностью языковой ситуации. Территория республики является ареалом исконного обитания пяти коренных народов Севера: эвенков, эвенов, долган, юкагиров и чукчей, язык которых находится на разных стадиях исчезновения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в регионе проживают 39 936 представителей народов Севера (Итоги ВПН-2010): 1 281 юкагиров (79,9 % всех юкагиров страны), соответственно, 15 071 эвенов (67,3 %), 21 008 эвенков (55,5 %), 1 906 долган (24,2 %), 670 чукчей (4,2 %). В целом их доля в общей численности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации составляет 15,5 %; в общем составе населения Республики Саха (Якутия) – 4,2 % якуты (саха) – 466,4 тыс. чел. и русские – 353,6 тыс. чел.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

Учитывая, что одним из важных показателей сохранности этнических сообществ является степень приверженности его членов к своему родному, национальному языку, в рамках данной статьи анализу подвергается этноязыковая идентичность и речевое поведение молодежи коренных малочисленных народов Севера, проживающей в Республики Саха (Якутия).

В исследовательском фокусе находится молодое поколение коренных малочисленных народов Севера, которое включает в себя молодых людей с 15 до 40 лет. Выбор этой социально-демографической группы в качестве объекта специального изучения прежде всего обусловлен возрастной пирамидой, характеризующейся значительным удельным весом молодежи. Сегодня самую большую часть северян составляют лица, которые в период ВПН-2010 находились в возрасте 20–29 лет; за ними следуют представители менее многочисленных когорт 1990-х и начала 2000-х годов рождения, которые в совокупности обладают большим демографическим весом, чем люди из старших и пожилых возрастных групп.

Эмпирический материал исследования был собран в 2021 г. в рамках НИР «Ресурсы идентичности, языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): современное состояние, локальный и глобальный контекст трансформаций» (рук. В. Б. Игнатьева), реализованной в рамках «Программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности. 2020–2022 гг.» по поручению Президента РФ В. В. Путина (№ Пр-71, п. 6 от 16.01.2020 г.). В данной статье интерпретируются ответы как сельской ($n = 528$), так и городской молодежи ($n = 134$).

Родной язык в научной литературе и практической плоскости

При изучении актуальных проблем сохранения и развития родных языков народов Севера следует иметь в виду, что само понятие «родной язык» (*mother tongue*) имеет различные трактовки. В рамках понятийно-методологического аппарата российской социальной лингвистики термин «родной язык» вбирает в себя четыре значения: 1) *материнский язык*: первый язык, который усвоен человеком с детства («язык колыбели»); 2) *этнический язык* (язык национальности человека, независимо от его владения); 3) *функционально первый язык*; 4) *национальный язык*, т. е. язык любого народа России, кроме русского (Словарь ..., 2006: 187; Язык ..., 2016: 375).

По мнению В. Ю. Михальченко, родным языком является язык, усвоенный человеком в детстве и/или язык семейного общения (Михальченко, 2014: 210). В. М. Алпатов оговаривает, что термин «родной язык» многозначен (Алпатов, 2000: 11; Алпатов, 2015: 3), но больше склоняется к тому, что это материнский язык, естественно усвоенный ребенком в первые годы жизни; стремление пользоваться им в любой ситуации общения порождает потребность идентичности. В некоторых работах по языковой политике он применяет эти термины синонимично (Алпатов, 2013а: 8; Алпатов, 2013б: 11), в других – применяет только термин «родной язык» в отношении языка, желаемого и используемого человеком в общении (Алпатов, 2020: 114). В. А. Тишков подвергает ревизии категории «родной язык», «материнский язык», «национальный язык» (Тишков, 2016: 295; Тишков, 2018: 18; Тишков, 2019: 129). Анализ зарубежного опыта, политического дискурса и различных подходов к трактовке термина «родной язык» позволил ему выдвинуть тезис: «Родной язык – это совсем не обязательно язык той или иной национальности. Родной язык – это основной язык знания и общения» (Тишков, Акбаев, 2020: 21).

Таким образом, даже краткий обзор основных трудов ведущих отечественных социолингвистов и другой научной литературы показывает, что в современной лингвистической парадигме не имеется устоявшегося определения термина «родной язык». В связи с этим возникает закономерный вопрос: какова тогда ситуация в практической плоскости? Ведь термин «родной язык» представлен в программе и рабочем инструментарии переписей населения –

широкомасштабного статистического наблюдения за динамикой разнообразных процессов, происходящих в обществе, в том числе и этноязыковых.

Анализ программ всесоюзных и всероссийских переписей населения, периодически проводившихся в нашей стране, показывает аналогичную ситуацию. Например, программы переписей советского периода придерживались таких разных признаков родного языка, как «разговорный язык опрашиваемого» (1926), «язык, которым опрашиваемый лучше всего владеет» и/или «язык, которым обычно пользуются в семье» (1939), а так же как язык, который переписываемое лицо само определяло «родным языком» (1959, 1970, 1979, 1989). Начиная с переписи 1970 г. в анкете сплошного наблюдения появляется второй вопрос: «Указать также другой язык народов СССР, которым Вы свободно владеете».

Методическим «новшеством» первой постсоветской переписи населения России 2002 г. стало «исчезновение» вопроса о родном языке и введение в бланк переписи двух вопросов: «Владеете ли Вы свободно русским языком» и «Другой язык, которым Вы свободно владеете». Цель первого вопроса заключалась в определении распространенности государственного русского языка, а второго – в составлении общей картины многоязычия населения страны. По замыслу организаторов, исчезнувший вопрос о родном языке «органично вписывался» во второй вопрос, так как в инструкции для счетчиков было указано, что если опрашиваемый человек свободно владеет языком своей национальности, то названный язык указывается первым, лишь затем указываются другие (т. е. предполагалось, что это и есть ответ на вопрос о родном языке). В результате получили данные о количестве языков, которыми владеет среднестатистический россиянин, а объективной информации о языках, определяющих лингвистическую идентичность многонационального населения, а также языках, составляющих доминанту той или иной языковой среды, непосредственно в регионах страны нет.

Дальнейшее совершенствование программы переписей населения России воплотилось в 2010 г. в три вопроса: «Владеете ли Вы русским языком», «Какими иными языками Вы владеете» и «Ваш родной язык»; в 2020 г. – в пять вопросов: «Владеете ли Вы русским языком», «Используете ли Вы его в повседневной жизни», «Какими иными языками Вы владеете», «Какие из них Вы используете в повседневной жизни» и, наконец, «Ваш родной язык». Нужно сказать, что постоянно меняющаяся методология Росстата, до и после проведения последних переписей, сопровождалась бурной общественной дискуссией (Этнография ..., 2003; На пути ..., 2003; Этнологический ..., 2011).

В 2020 г. основная тематика дебатов была связана с составом, формулировкой, назначением и очередностью вопросов, включенных в бланк переписи. В указанном аспекте нельзя не заметить, что после первых двух вопросов, посвященных государственному русскому языку, логичнее было бы поставить вопрос о родном языке и лишь затем выявлять иные языки, которыми владеют и пользуются люди, включая жестовый язык глухих. Представляется, что для многонационального государства целесообразнее собрать актуальные сведения о родных языках, которые являются не только действующими языками народов России и языками массового общения, но также учесть тот факт, что 25 языков обладают статусом государственных языков в 19 республиках, в том числе и в Якутии. Этот статус закреплён в Конституции РФ, в конституциях самих республик в составе РФ, а также в республиканских законах о языках.

Предвзятое отношение организаторов переписи к родным языкам также обнаружили в отсутствии в переписном бланке вопроса об использовании родных языков в повседневной жизни опрашиваемого населения, тогда как в предыдущих вопросах по государственному русскому и иным языкам они присутствуют. Из этого можно заключить, что основной задачей переписи является предоставление новых данных только о русском и иных языках, в том числе иностранных, что абсолютно недостаточно для получения максимально объективизированной лингвистической картины как в стране в целом, так и в российских регионах. На наш взгляд, перепись должна как можно более точно определить степень функционирова-

ния активных языков и реальное языковое поведение населения страны, соответственно, выявить устойчивость или ослабление/угасание отдельных языков, которые в соответствии с Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств, подписанной Российской Федерацией (но не ратифицированной), в первую очередь нуждаются в защите и поддержке со стороны государства.

Одним из важных критериев цивилизованности любого современного государства мира является политика по отношению к культурным и языковым меньшинствам, являющимся составной частью их народонаселения. Как правило, государство берет на себя обязательство сохранять и развивать языки меньшинств, в ответ требуя от них лояльности к статусным языкам: в зарубежных странах – официальному языку/языкам, в Российской Федерации – к государственному русскому языку как языку государствообразующего русского народа.

Отметим, что в рамках выполнения международных обязательств государства, подписавшие Европейскую хартию, должны периодически предоставлять доклады о соблюдении ее положений, в том числе совершенно конкретные данные, например, о численности населения, использующего региональные языки (Европейская ..., 2010). Получается так, что по итогам ВПН-2020 такие цифровые показатели невозможно дать именно по родным языкам народов России; зато есть данные по иным языкам, в том числе английскому языку, что выглядит несколько некорректным по отношению к первым. Хотя, по мнению специалистов, состояние нерусских языков в России – чрезвычайно важная информация с точки зрения имплементации международных норм в действующее российское законодательство о языках (Степанов, 2010).

По существу, принятая отечественной статистикой методология принципов учета родного языка и функционирования языков народов России косвенно свидетельствует о формальном подходе государственной бюрократии не только к анализу современной языковой ситуации в стране, но и к проблемам в области формирования языковой политики и языкового строительства вообще (это вопросы совершенствования и развития федерального и регионального законодательства, разработки федеральных национальных проектов, федеральных и региональных целевых программ и др.).

Языки народов Севера Республики Саха (Якутия) в контексте переписей населения

Понятно, что вследствие расхождения трактовок понятия «родной язык», как в существующей литературе, так и в программах переписи населения, статистические совокупности, составленные в разные годы по этому признаку, не всегда соответствуют фактическим реалиям и с большой долей погрешности могут служить исходным материалом для сравнительных характеристик исследуемых групп населения. Однако учитывая отсутствие других статистических источников, будем использовать данные переписей, которые дают исходную информацию о языковом разнообразии (общее количество языков, функционирующих в стране; количество языков массового владения; количество языков, распространенных среди 1 % населения), о реальной языковой ситуации (распространенность государственного языка страны и республик; распространенность других языков; использование/неиспользование отдельных языков; языковые сдвиги), о двуязычии/многоязычии (владение вторым/третьим языком) и др.

Итак, по данным всесоюзных и всероссийских переписей населения по Якутской АССР и Республике Саха (Якутия), в 1989 г. считали национальный язык родным: 97,8 % – долган, 63,2 % – чукчей, 35,2 % – юкагиrow, 34,7 % – эвенов и 8,5 % – эвенков (Итоги ВПН-1989); в 2002 г.: 56,1 % – чукчей, 28,3 % – юкагиrow, 28,1 % – эвенов, 7,6 % – эвенков и 3,2 % – долган (Итоги ВПН-2002). Принимая во внимание, что родной язык является одним из главных элементов самоидентификации человека, рассмотрим данные ВПН-2010 по следующим группировкам: численность лиц, считающих родным язык своей национальности, русский язык и якутский язык, которые представлены в таблицах 1, 2 и 3.

Таблица 1

Численность лиц, считающих родным язык своей национальности

Народ	Численность в России, чел.	Считают родным языком	В %	Численность в Якутии, чел.	Считают родным языком	В %
Эвенки	38 396	5 688	14,8	21 008	1 346	6,4
Эвены	21 830	5 538	25,4	15 071	3 089	20,5
Чукчи	15 908	7 473	46,97	670	287	42,8
Долганы	7 885	4 803	60,94	1 906	53	2,8
Юкагиры	1 603	350	21,8	1 281	306	23,9

Таблица 2

Численность лиц, считающих родным русский язык

Народ	Численность в России, чел.	Считают родным языком	В %	Численность в Якутии, чел.	Считают родным языком	В %
Эвенки	38 396	14 080	36,7	21 008	2 536	12,1
Эвены	21 830	6 742	30,9	15 071	2 003	13,3
Чукчи	15 908	8 236	51,8	670	333	49,7
Долганы	7 885	1 256	15,9	1 906	59	3,1
Юкагиры	1 603	821	51,2	1 281	563	43,95

Таблица 3

Численность лиц, считающих родным якутский язык

Народ	Численность в России, чел.	Считают родным языком	В %	Численность в Якутии, чел.	Считают родным языком	В %
Эвенки	38 396	17 190	44,8	21 008	17016	81,0
Эвены	21 830	9 875	45,2	15 071	9848	65,3
Чукчи	15 908	44	0,3	670	44	6,6
Долганы	7 885	1 801	22,8	1 906	1792	94,0
Юкагиры	1 603	401	25,0	1 281	400	31,2

Данные представленных таблиц и другие переписные материалы свидетельствуют о широком диапазоне этноязыковых процессов, происходящих у представителей коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Во-первых, об интенсивном распространении русского языка как государственного языка и второго языка, которым владеет опрошенное население. В частности, численность лиц, владеющих русским языком как вторым, составила у чукчей – 100 %, юкагиров – 96,7 %, эвенов – 90,8 %, эвенков – 90,3 %, долган – 85,9 %. Во-вторых, о продолжающемся языковом сдвиге, который связан с трансформацией этноязыковой самоидентификации коренных народов Севера, вызванной в первую очередь их переходом со своего родного языка на доминирующие языки за счет сужения сфер функционирования первого, в том числе на уровне бытового общения. Так, родным русский язык считают часть чукчей и юкагиров, исконная среда расселения которых характеризуется полиэтнической плотностью, за счет чего основным коммуникативным инструментом выступает русский язык; якутский – подавляющее большинство долган, эвенков и эвенов, проживающих на одной территории совместно с якутоязычным населением.

Родной язык северян в системе ценностных ориентаций

На описанном фоне логичным выглядит вопрос: каков сценарий будущего у миноритарных языков Севера? Действительно ли мнение о неизбежности их утраты или возможна реви-

тализация, основанная на высокой ценности этничности, выявленной по итогам социологического опроса сельской и городской молодежи коренных малочисленных народов Севера Якутии? Например, выводы британского ученого В. Литра, основанные на широком теоретическом анализе научной литературы и эмпирических данных, свидетельствуют о глубокой взаимосвязи языка и идентичности, в частности о том, что язык служит маркером проявления этнической идентичности (Lytra, 2016).

Учитывая, что еще в недавнее советское время именно язык воспринимался как мощный ресурс формирования этнической идентичности, носитель и транслятор культуры коренных народов Севера, представляется уместным сравнить данные социологического опроса 1990 г. с итогами данного исследования. Как известно, это был один из последних крупномасштабных социологических опросов в Якутии, проведенный по теме «Межнациональные отношения» (n = 3500).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Что сближает Вас с другими людьми Вашей национальности?», в % (по Т. В. Аргуновой)

Этнические группы	Родной язык	Народные обычаи, обряды, культура	Общее прошлое	Общее будущее	Религия	Черты внешнего облика	Черты характера, психология
Якуты	64,4	41,7	25,8	28,1	1,6	10,3	25,7
Русские	38,2	21,7	20,1	25,2	2,5	8,6	24,9
Эвены	52,1	36,6	16,9	22,5	4,2	4,2	19,7
Эвенки	45,2	30,4	31,1	34,1	3,0	16,3	25,9

Тогда была выделена следующая иерархия основных этнообъединяющих факторов, наиболее значимых для респондентов: среди эвенков важными представлялись (по убыванию) – «родной язык», «общее будущее», «общее прошлое», «народные обычаи, обряды, культура», «черты характера, психология» и т. д.; соответственно, для эвенов – «родной язык», «народные обычаи, обряды, культура», «общее будущее», «черты характера, психология», «общее прошлое» и т. д. (Аргунова, 1993: 89). Как видно из таблицы 4, большинство из опрошенных этнических групп Якутии поставило на первое место «родной язык», причем с заметным отрывом от других предложенных на выбор маркеров интеграции. Больше всех «родной язык» сближал со своим народом респондентов-якутов и эвенов. По всей видимости, это объясняется тем, что национальный язык был более всего сохранен в статусе родного у эвенов, чем у эвенков, что имеет место и в настоящее время.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Что сближает Вас с другими людьми Вашей национальности?», в % (Данилов, Игнатъева)

Группы	Родной язык	Культура	Родная земля, природа	Народные обычаи, обряды	Общее будущее	Верования	Черты внешнего облика, характера
Сельская молодежь	47,6	47,6	47,6	47,6	47,6	47,6	47,6
Городская молодежь	37,3	37,3	37,3	37,3	37,3	37,3	37,3

Как видно из таблицы 5, среди современного списка этнообъединяющих маркеров выделим первую тройку (по убыванию): в городе это – «родная земля, природа», «культура»,

«обычаи и обряды»; в селе – «культура», «родная земля, природа», «обычаи и обряды». Видно, что по сравнению с эмпирическими результатами 1990 г. (Аргунова, 1993) произошел заметный сдвиг этнокультурных ценностей и вполне вероятно, что он будет продолжаться по мере смены одних поколений другими. Прежде всего речь идет о родном языке народов Севера, который откатился с первого на четвертое место в иерархии этнообъединяющих факторов, причем как в городской, так и в сельской местности. Как оказалось, такой сильнейший маркер этнической самоидентификации, как «родной язык», сохраняет свои позиции у 47,5 % сельских и 37,3 % городских респондентов. Согласно данным переписей населения, более высокий уровень владения своим этническим языком всегда был характерен для сельского населения коренных народов Севера, что подтверждается и результатами настоящего исследования.

В городской среде значимость родного языка существенно снижается в силу объективных причин: это – полиэтническое окружение, малочисленность этнической группы, межнациональные браки, социализация детей в ДООУ и обучение школьников в СОШ на русском и якутском языках. Кроме того, по месту жительства, учебы, работы, культурного досуга и др. главенствующими языками общения также являются русский и якутский языки (Иванова, 2012; Иванова, 2017). Тот факт, что более трети городской молодежи отметили родной язык как важный маркер принадлежности к своему народу, возможно, являет собой разные рефлексии на социологическую реальность г. Якутска. С одной стороны, это может быть демонстрация своей этничности вне зависимости от степени владения родным языком; с другой – стремление молодых респондентов знать язык предков и развивать свои языковые компетенции в ответ на вызовы глобализации и культурной унификации.

Вместе с тем видно наличие заметной группы молодых респондентов, убежденных в том, что осознание человеком своей этничности, отличающей его от других людей, не подразумевает обязательного знания языка и культуры своего народа; в этой группе значительно больше городской молодежи. Если к ним присоединить группу респондентов, разделяющих нигилистическое утверждение о том, что этничность, язык и культура не востребованы в современных условиях, то получается следующая картина. Примерно для трети опрошенного массива их собственная этническая идентичность не представляется сколько-нибудь значимой, а ценности родного языка и национальной культуры находятся за пределами их идентичности либо вовсе не наделяются положительными характеристиками.

Этноязыковая идентичность северян и функционирование языков

Прежде чем перейти к анализу результатов массового социологического опроса молодежи коренных малочисленных народов Севера по языковому блоку, еще раз рассмотрим итоги последней советской переписи 1989 г., которые дают более наглядное представление об итогах этноязыковых процессов, происходивших на территории Якутии в течение многих столетий. Если до XIX в. для большинства представителей народов Севера было характерно национально-якутское двуязычие, сопровождавшееся переходом на якутский язык, то начиная примерно с середины XX в. – национально-якутско-русское трехязычие с языковым сдвигом в пользу русского языка. Эти процессы были детерминированы в большей степени языковым окружением и межнациональными браками коренных народов Севера, однако обуславливались и другими экстралингвистическими факторами – языком воспитания и образования в советских ДООУ и средних общеобразовательных учреждениях, недостаточным уровнем языковой лояльности к родным языкам и др.

Как свидетельствуют данные таблицы 6, в конце прошлого века активный языковой сдвиг в пользу якутского языка, репрезентируемый через этноязыковую идентичность опрошенных переписью, уже наблюдался у эвенков Якутии, на местах проживания которых языком межнационального общения выступал якутский язык. В этом отношении более стабильная ситуация наблюдалась у нерюнгринских эвенков, которая сохраняется и по настоящее время.

Таблица 6

Распределение населения районов по национальности и родному языку в 1989 г., чел.

Улус (район)	Эвенки			Эвены		
	Численность	Считают родным		Численность	Считают родным	
		язык своей национальности	якутский язык		язык своей национальности	якутский язык
Абыйский	45	1	38	142	21	116
Алданский	1890	126	1598	231	23	122
Аллайховский	15	2	10	544	161	328
Анабарский	372	4	367	97	1	96
Булунский	2086	6	2031	384	3	369
Верхнеколымский	9	3	2	197	72	63
Верхоянский	49	8	35	189	33	134
Жиганский	1836	5	1763	48	1	46
Кобяйский	28	6	18	677	602	66
Мирнинский	155	7	139	93	1	84
Момский	29	3	23	645	217	416
Нерюнгринский	904	693	25	51	18	6
Нижнеколымский	16	7	2	520	331	101
Оймяконский	49	8	30	332	179	119
Олекминский	942	53	792	65	7	44
Оленекский	2179	2	2163	30	1	29
Среднеколымский	25	3	17	364	282	58
Томпонский	81	16	38	735	527	40
Усть-Майский	1945	56	1543	44	7	21
Усть-Янский	49	4	41	939	282	631
Эвено-Бытантайский	4	—	4	903	22	873

Эвенкийское село Иенгра в Южной Якутии является единственным национальным поселением, в котором активно функционирует эвенкийский язык, в частности, в повседневном общении сельского социума (Стручков, 2011; Захарова, Алексеева, Никитина, 2018). Этому способствуют компактность проживания, а также этническая структура населения села, которая представлена эвенками (более 60 %) и отчасти русскими, а сам Нерюнгринский район является русскоязычным. Обстоятельство с этническим языком как «родным» лучше складывается у эвенов Якутии. Особо выделяются кобейские, нижнеколымские, оймяконские, среднеколымские, томпонские и усть-янские эвены, язык которых поддерживается в большей степени за счет их анклавного расселения.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Какой язык Вы считаете своим родным языком?», в % (Данилов, Игнатъева)

Язык	15–19 лет (село)	20–40 лет (село)	15–19 лет (город)	20–40 лет (город)
Эвенкийский	28,5	24,9	13,3	33,6
Эвенский	18,1	16,1	20,0	18,5
Юкагирский	1,6	0,7	6,7	6,7
Долганский	0,8	1,5	6,7	1,7
Русский	20,5	9,9	66,7	30,3
Якутский	83,1	82,1	53,3	54,6

Данные исследования, благодаря возможности респондентов указывать в качестве родного два языка, свидетельствуют о другом: у эвенков Якутии высокая двойная этноязыковая идентичность: они признают родным как эвенкийский язык, так и якутский. Как видно из таблицы 7, в сельской местности это явно выражается у респондентов 15–19 лет и чуть менее у лиц 20–40 лет; численность городских эвенков, признающих оба языка родным, превалирует у респондентов 20–40 лет. Эвенский язык, независимо от возраста и места проживания, стабильно признается родным у 16–20 % опрошенных. В целом среди сельской молодежи коренных народов Севера якутский язык признают родным почти равное число (82–83 %) представителей обеих возрастных групп, что подтверждает явное доминирование якутского языка в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Применительно к русскому языку: 20,5 % сельских респондентов 15–19 лет признают его родным, а среди молодежи 20–40 лет – 9,9 %. Этот факт подтверждает, что позиция русского языка в сельской местности Якутии заметно усилилась в XXI в. У городской молодежи 15–19 лет статус якутского языка ниже, чем русского: родным якутский признают 53,3 % лиц, а русский – 66,7 %. У респондентов 20–40 лет, наоборот, статус якутского языка заметно выше, чем русского: родным якутский признают 54,6 % молодых людей, а русский – 30,3 % лиц. По всей видимости, это связано с процессами урбанизации постсоветского времени: молодые люди из старшей возрастной группы переехали с родителями в городскую местность будучи детьми, пройдя социализацию в якутоязычной сельской местности.

Как свидетельствуют данные из таблицы 8, ответы молодежи народов Севера на вопрос о функциональной дистрибуции языков показывают следующие результаты. В селе родной язык чаще используется дома 12,9 % (15–19 лет) и 19 % (20–40 лет) опрошенными. В повседневном общении в стенах школы 10,5 % учащейся молодежи применяют родной язык; еще 11,3 % сообщили, что в школе общаются преимущественно на русском языке, а 16,5 % – на родном и русском языках. В общественных местах коммуникация происходит больше на русском языке: 15–19 лет – 20,6 %, 20–40 лет – 13,2 % респондентов; на родном и русском языках: 15–19 лет – 14,5 %, 20–40 лет – 11 % опрошенных молодых людей. Как оказалось, общение с друзьями строится на якутском языке либо на родном и якутском языках. У рабочей

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «На каком языке Вы чаще всего общаетесь?», в % (Данилов, Игнатъева)

	Варианты	Дома	В школе	В ссузе, вузе	На работе	С друзьями	В общест. местах
15–19 лет (село)	на родном языке	12,9	10,5	–	–	1,6	6,5
	на якутском языке	16,9	4,4	–	–	5,2	9,7
	на русском языке	2,0	11,3	–	2,0	4,4	20,6
	на родном и якутском языках	8,9	7,7	–	1,2	8,5	9,3
	на родном и русском языках	3,2	16,5	5	5	4,4	14,5
20–40 лет (село)	на родном языке	19,0	–	–	–	1,1	2,2
	на якутском языке	26,4	4	–	0,4	3,7	9,2
	на русском языке	4,4	–	–	9,9	–	13,2
	на родном и якутском языках	11,7	7	–	1,8	2,2	8,4
	на родном и русском языках	7,0	5	5	4,4	2,2	11,0

Продолжение Таблицы 8

	Варианты	Дома	В школе	В ссузе, вузе	На работе	С друзьями	В общест. местах
15–19 лет (город)	на родном языке	27,6	—	—	—	—	6,7
	на якутском языке	26,7	—	—	7	6,7	—
	на русском языке	20,0	13,3	—	—	13,3	6,7
	на родном и якутском языках	13,3	13,3	—	—	6,7	—
	на родном и русском языках	20,0	6,7	—	—	—	6,7
20–40 лет (город)	на родном языке	16,0	—	—	4,2	2,5	0,8
	на якутском языке	23,5	—	—	4,2	4,2	4,2
	на русском языке	7,6	—	2,5	7,6	1,7	13,4
	на родном и якутском языках	10,9	—	1,7	1,7	5,0	—
	на родном и русском языках	10,1	7	2,5	4,2	—	3,4

молодежи в профессиональной сфере родной язык как единственный инструмент общения совсем не используется, уступая место русскому языку и чуть менее – смешанной русско-родной коммуникации.

В городской среде у респондентов 15–19 лет общение на родном языке сужается до уровня семейного общения, когда как молодежь 20–40 лет родной язык использует еще на работе и в общении с друзьями. При этом значительная часть молодых людей из обеих возрастных групп дома использует якутский язык (26,7 % и 23,5 %, соответственно). В школе молодые респонденты используют русский язык (13,3 %), а если применяют родной язык, то в совокупности с якутским (13,3 %) и русским (6,7 %) языком. Рабочая молодежь в профессиональной сфере использует разные комбинации языков, среди которых заметно выделяется использование русского языка. Представители возрастной группы 15–19 лет с друзьями общаются на русском языке, а старшей группы – только на якутском языке, часть из них – комбинируют его с родным языком. Показательно, что в сфере среднего и высшего образования родной и якутский языки северянами не используются, разве что в сочетании с русским языком.

В ближайшем окружении молодых респондентов родным языком свободно владеют родители (42,3 %) и близкие родственники (40 %). Межпоколенная передача языка имеет позитивные тенденции в сельской местности: если братья и сестры, свободно владеющие родным языком, имеются у 30,4 % опрошенных 20–40 лет, то в младшей возрастной группе их численность составляет 32,3 %, что немного выше, чем у старшей группы. Вероятно, у молодых респондентов 15–19 лет братья и сестры являются несовершеннолетними и/или чуть старше их самих. Устойчивость межпоколенной передачи также подтверждается тем, что дети 22,8 % сельской молодежи свободно владеют родным языком; скорее всего, это поддерживается за счет того, что у 23,9 % респондентов брак заключен с представителем одной национальности, свободно владеющим родным языком.

В городе, наоборот, больше опрошенных лиц 20–40 лет (18,5 %), имеющих свободно владеющих родным языком братьев и сестер, а в младшей возрастной группе их лишь 6,7 %. Как показывают результаты опроса, в условиях городской жизни межпоколенная передача языка прерывается: только у 3,4 % молодежи дети свободно владеют родным языком, у 7,6 % – дети разговаривают на родном языке с затруднениями, у 13,4 % – лишь понимают родную речь, но не говорят, хотя число респондентов, состоящих в браке с представителями своей национальности, свободно говорящими на родном языке, составляет 14,3 % (таблица 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «В какой степени Ваши родственники владеют родным языком?», в % (Данилов, Игнатъева)

	Варианты	Владеют свободно	Разговаривают с затруднениями	Понимают, но не говорят	Не владеют
15–19 лет (село)	Ваши родители	42,7	10,9	16,1	26,6
	Ваши братья/сестры	32,3	11,7	16,5	32,7
	Близкие родственники	41,9	10,1	15,7	26,2
	Ваш муж/жена	1,6	–	9	3,2
	Ваши дети	1,2	–	3	3,2
20–40 лет (село)	Ваши родители	38,5	6,6	16,8	33,7
	Ваши братья/сестры	30,4	7,3	14,3	41,0
	Близкие родственники	36,6	7,0	13,9	35,5
	Ваш муж/жена	22,3	–	5,9	33,7
	Ваши дети	21,6	3,3	5,5	38,1
15–19 лет (город)	Ваши родители	46,7	6,7	13,3	33,3
	Ваши братья/сестры	6,7	13,3	6,7	60,0
	Близкие родственники	46,7	20,0	6,7	13,3
	Ваш муж/жена	–	–	–	–
	Ваши дети	–	–	–	–
20–40 лет (город)	Ваши родители	41,2	9,2	10,1	38,7
	Ваши братья/сестры	18,5	20,2	9,2	47,1
	Близкие родственники	34,5	14,3	15,1	31,9
	Ваш муж/жена	14,3	5,0	3,4	31,1
	Ваши дети	3,4	7,6	13,4	32,8

Таким образом, несмотря на то, что текущие этноязыковые процессы, происходящие в условиях многоэтничности и полилингвизма современного общества, влекут за собой исчезновение языков, результаты данного исследования показывают хорошую динамику в сохранении языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), имеющую положительные тенденции. Для сельской молодежи характерна высокая приверженность к этническому языку, у них наблюдается устойчивое признание его в качестве родного. Успешная передача языка между поколениями демонстрирует хорошую степень его сохранности. Хотя в городской среде у более молодого поколения наблюдается языковой сдвиг в пользу более «престижного» русского языка, родные языки почти во всех случаях общения используются представителями второй возрастной группы, которые несут надежду в деле поддержания vitality родных языков.

При этом нельзя никак недооценивать огромный, скрытый потенциал родного языка для молодых людей с недостаточной пока языковой компетенцией. Рост глубинной мотивации на индивидуальном/групповом уровне может придать «второе дыхание» родным, национальным языкам коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия).

Литература:

- Алпатов В. М.** 150 языков и политика, 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва: Крафт+, 2000. 224 с.
- Алпатов В. М.** Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двужызычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. 2013. Т. 4. № 2. С. 11–22.

- Алпатов В. М.** Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 8–28.
- Алпатов В. М.** Языковая политика в России и в мире // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 3–10.
- Алпатов В. М.** Языковая политика и родной язык // Социолингвистика. 2020. № 3 (3). С. 114–124.
- Аргунова Т. В.** Язык в системе национальных ценностей // Национальная политика в регионе: по материалам Республики Саха (Якутия): сб. науч. трудов. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. С. 88–93.
- Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984. 400 с.
- Европейская языковая хартия** и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Москва: ИЭА РАН, 2010. 95 с.
- Захарова Н. Е., Алексеева Д. В., Никитина А. Д.** Языковая ситуация в полиэтнических поселениях Республики Саха (Якутия) (на примере мест совместного проживания эвенков, эвенов, якутов и русских) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы II Всерос. научно-практ. конф. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2018. С. 66–73.
- Иванова Н. И.** Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. Москва: ООО «Языки народов мира», 2017. 260 с.
- Иванова Н. И.** Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука, 2012. 130 с.
- Итоги ВПН-1989.** Национальный состав населения Якутской АССР. Стат. сборник № 3. Якутск, 1990. С. 21–101.
- Итоги ВПН-2002.** Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения РС (Я). URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641> (дата обращения: 10.08.2022).
- Итоги ВПН-2010.** Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Национальный состав населения. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644> (дата обращения: 15.01.2022).
- Михальченко В. Ю.** Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: доклады и сообщения межд. конф., Москва, 16–19 сентября 2014 г. Москва: Тезаурус, 2014. С. 209–214.
- На пути к переписи.** Москва: ОАО «Авиаиздат», 2003. 528 с.
- Словарь социолингвистических терминов. Москва: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
- Степанов В. В.** Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 102–115.
- Стручков К. Н.** Социолингвистические факторы языковой картины мира эвенков в РС (Я) // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2011. № 2. С. 38–44.
- Этнография переписи-2002.** Москва: ОАО «Авиаиздат», 2003. 388 с.
- Этнологический мониторинг** переписи населения. Москва: ИЭА РАН, 2011. 552 с.
- Язык и общество.** Энциклопедия. Москва. Издат. центр «Азбуковник», 2016. 872 с.
- Lytra V.** Language and ethnic identity. In: S. Preece (Ed.), Handbook of Language and Identity. New York: Routledge, 2016. P. 131–145.

Данилов Игорь Альбертович.

Младший научный сотрудник.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677013.

E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Игнатьева Ванда Борисовна.

Кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.

Ведущий научный сотрудник.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677013.

E-mail: v_ignat@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 ноября 2022 г.

THE YOUTH OF INDIGENOUS MINORITIES IN THE NORTH OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): ETHNOLINGUISTIC IDENTITY AND LINGUISTIC BEHAVIOR²

This article interprets the issues of their ethnolinguistic identity and linguistic behavior based on the results of a mass survey conducted among the rural and urban youth of the indigenous peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia). From the theoretical point of view, different approaches to the interpretation of the concept of "mother tongue" and their projections in the programs of Russian censuses are analyzed. In comparison with the results of previous studies, the value orientations of young people from the North were examined, which revealed a significant shift in ethno-cultural attitudes: it was found that the ethnic marker "mother tongue" fell from first to fourth place in the hierarchy of ethno-communicative markers. The ethnolinguistic identity of young people was analyzed in the context of the process of linguistic change reflected in the results of the censuses throughout the Union and in Russia. In addition, the status and place of the state languages of the Republic of Sakha (Russian and Yakut) in the lives of people in the North were revealed through the prism of ethnolinguistic self-identification of respondents and the functional distribution of languages in the spheres of communication. The positive trends in language maintenance were identified by analyzing the responses to the question about the mastery of the mother tongue in the immediate environment as a function of age and place of residence. Rural youth are characterized by a high level of commitment to the ethnic language, which they consistently recognize as their native language. The successful transmission of the language from generation to generation shows a good level of language preservation. In the urban environment, there is a linguistic shift in favor of the more "prestigious" Russian language among respondents aged 15–19, but the older youth use their native language in almost all cases of communication. Nevertheless, the authors note a gradually growing ethnic self-awareness among young people from the North, which at the individual or group level may give a "second breath" to the indigenous national languages of the indigenous peoples of the North in Yakutia.

Keywords: *native language, ethnolinguistic identity, linguistic behavior, indigenous peoples of the North, the youth from the North*

References:

- Alpatov V. M.** 150 yazykov i politika, 1917–2000. Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva [150 Languages and Politics, 1917–2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space]. Moskva: Kraft+, 2000. 224 p.
- Alpatov V. M.** Yazykovaya politika v sovremennom mire: «odnoyazychnaya» i «dvuyazychnaya» praktiki i problema yazykovoy assilyatsii [Language policy in the modern world: "monolingual" and "bilingual" practices and the problem of language assimilation] // *Sravnitel'naya politika*. 2013. Vol. 4, No 2. P. 11–22 (in Russian).
- Alpatov V. M.** Yazykovaya politika v sovremennom mire [Language policy in the modern world] // *Nauchnyj dialog*. 2013. No 5 (17). P. 8–28 (in Russian).
- Alpatov V. M.** Yazykovaya politika v Rossii i v mire [Language Policy in Russia and the World] // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2015. Vol. 74, No 1. P. 3–10 (in Russian).
- Alpatov V. M.** Yazykovaya politika i rodnoj yazyk [Language Policy and Native Language] // *Sociolingvistika*. 2020. No 3 (3). P. 114–124 (in Russian).
- Argunova T. V.** Yazyk v sisteme nacional'nyh cennostej [Language in the system of national values] // *Nacional'naya politika v regione. Po materialam Respubliki Saha (Yakutiya)*. Sb. nauch. trudov. Yakutsk: YANC SO RAN, 1993. P. 88–93.
- Gumbol'dt V. fon.** Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]. Moskva: Progress, 1984. 400 p.
- Gumbol'dt V. fon.** Evropejskaya yazykovaya Hartiya i Rossiya. Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii [The European Language Charter and Russia. Studies in Applied and Urgent Ethnology]. Moskva: IEA RAN, 2010. 95 p.
- Zaharova N. E., Alekseeva D. V., Nikitina A. D.** Yazykovaya situatsiya v polietnicheskikh poseleniyah Respubliki Saha (Yakutiya) (na primere mest sovместного prozhivaniya evenkov, evenov, yakutov i russkih) [Linguistic Situation in Multi-ethnic Settlements of the Republic of Sakha (Yakutia) (on the Example of Places of Cohabitation of Evenks, Evenks, Yakuts and Russians)] // *Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri: mat-ly II Vseros. nauchno-prakt. konf. Abakan: Hakasskij gos. un-t im. N. F. Katanova*, 2018. P. 66–73.

² This research was funded by the grant No. 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project «Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation».

- Ivanova N. I.** Sociolingvистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты [Sociolinguistic Aspects of the Functioning of the Yakut Language in Yakutsk: Figures and Facts]. Moskva: ООО «Yazyki narodov mira», 2017. 260 p.
- Ivanova N. I.** Sovremennoe kommunikativnoe prostranstvo russkogo yazyka v Respublike Saha (Yakutiya): sociopsiholingvистический аспект [Modern Communicative Space of the Russian Language in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociopsycholinguistic Aspect]. Novosibirsk: Nauka, 2012. 130 p.
- Itogi VPN-1989.** Nacional'nyj sostav naseleniya Yakutskoj ASSR [The results of the 1989 All-Union Population Survey. National composition of the population of the Yakut ASSR]. Stat. sbornik. No 3. Yakutsk, 1990. P. 21–101.
- Itogi VPN-2002.** T. 5. Nacional'nyj sostav, vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya RS(YA). [National composition, language proficiency, and citizenship of the population of the Republic of Sakha (Yakutia)]. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641> (accessed: 10.08.2022).
- Itogi VPN-2010.** T. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Saha (Yakutiya). Nacional'nyj sostav naseleniya [Results of the 2010 All-Russian National Population Survey (ENP 2010). Vol. 4. National Composition and Language Proficiency, Citizenship of the Population of the Republic of Sakha (Yakutia). National composition of the population]. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644> (accessed: 15.01.2022).
- Mihal'chenko V. Yu.** Yazykovoj konflikt v polietnicheskom gosudarstve [Linguistic Conflict in a Multi-ethnic State] // Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire: doklady i soobshcheniya mezhd. konf., Moskva, 16–19 sentyabrya 2014 g. Moskva: Tezaurus, 2014. P. 209–214.
- Na puti k perepisi** [On the way to the census]. Moskva: OAO «Aviaizdat», 2003. 528 p.
- Slovar' sociolingvистических терминов [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN, 2006. 312 p.
- Stepanov V. V.** Podderzhka yazykovogo raznoobraziya v Rossijskoj Federacii [Support for Linguistic Diversity in the Russian Federation] // Etnograficheskoe obozrenie. 2010. No 4. P. 102–115 (in Russian).
- Struchkov K. N.** Sociolingvистические факторы yazykovoj kartiny mira evenkov v RS(YA) [Sociolinguistic Factors in the Language Picture of the World of Evenks in the RS(Ya)] // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No 2. P. 38–44 (in Russian).
- Etnografiya perepisi – 2002** [Ethnography of the 2002 Census]. Moskva: OAO «Aviaizdat», 2003. 388 p.
- Etnologicheskij monitoring** perepisi naseleniya [Ethnological monitoring of the census]. Moskva: IEA RAN, 2011. 552 p.
- Yazyk i obshchestvo.** Enciklopediya [Language and Society. Encyclopedia]. Moskva: izd. centr «Azbukovnik», 2016. 872 p.
- Lytra V.** Language and ethnic identity. In: S.Preece (Ed.), Handbook of Language and Identity. New York: Routledge, 2016. P. 131–145.

Danilov Igor Albertovich.

Junior Researcher.

Ammosov North-Eastern Federal University.

Kulakovsky St., 42, Yakutsk, Russia, 677013.

E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Ignatyeva Vanda Borisovna.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS.

Petrovskogo St., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

Leading Researcher.

Ammosov North-Eastern Federal University.

Kulakovsky St., 42, Yakutsk, Russia, 677013.

E-mail: v_ignat@mail.ru

Д. М. Догадушкин

КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ЗНАЧЕНИЯ ЭСТОНСКИХ СЛОВ У НОСИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ БОЛЕЕ 200 ЛЕТ НАЗАД ПЕРЕСЕЛИЛИСЬ В СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ¹

В с. Подгорное, расположенном в Андроповском районе Ставропольского края, образованном в 1815 г., по сей день живут 70 потомков эстонских переселенцев, которые говорят на своем языке в быту. С целью комплексного описания диалекта были проведены несколько экспедиций в с. Подгорное, сделаны записи сказок, песен, рассказов от пяти носителей языка, был записан словарь, содержащий 1 869 лексем. Данный словарь представлен в открытом доступе на платформе Лингводок (Словарь эстонского языка говора с. Подгорное, 2022).

В настоящей статье, которая является первой частью этой работы, проведен анализ семантических различий слов из диалекта с. Подгорного в сравнении с литературным эстонским языком и диалектами Эстонии. С целью классифицировать семантические отличия из 1 869 слов были выделены эстонские слова, которые представлены в литературном языке, но с другим значением. Таких слов оказалось 12. Далее было произведено сравнение слов из говора с. Подгорного и более 250 эстонских говоров, представленных в диалектном словаре эстонского языка (Eesti murrete sõnaraamat, 1994). В результате анализа было выявлено, что подавляющее большинство слов (более 1 800) в эстонском говоре с. Подгорное имеют тоже значение, что и в литературном языке. Учитывая, что эстонские жители с. Подгорное переселились более 200 лет назад, очевидно, что и литературный эстонский язык достаточно архаичен и говор переселенцев имел незначительное количество инноваций, а именно восемь лексем, значение которых не имеет аналогов в других эстонских диалектах. В одном случае *kilku* 'рост' значение, представленное в речи носителей из с. Подгорное, отсутствует в литературном, но зафиксировано как в южном, так и северном наречии, то есть является архаическим. В трех других случаях инновация, представленная в с. Подгорное, отмечена только в северных диалектах, а для слова *jõllus* 'бешенство' только в одном говоре с. Лаиузе.

Ключевые слова: диалекты, семантика, топонимы, картовый анализ, эстонский язык

В настоящее время существующие на территории современной России топонимы, имеющие так называемую «эстонскую составляющую», редко имеют непосредственную связь с эстонским языком, примером этому служит кинотеатр «Талинн», находящийся в Москве, на Севастопольском проспекте. Однако существуют и обратные примеры, когда поселения эстонских переселенцев имеют название русского происхождения. Таким является село Подгорное, расположенное в Андроповском районе Ставропольского края, указ о его создании был подписан в 1815 г. (Топонимы эстонского происхождения на территории современной России, 2019).

Уникальным село Подгорное делает то, что там по сей день живут потомки эстонских переселенцев, которые говорят на своем языке, построили на собственные средства лютеранскую церковь и эстонскую школу. Но несмотря на усилия местных жителей, сохранить свою культуру не удастся в полном объеме. Забываются эстонские праздники, после 1924 г. дети в школе учатся только на русском. Из 380 человек, проживающих в Подгорном, в настоящее время разговаривают в быту на эстонском только 70.

Насколько известно, диалект эстонского языка, используемый в Подгорном, практически не был описан. С целью комплексного описания диалекта Г. В. Поляков в рамках работы по гранту РФФИ № 20-18-00403 провел несколько экспедиций в с. Подгорное, сделал на цифровой диктофон записи сказок, песен, рассказов от пяти носителей языка, от одной носительницы был проведен опрос по словарю эстонского языка, содержащего около 10 тысяч слов. Носительница вспомнила только более 1 800 лексем. Каждое из слов она произносила три раза.

Далее звуковая запись опроса была сегментирована в программе Audacity на отдельные слова с переводом на русский. Из сегментированных аудиофайлов был составлен словарь, в который также были добавлены параллели из современного эстонского языка. Данный словарь представлен в открытом доступе на платформе Лингводок (Словарь эстонского языка говора с. Подгорное, 2022).

¹ Выполнено в рамках работы по гранту РФФИ № 20-18-00403.

В будущем планируется описание и анализ фонетических, семантических и морфологических особенностей этого диалекта эстонского языка от современного литературного и диалектов, распространенных на территории Эстонии, сделав это, можно определить близость данного говора к другим эстонским диалектам, что, в свою очередь, позволит предположить, из какого региона пришли переселенцы в Подгорное, какие особенности этого диалекта являются архаичными, а какие инновационными.

В настоящей статье, которая является первой частью этой работы, планируется анализ семантических различий слов из диалекта с. Подгорного в сравнении с литературным эстонским языком и диалектами Эстонии. С целью классифицировать семантические отличия из 1 869 слов были выделены эстонские слова, которые представлены в литературном языке, но с другим значением. Таких слов оказалось 12. Далее было произведено сравнение слов из с. Подгорного говора и более 250 эстонских говоров, представленных в диалектном словаре эстонского языка (Eesti murrete sõnaraamat, 1994). В результате сравнения были выделены две группы слов: первая группа имеет уникальное значение, которое не зафиксировано в других диалектах, значение слов второй группы имеет одинаковое значение в диалекте села Подгорное и некоторых диалектов северного и южного наречий эстонского языка. Описание каждого случая отличия семантики говора с. Подгорное от литературного языка имеет следующий порядок: транскрипция и значение слова из с. Подгорное, слово и его значение в литературном эстонском, сокращенные названия населенных пунктов, в которых рефлекс слова имеет такое же значение, далее другие значения рассматриваемого слова по [Eesti murrete sõnaraamat, 1994]. Во второй группе слов аббревиатуры населенных пунктов, в которых встречается значение, также используемое в Подгорном, подчеркнуты и выделены полужирным шрифтом. Далее построены карты, на которых отмечены населенные пункты, где у носителей языка присутствует слово, как и в с. Подгорное, с совпадающим значением.

Значение всех 12 слов было проверено в следующих словарях:

1. Русско-эстонский словарь (Ок. 70 000 слов) / Ин-т яз. и лит. АН ЭССР, 1984.
2. Glosbe 2012. URL: <https://ru.glosbe.com/et/ru> (дата обращения 21.7.22).
3. Eesti Keele Instituut 2004. URL: <http://www.eki.ee/> (дата обращения 21.7.22).

Первая группа:

1. *karistata* 'драться' – *karistama* 'наказывать' Lüg Vai Har Plv Vas Rär Kod Hls Krk San Krl; 'наказывать, штрафовать' Lüg, Vai, Khk, Muh, Käi, Rei, Vig, Mih, Khn, Hää, Kos, JMd, Iis, Trm, Kod, Ksi, Plt, Krk, San, Har, Vas, Se, Plt, Se; 'увещевать, срочно предупредить, запрещать' Kuu, Jõh, IisR, I, Ran, Nõo, San, V, Jõh, Trm, Kod, Nõo, San, Kan, Rär, Se; 'немного охладить, подправить' Kod, Lai; 'наказать, подкрасться' VNg; 'разгоняться, набирать скорость' Sim, (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 740).

2. *kæljota* 'ругаться' – *karjutama* 'кричать' Sa Muh L Mar Mih K Ris Juu Emm Rei Khk Mus Mih Ris JMd Khk (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 751).

3. *tüvitatamijõe pilt* 'поздравительная открытка' – *pilt* 'картина' TÜR Trm LNg Kul Kse Vän Tor Saa Ris Kos Iis Kod Pal Plt KJn San V Jäm Khk Kaa VII Põi Muh Mar Han Tõs Hää Kei Juu Trv Hls Krk T, Har Rei Mär Khn JMd Koe VJg Trm Kuu Lüg IisR Vai Mih; 'образ кого-либо, фото' Lüg Khk Põi Muh Rei Kul Tõs Khn Saa JMd TÜR Iis Kod Hls Krk Ran Nõo Rõn Har Rõu Se; 'зяблик' Põi (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 481).

4. *kurvastata* 'обижать' – *kurbus* 'печаль' Mar Kse Kod Puh V Rõu R eP Trv Krk Ran San Krk Puh Krl Se; 'пугающий, душа' Vai Jäm Khk Muh Mar Hää Juu JMd Trm Lai Trv Har Se (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 66).

5. *katk* 'разорение' – *katk* 'чума' eP Käi LNg Ris M Krk T Vön Rõu R Vai Põi Tõs Vän Juu Kod Nõo Hag Kod; 'бич, руины, авария' Vai Khk Põi Kod Krk Kam (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 836).

6. *oja* 'озеро' - *oja* 'поток' Kuu Hlj VNg Vai Jäm Khk VII Pöi Muh Emm Rei L K, Lai eL, SJn Kam Ote Vld Lüg Jõh I; 'узкая река' Kuu Lüg Khk Pöi Rei; 'над' Vig Mih Vän Tor HJn Kad Iis Trm Lai; 'кожа' SJn Trv Hel Puh Nõo Ote Urv Rõu Räp Se; 'бесценная вода' VII Mar Juu Kam; 'струйка' Mär Khn Trm Ran; 'полоса, судно' Jäm Khk (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 992).

7. *ots* 'начало' – *ots* 'конец' Muh Mar Vig Var Pä, Ris Kei Juu Pee Koe ViK Pal Lai KLõ Trm Kod; 'на, на стороне' Mar Var Tõs Tor Kei Pee Koe VMr Kad Rak Äks Lai Pil KJn Kõp Vil; 'имея что-то' Aud; 'в конце, через, в плохом состоянии' Tõs Ris Juu VMr Kad Pal Ksi Lai KJn; 'на, на стороне' Muh Mar Vig Var Tõs VMr Sim Plt (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 15).

8. *aevastata* 'зевать' – *aevastama* 'чихать' eP Phl Kod Khn M T Krl Jõe Kuu Sa Rõn Kan Se San Krl Urv Rõu Räp Hls Krl VNg Vai Jäm Kaa Pöi Kei Kod Hls Nõo Urv Krl Räp Muh Kos Trm Se KJn Khk (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 114).

Итак, можно видеть, что в восьми лексемах представлено инновационное изменение значения, которое характерно только для говора с. Подгорное.

Вторая группа:

1. *kõrku* 'рост' – *kõrgus* 'высота' Pöi Muh L KuuK JMd JJn Koe VMr VJg I Plt KJn Krk Krl TLä Võn Ote Lüg Jäm Khk VII Emm Rei Jõe Kuu VNg Vai San Urv Se Har Jäm Khk; 'вертикальное измерение' Jõe Khk Tõs Hää VMr Lai Plt Krk; 'сено' Ran; 'рост человека' **Vai Pöi Mär JMd Krk**; 'высокий' Lüg Vai; 'высота воды' VJg; 'расстояние до берега' Vai; 'расстояние до земли' Lüg Vai VMr VJg; 'небосвод' VJg; 'позиция, вне поля зрения' Tor JMd Kod; 'гордость' Rei Võn (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994: 290).

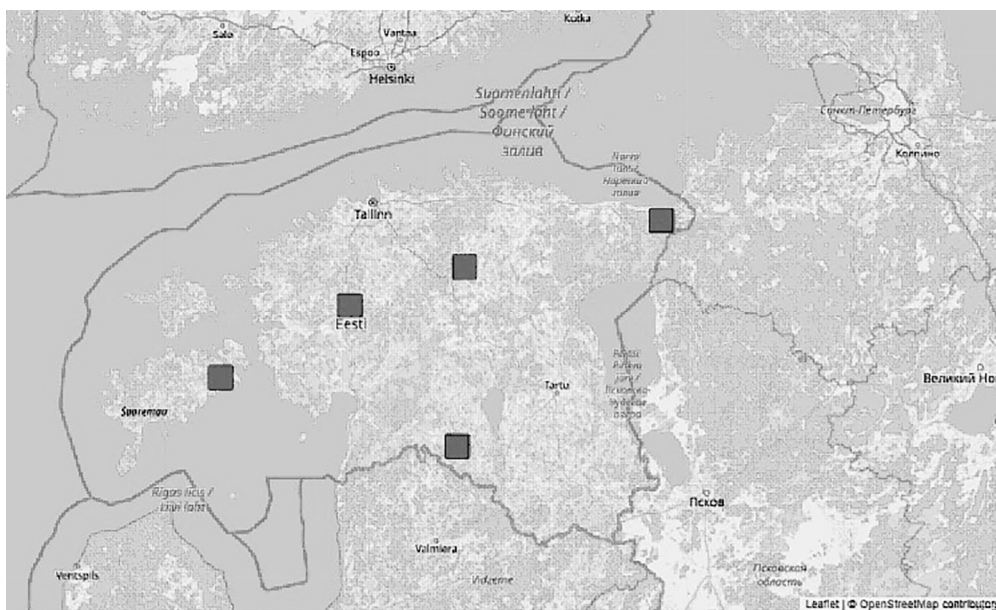

Рис. 1. Населенные пункты в Эстонии, в которых *kõrgus* имеет значение 'рост'

Итак, необходимо отметить, что и в северных Vai, Pöi, Mär, JMd, и в южном диалекте Krk *kõrgus*, как и в с. Подгорное, у *kõrgus* есть значение 'рост'. Можно сказать, что говоры, в которых представлено такое значение, не образуют компактного ареала, следовательно, оно является архаизмом, утраченным в литературном языке.

2. *lasta lahti* 'освободить' – *lahti* 'открыть' R eP Kod Pst Hls, TMr KodT Ote San; 'открытый' VNg Lüg Vai Khk Jaa Pöi Phl Mär Saa Kei Juu Amb JMd Kod Pal Vil Kod Pst Khk VII Mar Kei Sim Kod Pöi JJn; 'свободный от чего-либо прикрывающего, пустой' **Lüg Khk Pöi Rei Mar Aud PJg Juu VMr Trm Kaa Kuu Vai Khk Pöi Muh Mar Vän Hää Kos Vil Vai Khk**; 'одежды, свободный от обуви' Lüg Jõh Vai Jäm Khk Pöi HJn Lai; 'неподтвержденный, подтверждение, схватить, бесплатно, на что-то, прочь, разделить' Kuu Hlj VNg Jõh Vai Khk Mus VII Pöi Emm Rid

Mar Kul Vig Tõs PJg Kei JMd VMr Kod Pal Ksi Vil Khk Mih JJn; 'прочь' Vän Mar Kei; 'началось, вспышка, в процессе, на' Lüg Jäm Khk Krj Põi Muh Mar Mär Tõs Tor Ris Juu KuuK JMd VMr Kad Kod Lai KJn; 'начало сделано' Pha Mar Ris Trm; 'искусный, занятой, трудолюбивый' Khk Mar JMd Sim TÜR Vai Muh Äks; 'в то время как, что-то бесплатное' Hlj VNg Khk Kaa Põi Muh Rei Mar Mär Var Mih Vän Ris Juu JMd Kad Trm Kod Lai Vil VNg Lüg Jäm Khk Põi Kul Kir Mih Pal KJn Vil; 'распространение, вялый' VNg Vai Rei Vig Hää HMd HJn Ksi Tõs Iis; 'открыть' Jõh Jäm Khk Kär Krj; 'в руках' Pha Phl; 'ворчать' Hää; 'свободный человек, домик' **Rid Kse Han Tõs**; 'свободно, расстройство желудка' **Lüg Khk Kär Muh Mar Mih Tõs Ris Juu Kad Kod KJn** (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994:841).

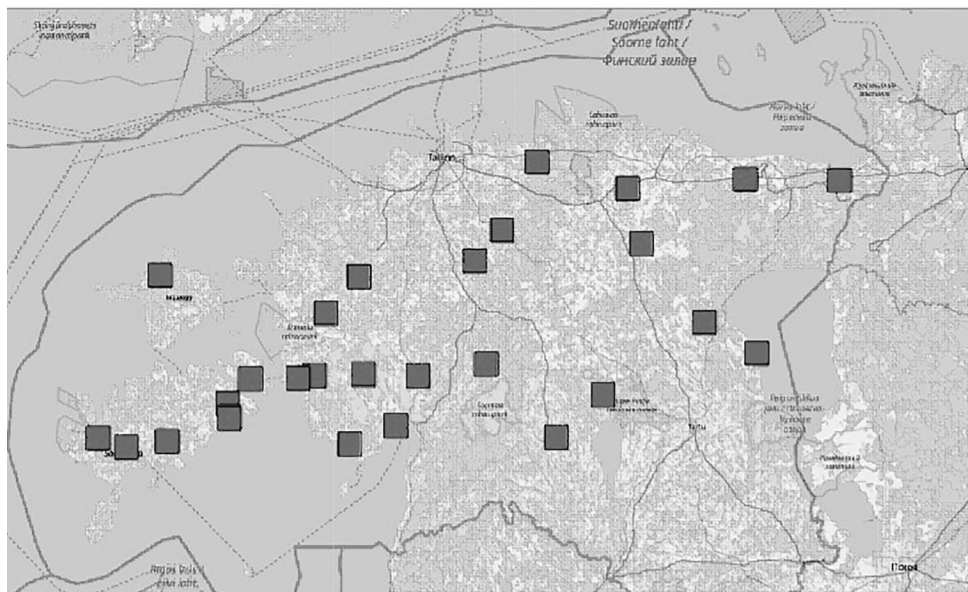

Рис. 2. Населенные пункты в Эстонии, в которых *lahti* имеет значение 'освободить, свободный'

Такое значение представлено только в северных диалектах: Lüg, Khk, Põi, Rei, Mar, Aud, PJg, Juu, VMr, Trm, Kaa, Kuu, Vai, Khk, Põi, Muh, Mar, Vän, Hää, Kos, Vil, Vai, Khk, Rid, Kse, Han, Tõs, Lüg, Khk, Kär, Muh, Mar, Mih, Tõs, Ris, Juu, Kad, Kod, KJn, но для них с учетом широкой представленности, оно, вероятно, является архаичным.

lollus 'бешенство' - *lollus* 'ерунда' IisR Kse Tõs Saa K Kod Lai Puh Krl Krk Nõo Hlj VNg Lüg Jäm Var Emm; 'глупость' VNg IisR Emm Kse Var Saa Juu JMd VJg Lai KJn Krk Nõo Krl; 'бешенство' **Lai** (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994:370).

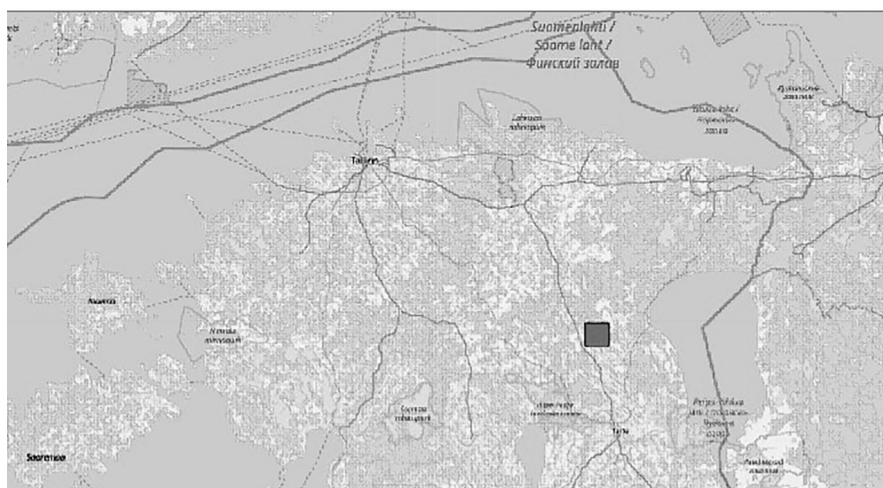

Рис. 3. Населенные пункты в Эстонии, в которых *lollus* имеет значение 'бешенство'

Из этого видно, что такое значение представлено у слова *lollus* только в одном северном говоре Lai.

makus 'мед' – *magus* 'сладкий' eP Mar Ris RId M Trv Krk Pst Krk TLä Hel T V Rāp Se Kra San Krl Lei; 'сахар, со вкусом меда, вкусный, кислый' **Jõe Lüg Vai Jām Khk VII Põi**; 'орехи' Muh Emm Rei Mar Vig Var Tõs Aud Tor Hää Ris HMd Juu Kos JõeK Amb Ann; 'для больных детей' VMr; 'орехи' Kad Trm Kod Pal Äks; 'обильные запасы продовольствия' Lai Plt Pst Hls; 'что-нибудь вкусное поесть' Krk Hel Ran Puh Nõo Võn Ote Kan Urv Krl Rõu Vas Se Lut; 'медовый' **Kuu**; 'медовые деревья' Lüg IisR Tõs Khn Amb Tür VJg Sim Kod Äks Plt; 'взболтать мед' Vil Puh Nõo Har; 'сладкая пища' Kuu Khk Lüg Põi; 'на десерт' Tõs; 'ревень' Hls San; 'сорт яблока' Ran Nõo; 'пытаться угодить, лестный' VNg Khk Ran; 'отлично, приятный' Kuu IisR Põi Mar Lih Juu Kod Krk Krl Har Rõu Plv Rāp Nõo; 'острый, хорошо режет' Lüg Põi Trm Ran (Eesti Teaduste Akadeemia, 1994:887).

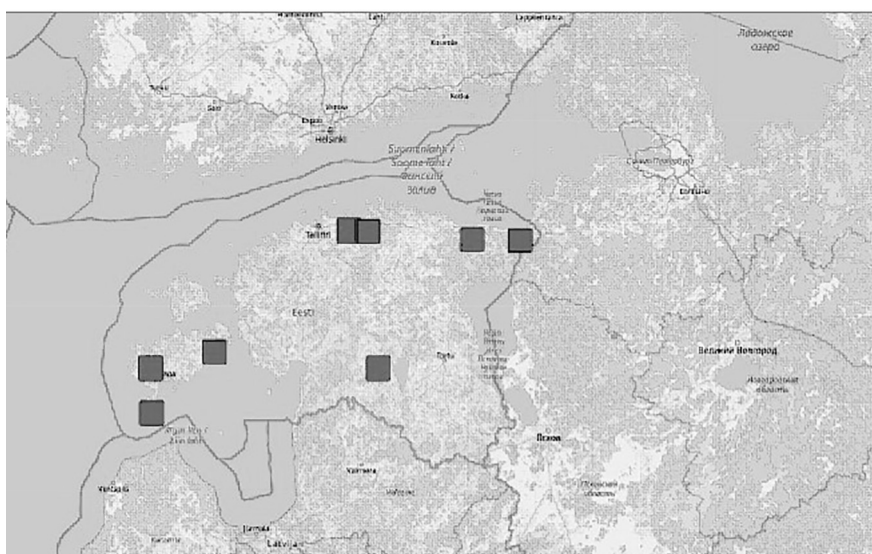

Рис. 4. Населенные пункты в Эстонии имеют значение *magus* 'мед, со вкусом меда'

Итак, очевидно, что только в северных диалектах: Jõe, Lüg, Vai, Jām, Khk, VII, Põi, Kuu в этом слове представлено тоже значение, что и в с. Подгорное, но судя по их широкому географическому распространению, это значение для северных диалектов является архаичным.

Итак, в результате анализа было выявлено, что подавляющее большинство слов (более 1 800) в эстонском говоре с. Подгорное имеют тоже значение, что и в литературном языке. Учитывая, что эстонские жители с. Подгорное переселились более 200 лет назад, очевидно, что и литературный эстонский язык достаточно архаичен и говор переселенцев имел незначительное количество инноваций, а именно восемь лексем, значение которых не имеет аналогов в других эстонских диалектах. В одном случае *kirku* 'рост' значение, представленное в речи носителей из с. Подгорное, отсутствует в литературном, но зафиксировано как в южном, так и в северном наречии, то есть является архаическим. В трех других случаях инновация, представленная в с. Подгорное, отмечена только в северных диалектах, а для слова *lollus* 'бешенство' только в одном говоре с. Лаиузе. Очевидно, что этого материала пока недостаточно, чтобы с уверенностью говорить о диалектной принадлежности говора жителей с. Подгорное. Для более точного определения мы планируем описать и сравнить с другими диалектами фонетические, морфологические особенности, а также проанализировать слова, которые отсутствуют в литературном эстонском. Их достаточно немного (сорок семь), и пилотный анализ показал, что многие из них имеют прибалтийско-финское происхождение, но были утрачены в литературном языке.

Список сокращений

Amb – Ambla; Ann – Anna; Ans – Anseküla; Aud – Audru; Emm – Emmaste; Ha – Harjuma; Hag – Hageri; Haid – Ida Harjuma; HaLo – Loode-Harj uma; HaLä – Lääne-Harj uma; Han – Hanila; Har – Hargla; Hei – Helme; Hi – Hiiuma; HJn – Harju Jaani; Hlj – Haljala (rannikumurre); HljK – Haljala (keskmurre); Hls – Halliste; HMd – Harju-Madise; Hää – Häädemeeste; Iis – Iisaku (idamurre); IisK – Iisaku (keskmurre); IisR – Iisaku (rannikumurre); Jaa – Jaani; JJn – Järva-Jaani; JMd – Järva-Madise; Juu – Juuru; Jõe – Jõelähtme (rannikumurre); JõeK – Jõelähtme (keskmurre); Jõh – Jõhvi; Jä – Järvama; Jäm – Jäma; Jür – Jüri; Kaa – Kaarma; Kad – Kadrina; Kam – Kambja; Kan – Kanepi; Kei – Keila; Khk – Kihelkonna; Khn – Kihnu; Kir – Kirbla; KJn – Kolga-jaani; Kod – Kodavere (idamurre); KodT – Kodavere (Tartu murre); Koe – Koeru; Kos – Kose; Kra – Kraasna; Krj – Karja; Krk – Karksi; Krl – Karula; Kse – Karuse; Ksi – Kursi; Kui – Kullama; Kuu – Kuusalu (rannikumurre); KuuK – Kuusalu (keskmurre); Kõp – Kõpu; Käi – Käina; Kär – Kärla; Lai – Laiuse; Lei – Leivu; Lih – Lihula; LNg – Lääne-Nigula; Lut – Lutsi; Lä – Läänema; LäEd – Edela-Läänema; LäLo – Loode Läänema; Lälõ – Lõuna Läänema; LEPõ – Põhja-Läänema; Lüg – Lügane; Mar – Martna; Mih – Mihkli; MMg – Maarja-Magdaleena (idamurre); MMgT – Maarja-Magdaleena (Tartu murre); Muh – Muhi; Mus – Mustjala; Mär – Märjama; Nai – Naissaare; Nis – Nissi; Noa – Noarootsi; Nõo – Nõo; Ote – Otepää; Pai – Paide; Pal – Palamuse; Pee – Peetri; Pha – Püha; Phl – Pühalepa; Pii – Pilistvere; PJg – Pärnu-Jaagupi; Plt – Põltsama; Plv – Põlva; Pst – Paistu; Puh – Puhja; Pä – Pärnuma; PLo – Loode-Pärnuma; PEPõ – Põhja-Pärnuma; Pär – Pärnu; Põi – Põide; Rak – Rakvere (keskmurre); RakR – Rakvere (rannikumurre); Ran – Rannu; Rap – Rapla; Rei – Reigi; Rid – Ridala; Ris – Risti; Rõn – Rõngu; Rõu – Rõuge; Röp – Rõpina; Sa – Saaremaa; Saa – Saarde; Said – Ida-Saaremaa; SaLä – Lääne Saaremaa; San – Sangaste; Se – Setu; Sim – Simuna; SJn – Suure-Jaani; TaPõ – Põhja-Tartuma; TMr – Tartu-Maarja; Tor – Tori; Trm – Torma; Trv – Tarvastu; Tõs – Tõstama; Tür – Türi; Urv – Urvaste; Vai – Vaivara; Var – Varbla; Vas – Vastseliina; Vig – Vigala; ViK – Viruma (keskmurre); Vil – Viljandi; VJg – Viru-Jaagupi; VII – Valjala; VIPõ – Põhja-Viljandima; VMr – Väike-Maarja; VNg – Viru-Nigula; Vön – Võnnu; Vän – Vändra; Äks – Äksi.

Литература:

Топонимы эстонского происхождения на территории современной России, 2019.

Eesti murrete sõnaraamat, 1994.

Словарь эстонского языка говора с. Подгорное, 2022. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/5053/229/perspective/5053/230/view> (дата обращения: 21.7.22).

Русско-эстонский словарь (Ок. 70 000 слов) / Ин-т яз. и лит. АН ЭССР, 1984.

Glosbe 2012. URL: <https://ru.glosbe.com/et/ru> (дата обращения 21.7.22).

Eesti Keele Instituut, 2004. URL: <http://www.eki.ee/> (дата обращения 21.7.22).

Догадушкин Денис Михайлович.

Лаборант.

Институт системного программирования РАН.

Ул. Александра Солженицына, 25/1, Москва, 109004.

E-mail: denisdogad@gmail.com

Материал поступил в редакцию 21 июля 2022 г.

D. M. Dogadushkin

HOW SEMANTIC CHANGES CAN REVEAL THE ORIGINS OF THE STAVROPOL DIALECT OF ESTONIAN LANGUAGE

In the village of Podgornoye, founded in 1815 in the Andropovsky district of the Stavropol region, 70 descendants of Estonian settlers live to this day, speaking their language in everyday life. Several expeditions were made to this village to describe the dialect comprehensively. We recorded the narrations, songs, stories, and a dictionary

of 1869 lexemes from the native speakers of Podgornoe. This dictionary is available on Lingvodok [Dictionary of Estonian dialect p. Podgornoe 2022].

In this article, the first part of this work, an analysis of semantic differences of words from the dialect of Podgornoe village compared with Estonian literary language and Estonian dialects is carried out. In order to classify the semantic differences, Estonian words were selected from 1869 words and sorted into groups. The words that also occur in the literary language are of interest but have different meanings. There were 12 such words. Then the words from the Podgornoe dialect were compared with more than 250 Estonian dialects listed in the Dialect Dictionary of Estonian Language [Eesti Murrete Sõnaraamat 1994]. The analysis showed that the vast majority of words (more than 1800) in the Estonian dialect of Podgornoe village have the same meaning as in the written language. Considering that the Estonian inhabitants of Podgornoe were resettled more than 200 years ago, it is obvious that the Estonian written language is quite archaic, and the dialect of the settlers had a small number of innovations, namely eight lexemes whose meaning has no equivalent in other Estonian dialects. In one case, *kirk* 'height,' which occurs in the language of speakers from the village of Podgornoe, is not found in the literary dialect but occurs in both southern and northern dialects and is thus archaic. In three other cases, the innovation occurring in the village of Podgornoe is mentioned only in the northern dialects, and the word *hõllus* 'madness' only in a dialect in the village of Laius.

Keywords: *dialects, semantics, toponyms, map analysis, Estonian*

References:

Toponimiy estonskogo proiskhozhdeniya na territorii sovremennoy Rossii [Toponyms of Estonian origin in the territory of modern Russia]. 2019.

Eesti murrete sõnaraamat, 1994.

Slovar' estonskogo yazyka govora s. Podgornoye [Dictionary of the Estonian dialect p. Podgornoe]. 2022. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/5053/229/perspective/5053/230/view> (accessed: 21.07.2022).

Russko-estonskiy slovar': Ok. 70000 slov [Russian-Estonian dictionary: [Approx. 70,000 words]. In-t yaz. i lit. AN ESSR, 1984.

Glosbe 2012. URL: <https://ru.glosbe.com/et/ru> (accessed: 21.07.2022).

Eesti Keele Instituut, 2004. URL: <http://www.eki.ee> (accessed: 21.07.2022).

Dogadushkin Denis Mikhaylovich.

Laboratory assistant.

Institute for System Programming of the RAS.

Alexander Solzhenitsyn St., 25, Moscow, Russia, 109004.

E-mail: denisdogad@gmail.com

Е. В. Лилявина, В. М. Лемская, Д. М. Токмашев

СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ТОМСКИХ ТАТАР: МАТЕРИАЛЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ¹

Проведен лингвистический и этнографический анализ терминов родства и терминов, встречающихся в обрядовой сфере у томских татар. Томские татары являются коренным населением Томского Приобья, сформировавшим этноязыковые группы до прихода русскоязычного населения. К томским татарам относятся калмаки, эуштинцы, чаты, последние две группы по языковому признаку объединяются в один говор – эуштинско-чатский. Численность томских татар в местах традиционного проживания составляет примерно три тысячи человек. Проанализированы задокументированные в ходе этнолингвистических экспедиций 2009–2019 гг. томско-татарские термины, объединенные в лексико-семантические группы с точки зрения этнографической классификации семейных обрядов (родильного, свадебного, похоронного) и описания генеалогии семьи (термины родства). В ходе полевой работы были зафиксированы этнические истории, установлены генеалогические схемы для выявления фамильного состава, определения родственных связей внутри группы и родственных связей между соседними деревнями (ответы респондентов по семейно-обрядовой терминологии были зафиксированы как на татарском, так и на русском языках). Исследуемая лексика в основном относится к эуштинско-чатскому говору (пометы о происхождении отсутствуют), при наличии данных калмацкого говора приводятся данные об их происхождении. Кроме того, привлекаются диалектные данные из опубликованных статей А. П. Дульзона и Р. К. Уразмановой. При возможности установления состава словоформ приводится морфологическая разметка, дается буквальный перевод, а также приводятся лексические параллели с литературным татарским языком, представленные в открытых лексикографических источниках.

Общим выводом является то, что в современной семейно-обрядовой терминологии томско-татарских говоров преобладают единицы, тождественные литературным эквивалентам, нередко в ином фонетическом оформлении согласно законам чередования тюркских фонем. Ряд единиц не находят параллелей с литературным татарским языком, кроме того, присутствует лексика с неясной этимологией. Большинство примеров терминов генеалогии являются прямыми переводами описательной терминологии с русского языка.

Ключевые слова: *томские татары, томско-татарские диалекты, обрядовые термины, термины родства*

В культуре населения Томского Приобья – томских татар – семья была и остается одним из основных институтов в структуре общества, который исторически является первичной системой межличностных взаимоотношений, сложившейся в силу необходимости реализации основных потребностей человека. Благодаря институту семьи человечество осуществляет ряд функций, связанных, прежде всего, с воспроизводством населения, преемственностью поколений, социализацией и воспитанием подрастающего поколения, а также с психологическим, экономическим, социальным и другими жизнеобеспечивающими факторами, способствующими поддержке существования его членов.

Томское Приобье является пограничным районом между зоной лесостепи и зоной тайги. В силу своего природного положения этот регион издавна был зоной контактов степного и таежного населения. Здесь складывались своеобразные культуры, носители которых сыграли значительную роль в формировании тюркоязычного населения в этом районе (Плетнева, 1990: 4).

Территории, сопредельные Южной Сибири, прежде всего Тува, а также регионы, населенные племенами иной языковой и культурной принадлежности (самодийские, палеоазиатские и ираноязычные), постоянно испытывали влияние со стороны центрально-азиатских государственных образований. Проникновение отдельных тюркоязычных групп населения, их языка и особенностей культуры в пределы соседних историко-этнографических областей получило название процессов тюркизации (Савинов, 1984: 142).

¹ Работа проведена в рамках проекта «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» (грант РНФ, проект № 18-18-00501).

К середине II тыс. н. э. процесс тюркизации Томского Приобья был завершен. В материальной культуре, различных обрядах представители местного населения приобрели черты, сближающие их с тюрками (Плетнева, 1996). Группа томских татар начала формироваться к концу XVI в. Ее основу составили тюркские племена, проживавшие в окрестностях будущего г. Томска. Это эуштинцы и другие мелкие группы тюрков: басандайцы и евагинцы (тигильде-евцы), ашкинеевцы, населявшие Притомье еще до прихода русских (эти группы объединились с эуштинскими татарами); чатские татары и белые калмаки (потомки телеутов). Они образовали восточную этнотерриториальную группу сибирских татар. Термины *томские татары*, *томские люди* зафиксированы с начала XVII в., первоначально относительно эуштинцев и других мелких тюркоязычных групп, населявших Притомье до прихода в Сибирь русских поселенцев (Томилов, 1980: 3; Емельянов, 1980: 50; Бояршинова, 1950: 33). Среди томских татар существовали разные этнические самоназвания: эуштинцы – *еушталар*, чаты – *цаттыр*, калмаки – *калмактар* (Дульзон, 1956: 298, 303, 304). Вместе с самоназваниями были и общие русские названия «исашные» (искаженное «ясачные», то есть платившие ясак – налог пушминой), «инородцы» (Томилов, 1980: 4).

Помимо тюркизации, на формирование культуры и традиций татар большое влияние оказал ислам, который пришел на смену языческим верованиям. Ислам стал распространяться в Сибири со второй половины XVI в. проповедниками из Средней Азии и Казанского ханства. К томским татарам мусульманская религия проникла с XVII в. через оседавших на их землях бухарцев. На протяжении XIX – начала XX в. шло стремительное умножение мечетей в самых населенных центрах чатов, эуштинцев, телеутов (калмаков), что свидетельствовало об усиленной исламизации их всех к половине XIX в. (Шерстова, 2005: 124, 210, 211).

Население Томского Приобья подвергалось трансформации сначала в связи с тюркизацией данной территории, затем христианизацией и исламизацией. Все эти движения, безусловно, повлияли на развитие местного населения. Оно воспринимало тюркские элементы, отчасти христианские, затем исламские, которые, несомненно, оставили свой отпечаток в обрядовой деятельности и языке.

С лингвоэтнографической точки зрения, среди населения аборигенов р. Томь А. П. Дульзоном выделены следующие группы: яуштинцы, чаты, обские татары, калмаки (Дульзон, 1956: 297). Д. Г. Тумашевой выделены в восточном диалекте татарского языка тоболо-иртышский, барабинский и томские диалекты, последние включают эуштинско-чатский и калмакский говоры (Тумашева, 1977: 27–28). По классификации Н. А. Баскакова, диалекты сибирских татар отнесены к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы западной ветви тюркских языков. При этом язык томских татар здесь не упоминается (Баскаков, 2010: 160).

В работе Н. А. Томилова приведена классификация тюркского населения Западно-Сибирской равнины с точки зрения их этнической принадлежности. Интересующие нас томские татары представлены группами: эуштинской (подгруппы: эуштинская, басандайская, евагинская); чатской (подгруппы: обская, томская); обские татары и их группы: а) темерчинская; б) шегарская; в) провско-соргулинская; г) черномысская, а также калмаки (Томилов, 1998: 114).

Современная численность татар, проживающих в г. Томске и Томской области, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., составляет 17 029 человек (1,7 % от общего числа жителей области) (Итоги Всероссийской переписи населения 2010). Татары являются вторым по численности народом после русских на данной территории. Ключевыми местами их компактного проживания являются областной центр – г. Томск и Томский район.

Основной массив татар, который составил выборочную совокупность исследования, проживает на этих территориях: в Эуште – 320 человек, в Черной Речке – 1 260 человек, в Барабинке – 640 человек, в Тахтамышево – 703 человека.

Материалом настоящего исследования является обрядовая и семейно-родовая лексика, выявленная в материале, собранном в ходе этнолингвистических экспедиций 2009–2019 гг. на территории г. Томска и Томского района (д. Эушта, Черная Речка, Тахтамышево, Барабинка,

Березовая Речка), а также Кривошеинского района (Ново-Исламбуль). В 2016–2019 гг. исследование осуществлялось при поддержке Программы документации исчезающих языков (Endangered Languages Documentation Program) в рамках проекта MDP0330 «Полная документация и архивизация телеутского, эуштинско-чатского и мелетско-чулымского – трех сопредельных тюркских языков Сибири, находящихся на грани исчезновения»². Было всего опрошено 12 респондентов разных возрастов и диалектных групп: эуштинцы (7 человек в возрасте 46–50 лет); чаты (1 человек в возрасте 18–45 лет, 2 человека в возрасте 46–50 лет, 8 человек старше 50 лет); казанские татары (4 человека в возрасте 46–50 лет).

В ходе исследования были зафиксированы этнические истории, установлены генеалогические схемы для выявления фамильного состава, определения родственных связей внутри группы и родственных связей между соседними деревнями (ответы респондентов касательно семейно-обрядовой терминологии дублировались на татарском и русском языках). По этим данным представляется возможным определить состав семьи респондентов, происхождение предков (из каких районов они прибыли), а также выяснить точку зрения информантов относительно вопроса самоидентификации (к каким татарам они себя относят). Кроме того, был собран материал по семейной обрядности в современном представлении томских татар.

Семейно-обрядовая культура томских татар – важная составная часть жизни народа. Она состоит из представления о том, что каждому человеку свойственно пройти три жизненных этапа – *бебей туй* (праздник рождения), *никах* (религиозное бракосочетание) / *той/туй* (свадьба) и *улей* (смерть).

Основными методами настоящего исследования послужили методы наблюдения, анкетирования и сравнения. Задокументированные томско-татарские термины были распределены на лексико-семантические группы с точки зрения этнографической классификации семейных обрядов (родильного, свадебного, похоронного) и описания генеалогии семьи (термины родства). В ходе анализа произведено их сравнение с лексическими параллелями литературного татарского языка, представленными в открытых лексикографических источниках.

Следует отметить установление зависимостей: во-первых, между степенью владения родным языком и возрастом респондента (чем старше респондент, тем лучше он владеет языком, и, наоборот, чем моложе респондент, тем хуже он владеет татарским языком; на родном языке говорит старшее поколение между собой; молодое поколение не говорит, но некоторые понимают речь); во-вторых, между употреблением языка и сферой деятельности человека (в профессиональной среде татарский язык не используется); в-третьих, между употреблением диалектного и литературного татарского языка в зависимости от условий коммуникации (отмечается переход говорящего в процессе речевого общения с местного диалекта на литературный (казанский) язык; томские татары читают на казанском языке; литература на местном языке не издается).

Ниже приведем собранные в ходе работы с носителями эуштинско-чатского говора из д. Эушта, Черная Речка, Тахтамышево, Барабинка, Казанка Томского района термины томско-татарского говора, имеющие отношение к семейным обрядам (родильному, свадебному, похоронному), а также термины родства, посредством которых возможно описание генеалогии семьи. Следует отметить, что лексика, связанная с семейной обрядностью, была в основном собрана через наблюдение в ходе интервью с носителями языка, а термины родства – через анкетирование посредством перевода значений с русского языка на татарский; запись томско-татарских диалектов выполнена по принципу фонологической транскрипции. Происхождение лексики приводится в виде сокращенного указания на населенный пункт при наличии данных также калмакского говора («З», «У», «ЮК») либо примеров единиц рассматри-

² Comprehensive documentation and archiving of Teleut, Eushta-Chat, and Melets Chulym: three areally adjacent critically endangered Turkic languages of Siberia. URL: <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1044686> (accessed: 01.11.2019).

ваемой тематики томско-татарских диалектов из опубликованных источников («Д4», «Д6», «Тм», «Ур»). При возможности установления приводится морфологическая разметка томско-татарских лексических единиц с поморфемным переводом на русский язык.

Лексика родильного обряда

а) предродильная:

- т.-т. *аурусо* ‘тяжелая (про беременных)’; лит. *авырлы* ‘беременная, в положении’;
- т.-т. *бебей мае* [< бебей май-е ‘младенец масло-3Sg.Poss’] ‘масло младенца (блюдо)’; лит. *бэбэй* ‘младенец’; *май* ‘масло’;

б) родильная:

- т.-т. *кындык-мама* ‘повитуха’; лит. *кендек* ‘пупок’;
- т.-т. *кындык* ‘пупок’; лит. *кендек* ‘пупок’;

в) послеродильная:

- т.-т. *бэбэй ашы* [< бебей аш-е ‘младенец еда-3Sg.Poss’] ‘еда новорожденного’; лит. *бэбэй* ‘младенец’; *аш* ‘еда’;
- т.-т. *карын цац* ‘первое сбривание волос новорожденного’; лит. *карын* ‘утроба, чрево, живот’; *чэч* ‘волос’;
- т.-т. *исем кушу* ‘наречение именем ребенка’; лит. *исем* ‘имя’;
- т.-т. *йастык, мездәр* ‘подушки’; лит. *ястык* ‘перина’; *мездәр* ‘подушка’;
- т.-т. *бишек туй* ‘перекладывания в колыбель’; лит. *бишек* ‘колыбель, люлька’; *туй* ‘свадьба; пиршество, праздник, торжество’;
- т.-т. *бижек* (ЮК, З, Д6); *бежик* (ЮК, У, Д6) ‘люлька’; лит. *бишек* ‘колыбель, люлька’;
- т.-т. *бебей туй* ‘праздник рождения’; лит. *бэбэй* ‘младенец’; *туй* ‘пиршество, праздник, торжество’;
- т.-т. *эбилек* (Ур) ‘бабушкина – задняя часть жертвенного животного’;
- т.-т. *бала туй* (Тм) ‘детский праздник’; лит. *бала* ‘ребенок, дитя, младенец, малыш’; *туй* ‘пиршество, праздник, торжество’;
- т.-т. *инә* ‘мама’; лит. *эни* ‘мама’;
- т.-т. *исән бул* [< исән бул ‘здоровый быть. 2Sg.Imp’] ‘будь здоров’; лит. *исән* ‘живой, целый, здоровый’; *булу* ‘быть, иметься, пребывать’;
- т.-т. *керан оше* [< ош-е ‘еда-3Sg.Poss’] ‘«святой» суп (пожилые люди устраивают вместо праздника дня рождения)’; лит. *Коръан* ‘Коран // коранический’; *аш* ‘еда’;
- т.-т. *суннэт ашы* [< аш-ы ‘еда-3Sg.Poss’] ‘обряд обрезания’; лит. *аш* ‘еда’.

Лексика свадебного обряда

а) предсвадебная:

- т.-т. *яучы* (Тм), *милярэсде, кодалар* [кода-лар < сват-Pl] ‘сваты’; лит. *яучы* ‘сват’; *кода* ‘сват; сватающий’;
- т.-т. *кыс сурату* ‘сватовство’; лит. *кыз* ‘девочка, девушка’; *сорау* ‘спрашивать’;
- т.-т. *кингаи, кинәи* ‘сговор, совет’; лит. *киңәи* ‘совет’;
- т.-т. *гашур* (Тм) ‘калым; приданое’;
- т.-т. *йастык, мездәр* (Тм) ‘подушка’; лит. *ястык* ‘перина’;
- т.-т. *йурткан* (Тм) ‘одеяло’;
- т.-т. *түжәк* (Ур; Тм) ‘перина’; лит. *түшәк* ‘перина’;

б) свадебная:

- т.-т. *никах* ‘религиозное бракосочетание’; лит. *никах* ‘брак, бракосочетание’;
- т.-т. *той*; *той* (Дб) ‘пир, свадьба’; лит. *туй* ‘свадьба; пиршество, праздник, торжество’;
- т.-т. *хатэн*, *катын* (Дб) ‘женщина / жена’; лит. *хатын* ‘женщина; жена, супруга’;
- т.-т. *ер*, *эр*, *ир* (У, З, ЮК, Дб) ‘мужчина’; лит. *ир* ‘мужчина; муж’;
- т.-т. *килен* ‘невеста’; лит. *килен* ‘сноха, невестка’;
- т.-т. *киё*, *кияу*, *йэгет*, *кийяу* ‘жених’; лит. *кияу* ‘зять; жених; молодой муж’;
- т.-т. *ир*; *кадын*, *катын* (Дб) ‘жена, женщина’; лит. *хатын* ‘женщина’;
- т.-т. *хатын* ‘муж’;

в) послесвадебная:

- т.-т. *килен кумаче* [< килен кумач-е ‘сноха ткань-3Sg.Poss’] ‘хлеб для снохи’; лит. *килен* ‘сноха, невестка’; *комач* ‘кумач, ярко-красная ткань’;
- т.-т. *кияу кумаче* [< кияу кумач-е ‘жених такнь-3Sg.Poss’] ‘хлеб жениху’; лит. *кияу* ‘зять; жених; молодой муж’; *комач* ‘кумач, ярко-красная ткань’;
- т.-т. *сэлом* ‘приветствие женихом родителей невесты’; лит. *сэлам* ‘привет’;
- т.-т. *куц*, *куч* ‘перевоз молодой в дом родителей мужа’; лит. *кучу* ‘передвигаться; перемещаться’;
- т.-т. *турген*, *туркен* ‘визит новобрачных в дом родителей невесты’.

Лексика похоронного обряда

а) предпохоронная:

- т.-т. *улей* [< ул-ей ‘умирать-Prs’], *шаулень* ‘умирает’; лит. *улу* ‘умирать’;
- т.-т. *урган кэше* ‘покойник’; лит. *кеше* ‘человек’;
- т.-т. *ниятлик* ‘обещание; событие; угощение из мяса жертвенного барана’; лит. *ният* ‘намерение, цель; замысел’;
- т.-т. *сыктаба* [< сыкта-ба ‘плакать-Neg’] ‘не плачь’;
- т.-т. *кафенек* ‘набор вещей для похорон (покойного)’;
- т.-т. *баурат* ‘одежда типа трусов (для покойного)’;
- т.-т. *акча* ‘деньги на похороны’; лит. *акча* ‘деньги, валюта’;
- т.-т. *биоклома* ‘молитва’;
- т.-т. *абыстай* ‘женщина, которая умеет читать молитву, вместо муллы присутствует при омовении’; лит. *абыстай* ‘супруга духовного лица; обращение к женщине, старшей по возрасту’;
- т.-т. *тахарат* ‘очищение перед омовением’;
- т.-т. *кушаге тэртерге* ‘шторка для прикрытия тела покойного’;
- т.-т. *садака* ‘вещи для раздачи на похоронах’;
- т.-т. *табут*, *табат*, *улекне апара тарган* ‘похожий на гроб с низкими бортами без крышки ящик’; лит. *табут* ‘гроб’; *улек* ‘мертвец, покойник’;
- т.-т. *юа торган такта* ‘настил из досок обернутый пленкой с отверстием’; лит. *төрү* ‘завертывать, обернуть’; *такта* ‘доска, тес’;

б) похоронная:

- т.-т. *самилар* ‘хоронят’;
- т.-т. *зырат* ‘кладбище’; лит. *зират* ‘кладбище’;
- т.-т. *ляхэт* ‘боковая ниша в могиле’;
- т.-т. *иргэ кэргэн* (*иргэ яткан*) ‘день, когда лег в землю’; лит. *яту* ‘ложиться’;

в) послепохоронная:

- т.-т. *өче* [< өч-е ‘три-3Sg.Poss’], *ёц* (У, 3), *юц* (ЮК, Д6) ‘три’; лит. *өч* ‘три’;
- т.-т. *жидесе, йиде* (З), *йедь* (У, Д6) ‘семь’; лит. *жиде* ‘семь’;
- т.-т. *ундут көне* ‘четыренадцать’; лит. *ундурт* ‘четыренадцать’;
- т.-т. *кырыгы, кыркэндэ* ‘сорок’; лит. *кырык* ‘сорок’;
- т.-т. *иле ике көне* (*элли* (У, 3), *илле* (Д6)) ‘пятьдесят два’; лит. *илле* ‘пятьдесят’; *ике* ‘два’;
- т.-т. *езе, йюс* (У, 3, ЮК, Д6) ‘сто’; лит. *йөз* ‘сто’;
- т.-т. *бер елы* ‘годовщина’; лит. *бер* ‘один’; *ел* ‘год’;
- т.-т. *бура* ‘деревянный сруб над могилой’; лит. *бура* ‘сруб’; *сусек*; *городки*.

Термины родства

- т.-т. *нана* (*нәнә*), *ана*; *ани* (*иняу*), *инәм* (Д4) ‘мать, моя мать’; лит. *ана*, *эни* ‘мать’;
- т.-т. *тата* (*тәтә*), *ата*; *ати* (*атау*) ‘отец, мой отец’; *атам* (Д4) лит. *ата*, *эти* ‘отец’;
- т.-т. *баба, бабай*; *бабака* [< баба-ка ‘дед-Dim; дедушка’], *павам* (Д4) ‘дед (отец отца); отец моего отца / матери’; лит. *бабай* ‘дед’;
- т.-т. *кода*; *кэдагэнэн акасенен хатынэ* [< кэда-гэ-нэн ака-се-нен хатын-э ‘сват-Rel-Gen старший брат-3Sg.Poss-Gen жена-3Sg.Poss; жена старшего брата того свата’], *кота* (Д4) ‘отец жены моего сына’; лит. *кода* ‘сват; сватающий’; *ага* ‘старший брат’; *хатын* ‘женщина’;
- т.-т. *каената*; *акамнэн хатынэ* [< ака-м-нэн хатын-э ‘старший. брат-1Sg.Poss-Gen жена-3Sg.Poss; жена моего отца’], *енгей*, *кайнадам* (Д4) ‘отец жены’; лит. *каената* ‘свекор; тесть’;
- т.-т. *мама*; *атиемнэн анисэ* [< ати-ем-нэн ани-сэ ‘отец-1Sg.Poss-Gen мать-3Sg.Poss; мать моего отца’] ‘мать отца’ *мамам* (Д4) [< мама-м ‘мать-1Sg.Poss’] ‘мать моего отца / матери’; лит. *ата*, *эти* ‘отец’; *ана*, *эни* ‘мать’;
- т.-т. *котауы* ‘мать жены моего сына’;
- т.-т. *каенана*; *кайнэ ани*, *кайны ати*, *кайнинем* (Д4) [< кайнине-м ‘свекровь/теща-1Sg.Poss’] ‘мать жены / мужа’; лит. *каенана* ‘свекровь; теща’; *каената* ‘свекор; тесть’;
- т.-т. *мама*; *аниемнэн анисэ* [< ани-ем-нэн ани-сэ ‘мать-1Sg.Poss-Gen мать-3Sg.Poss; мать моей матери’] ‘мать матери’; лит. *ана*, *эни* ‘мать’;
- т.-т. *ака* (*әкә*); *атиемнэн акасэ* [< ати-ем-нэн ака-сэ ‘отец-1Sg.Poss-Gen старший брат-3Sg.Poss; старший брат моего отца’], *павам* (Д4) [< паба-м ‘брат. отца-1Sg.Poss; брат моего отца, мой брат отца’] ‘старший брат отца; старший брат моего отца, старше отца; муж сестры моего отца, старше него; старший брат моей матери’; лит. *ага* ‘старший брат’; *ата*, *эти* ‘отец’; *баба* ‘дет’;
- т.-т. *татамнен* (*атамнын*) *кукасе* [< тата-м-нен / ата-м-нын кука-се ‘отец-1Sg.Poss-Gen / отец-1Sg.Poss-Gen младший. брат-3Sg.Poss; младший брат моего отца’]; *атиемнэн кукасе* [< ати-ем-нэн кука-се ‘отец-1Sg.Poss-Gen младший. брат-3Sg.Poss; младший брат моего отца’] ‘младший брат отца’; лит. *ата*, *эти* ‘отец’;
- т.-т. *бертуган* [< бер ту-ган ‘один рождаться-Pst.Ptcp; один рожденный’] ‘брат’; лит. *бер* ‘один’; *туган* ‘родной; родственник; браток’;
- т.-т. *тугуннан туган* [< ту-гун-нан ту-ган ‘рождаться-Pst.Ptcp-Gen рождаться-Pst.Ptcp; с рождением рожденный / родственник по рождению’], *ике туганнар* [< ике ту-ган-нар ‘два рождаться-Pst.Ptcp-Pl; дважды рожденные’], *туганнын акасэ* [< ту-ган-нын ака-сэ ‘рождаться-Pst.Ptcp-Gen старший. брат-3Sg.Poss; старший брат рожденного’] ‘двоюродный брат / сын сестры матери’; лит. *ике туган* ‘двоюродный’; *ага* ‘старший брат’; *ага* ‘старший брат’; *туу* ‘рождаться’;

- т.-т. *аба*; *атиемнэн абасэ* [< ати-ем-нэн аба-сэ ‘отец-1Sg.Poss-Gen старшая сестра-3Sg.Poss; старшая. сестра моего отца’] ‘старшая сестра отца’], *мамам* (Д4) ‘сестра моего отца, старше него’; лит. *ана* ‘старшая сестра’; *ата*, *эти* ‘отец’;
- т.-т. *аба*, *абам*, *авам* (Д4) [< аба-м / ава-м ‘старшая. сестра-1Sg.Poss; моя старшая сестра’] ‘старшая сестра’; лит. *ана* ‘старшая сестра’;
- т.-т. *күкә*, *күкәм* [< күкә-м ‘младшая. сестра-1Sg.Poss; моя младшая сестра’] ‘младшая сестра’;
- т.-т. *балдыс* (Д4) ‘сестры моей жены, моложе нее’; лит. *балдыз* ‘свояченица (младшая по возрасту)’;
- т.-т. *карт баба* ‘старик дедушка; прадед’, *атиемнэн бабасы* [< ати-ем-нэн баба-сы ‘отец-1Sg.Poss-Gen дед-3Sg.Poss; дед моего отца’] ‘прадед’, *павам* (Д4) [< пава-м ‘прадед-1Sg.Poss; мой прадед’] ‘мой прадед’; лит. *карт бабай* ‘прадед’; *ата*, *эти* ‘отец’; *бабай* ‘дедушка’;
- т.-т. *ака*; *аниемнэн акасэ* [< ани-ем-нэн ака-сэ ‘мать-1Sg.Poss-Gen старший брат-3Sg.Poss; старший брат моей матери’], *акам* (Д4) [< ака-м ‘брат. матери-1Sg.Poss; брат моей матери, мой брат матери’] ‘брат матери; старший брат, любой дядя, родной и чужой, брат моей матери, моложе нее’; лит. *ага* ‘старший брат’; *ана*, *эни* ‘мать’;
- т.-т. *кайнауам* (Д4) [< кайнауа-м ‘брат жены-1Sg.Poss; ‘брат моей жены, мой брат жены’] ‘старший брат моей жены, младший брат матери моей жены’; лит. *каенага* ‘старший брат мужа или жены’;
- т.-т. *каенага*; *атиемнэн акасэ* [< ати-ем-нэн ака-сэ ‘отец-1Sg.Poss-Gen старший. брат-3Sg.Poss; старший брат моего отца’] ‘старший брат жены’; лит. *каенага* ‘старший брат мужа или жены’;
- т.-т. *ул*, *улемнен уле* [< ул-ем-нен ул-е ‘сын-1Sg.Poss-Gen сын-3Sg.Poss; сын моего сына’]; *улым* [< ул-ым ‘сын-1Sg.Poss; мой сын’], *улымнэкэ улэ* [< ул-ым-нэ-кэ ул-э ‘сын-1Sg.Poss-Gen-Rel сын-3Sg.Poss; сын моего того сына’], *улым* (Д4) ‘сын, сын моего сына’; лит. *ул* ‘сын’;
- т.-т. *бертуган уле* [< бер ту-ган ул-е ‘один рождаться-Pst.Ptcp сын-3Sg.Poss; сын одного рождения’], *кызы* [< кыз-ы ‘дочь-3Sg.Poss; его дочь’]; *кукам* [< кука-м ‘младший брат-1Sg.Poss; мой младший брат’] ‘племянник’; лит. *бертуганның улы* ‘племянник’;
- т.-т. *нанамнен абасенен (кукасенен) малае (уле)* [< нана-м-нен аба-се-нен (кука-се-нен) мала-е (ул-е) ‘мать-1Sg.Poss-Gen старшая. сестра-3Sg.Poss-Gen (младший. брат-3Sg.Poss-Gen) мальчик-3Sg.Poss (сын-3Sg.Poss); мальчик старшей сестры (младшего брата) моей матери’]; *аниемнэн абасэнен улы* [< ани-ем-нэн аба-сэ-нен ул-ы ‘мать-1Sg.Poss-Gen старшая. сестра-3Sg.Poss-Gen сын-3Sg.Poss; сын старшей сестры моей матери’] ‘сын сестры матери’; лит. *ана* ‘старшая сестра’, *малай* ‘мальчик’, *ана*, *эни* ‘мать’;
- т.-т. *jörcöm* (Д4) ‘сын сына старшего брата отца моей жены, моложе меня; брат моей жены, моложе нее’;
- т.-т. *кызым* [< кыз-ым ‘дочь-1Sg.Poss; моя дочь’], *кызымнен кызы* [< кыз-ым-нен кызы ‘дочь-1Sg.Poss-Gen дочь-3Sg.Poss; дочь моей дочери’]; *кээм* [< кээ-эм ‘дочь-1Sg.Poss; моя дочь’], *унэк*; *кыс* (Д6), *кызым* (Д4) [< кыз-ым ‘дочь-1Sg.Poss; моя дочь’] ‘дочь, дочь моей дочери лит. *кыз* ‘девушка, девушка’;
- т.-т. *казы*, *кыс*, (Д6), *кысцак* (Д6) [< кыс-цак ‘дочь-Dim; девушка’] ‘дочь, девушка’; лит. *кыз* ‘дочь’;
- т.-т. *хатыннар* [< хатын-нар ‘женщина-Pl; женщины, жены’], *хатын*, *хатынэм* [< хатын-эм ‘женщина-1Sg.Poss; моя жена’] / *карцэгем*, *катын* (Д6); *кадык*, *кадындар* [< кадын-дар ‘женщина-Pl; женщины’] (Д6), *каатъным* [< каатън-ым ‘женщина-1Sg.Poss; моя женщина’], *карцъуым* (Д4) [< карцъу-ым ‘жена-1Sg.Poss; моя старуха’] ‘моя жена’; лит. *хатын* ‘женщина; жена, супруга’; *карчык* ‘старуха, жена (обращение к жене)’;

- т.-т. *ир, ирем / эрим* [< ир-ем / эр-им ‘муж-1Sg.Poss; мой муж’], *каартым* [< каарт-ым ‘старик-1Sg.Poss; мой старик’], *аавышкам* (Д4) [< аавышка-м ‘старик-1Sg.Poss; мой старик’] ‘муж’; лит. *ир* ‘мужчина; муж’;
- т.-т. *јистәм* (Д4) ‘муж моей сестры, старше меня, муж младшей сестры моего отца’;
- т.-т. *йестә, бача* (Д4) ‘муж старшей сестры’;
- т.-т. *кияу* ‘муж младшей сестры’; лит. *кияу* ‘зять; жених; молодой муж’;
- т.-т. *кйјөум* (Д4) [< *кйјөум*] ‘муж моей дочери’; лит. *кияу* ‘зять; жених; молодой муж’;
- т.-т. *кода, кэдалар* [< кэда-лар ‘сват-Pl; сваты’]; *кэда; кэдагэ* [< кэда-гэ ‘сват-Rel; свата’] ‘сват’; лит. *кода* ‘сват’;
- т.-т. *кодагый; кодача* ‘сватья; младшая родственница родителей мужа и жены’; лит. *кодагый* ‘сватья; свойственница’;
- т.-т. *килдәжим* (Д4) [< килдәж-им ‘жена. брата-1Sg.Poss; жена моего брата, моя жена брата’] ‘жена брата моего мужа, моложе него’; лит. *кәләш* ‘невестка’;
- т.-т. *енге (еңә, еңгә); йенә, јингәм* (Д4) ‘жена старшего брата’;
- т.-т. *енге; килен; аниемнән акасенән хатынә* [< ани-ем-нән ака-се-нән хатын-ә ‘мать-1Sg.Poss-Gen старший. брат-3Sg.Poss-Gen жена-3Sg.Poss; жена старшего брата моей матери’] ‘жена брата; жена брата моей матери’; лит. *ана* ‘мать’, *ага* ‘старший брат; дядя’; *хатын* ‘женщина; жена, супруга’;
- т.-т. *килән, килим* (Д4) ‘жена моего сына / сноха, жена младшего брата’; лит. *килен* ‘сноха, невестка’;
- т.-т. *хатынымнын абасе* [< хатын-ым-нын аба-се ‘жена-1Sg.Poss-Gen старшая. сестра-3Sg.Poss; старшая сестра моей жены’]; *каенапа; хатынэмнән абасә* [< хатын-эм-нән аба-сә ‘жена-1Sg.Poss-Gen старшая. сестра-3Sg.Poss; сестра моей жены’], *бия, тикәм* (Д4) ‘старшая сестра жены’; лит. *хатын* ‘женщина; жена, супруга’; *бикә* ‘госпожа, барыня’; *апа* ‘старшая сестра’; *бикә* ‘госпожа’;
- т.-т. *хатынымнын кукасе* [< хатын-ем-нен кука-се ‘жена-1Sg.Poss-Gen; младшая сестра моей жены’], *балтыз* ‘младшая сестра жены’; лит. *хатын* ‘женщина; жена, супруга’;
- т.-т. *авъзыным* (Д4) ‘младшая сестра моего мужа’; лит. *апа* ‘старшая сестра’;
- т.-т. *иренемнен кукасе* [< ир-ен-ем-нен кука-се ‘муж-3Sg.Poss-1Sg.Poss-Gen; младший брат моего мужа’], *күкәсе* [< күкә-се младший. брат-3Sg.Poss; его младший брат] ‘младший брат мужа’; лит. *ир* ‘мужчина; муж’;
- т.-т. *бажай* ‘муж сестры жены, свояк’; лит. *бажай* ‘сваяк’;
- т.-т. *тугум; насэль* ‘род’; лит. *нәсел* ‘род; племя; потомство, поколение’; *токим* ‘порода; потомство, племя; потомок’;
- т.-т. *тугунар* [< тугун-ар ‘родственник-Pl; родственники’] ‘родня’; лит. *туган* ‘родной; родственник’;
- т.-т. *харендаш (кардаш)* ‘родственник’; лит. *кардәш* ‘родственник, родственный; брат; товарищ’;
- т.-т. *насэллек* [< насэл-лек ‘род-N; родство’] ‘родство’; лит. *нәсел* ‘род; племя; потомство, поколение’;
- т.-т. *кюйюу* (Д6) ‘зять’; лит. *кияу* ‘зять; жених; молодой муж’;
- т.-т. *бала; палацак* [< пала-цак ‘ребенок-Dim; дитя’], *бала* (Д6), *балачак* [< бала-чак ‘ребенок-Dim; дитя’] (Д6) ‘ребенок’; лит. *бала* ‘ребенок, дитя, детеныш’;
- т.-т. *балам* (Д4) ‘дети младшей сестры моей жены, сын дочери брата моего отца’; лит. *бала* ‘ребенок, дитя, детеныш’;
- т.-т. *мама / аби; мамака* [< мама-ка ‘мама-Dim; мамочка’] / *абика* [< аби-ка ‘бабушка-Dim; бабулечка’] ‘бабушка’; лит. *эби* ‘бабушка’;
- т.-т. *килендяшлар* [< килен-дяш-ляр ‘невестка-N-Pl; невестушки’] ‘жены двух братьев’; лит. *килен* ‘сноха, невестка’.

Из представленного материала очевидно преобладание в современной семейно-обрядовой лексике томско-татарских говоров единиц, тождественных литературным эквивалентам (это относится к лексике как родильного, так и свадебного и похоронного обрядов, а также единицам, представляющим термины родства). Зачастую такие единицы представлены в ином фонетическом оформлении, свойственном томско-татарским говорам согласно законам чередования тюркских фонем. При этом наблюдаются и сибирские формы (например, *сыкта* – ‘плакать’ против лит. *ела-*; *тиэс* ‘лук; луковица’ против лит. *суган*). Несколько большую степень вариативности демонстрирует лексика похоронного обряда, а также термины родства. В собранном материале на данный момент присутствует весьма значительное количество слов с неясной этимологией. Это, однако, может быть связано с несколько искаженной передачей и фиксацией лексем на фонологическом уровне либо недостаточным анализом имеющегося материала. Из лексики, обозначающей генеалогические связи, большинство примеров являются прямыми переводами описательной терминологии русского языка. Выявляется определенный процент схождений с номенклатурой родства и свойства эуштинцев, приведенной в работах А. П. Дульзона (1954; 1956). Необходима дальнейшая верификация данных с лингвистической точки зрения, анализ степени сохранности представлений о родстве и свойстве у томско-татарского населения и выражения этого в лексике. В перспективе исследований представляется необходимым провести детальный анализ зафиксированных лексических единиц томско-татарских диалектов, в первую очередь в том, что касается наличия параллелей с литературным татарским языком, а также степенью фонетического и морфологического варьирования зафиксированных единиц.

Список сокращений:

ЮК – д. Юрты Константиновы Яшкинского района Кемеровской области; Дб – Дульзон, 1956; Д4 – Дульзон, 1954; З – д. Зимник Юргинского района Кемеровской области; лит. – литературный татарский язык; У – д. Улус Юргинского района Кемеровской области; Ур – Уразманова, 2001; т.-т. – томско-татарские диалекты; Тм – Томилов, 1983; Poss – посессив; 3Sg – 3 л. ед. ч.; 2Sg – 2 л. ед. ч.; 1Sg – 1 л. ед. ч.; Dim – диминутив; Imp – императив; Gen – генитив; Pst – показатель прошедшего времени; Prs – презенс; Ptcp – причастие; Pl – показатель множественного числа; Rel – относительная форма; N – форма существительного; лит. – литературная форма.

Литература:

- Баскаков Н. А.** Тюркские языки. М. Изд-во ЛКИ, 2010. Издание 4. 248 с. (Языки народов мира).
- Габдрахманова Ф. Х., Закирова Р. Р.** Этимологический анализ лексемы туй (свадьба) в татарской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 75–77.
- Дульзон А. П.** Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья // Ученые записки ТГПИ. Том XI. 1954. С. 59–94.
- Дульзон А. П.** Диалекты татар-аборигенов Томи. Томск. 1956. С. 297–379.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года** в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения 30.10.2020 г.).
- Плетнева Л. М.** Томское Приобье в позднем Средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.
- Плетнева Л. М.** Томское Приобье в Средневековье (по археологическим источникам): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996. 49 с.
- Савинов Д. Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ. 1984. 174 с.
- Томилов Н. А.** Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 199 с.
- Томилов Н. А.** Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. 216 с.

Томилов Н. А. Сибирские татары в системе историко-культурных общностей (XIX – начало XX в.) // Сибирские татары. Тобольск, 1998. С. 114–115.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 293 с.

Уразманова Р. К. Семейные обычаи и обряды (свадебные обряды) // Татары. Народы и культуры. Казань. 2001. С. 346–355.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

Лилявина Елена Владимировна.

Кандидат исторических наук.

Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова.

Пр. Ленина, 75, Томск, 634050.

E-mail: Lena4igrina@mail.ru

Лемская Валерия Михайловна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, 634050.

E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru

Токмашев Денис Михайлович.

Кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, 634050.

E-mail: kogutei@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2022 г.

E. V. Lilyavina, V. M. Lemskaya, D. M. Tokmashev

SOME LINGUISTIC AND ETHNOGRAPHIC ASPECTS OF THE TOMSK-TATAR KINSHIP AND RITUAL TERMINOLOGY³

This article deals with a linguistic and ethnographic analysis of the kinship and ritual terminology of the Tomsk Tatars. The Tomsk Tatars are the indigenous population of the Tomsk Ob region, which formed ethnolinguistic groups before the arrival of the Russian-speaking population. The Tomsk Tatars include Kalmaks, Eushtins, and Chats, the latter two groups being grouped in a subdialect – Eushta-Chat. The number of Tomsk Tatars in their traditional places of residence is about 3 thousand people. The article analyzes the data documented during the ethnolinguistic expeditions 2009–2019: Tomsk-Tatar terms divided into lexical-semantic groups in terms of ethnographic classification of family rites (maternity, marriage, burial) and description of family genealogy (terms of kinship). In the course of fieldwork, ethnic stories were recorded, and genealogical schemes were created to identify the family composition and determine family ties within the group and family ties between neighboring villages (responses to family ritual terminology were recorded in both Tatar and Russian). The vocabulary studied refers mainly to the Eushta-Chat subdialect (if so, there is no indication of its origin); if data on the Kalmak subdialect is available, information on their origin is provided. In addition, dialect data from published articles by A. P. Dulzon and R. K. Urazmanova are also given. When it is possible to determine the composition of word forms, a morphological marker is given, a literal translation is also provided, and lexical parallels with the literary Tatar language are copied from open lexicographic sources.

The general conclusion of the article is that in the modern kinship and ritual terminology of the Tomsk-Tatar subdialects, there prevail units identical to the literary equivalents, often in a different phonetic form according to the laws of alternation of Turkic phonemes. A number of units do not find parallels with the literary Tatar

³ The work was carried out within the framework of the project "Creation of an electronic dialectological atlas of Turkic languages of Russia" (grant from the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00501).

language, and there are also vocabularies with unclear etymology. Most examples of genealogical terms are direct translations of descriptive terminology from Russian.

Keywords: *Tomsk Tatars, Tomsk-Tatar dialects, ritual terms, kinship terms*

References:

- Baskakov N. A.** Tjurkskie jazyki [Tukic languages] // Jazyki narodov mira. Moscow. 2010. 248 p.
- Gabdrachmanova F. H., Zakirova R. R.** Etimologicheskij analiz leksemy tuj (svad'ba) v tatarskoj lingvokul'ture [An etymological analysis of the 'tuj' lexeme in the Tatar linguistic culture] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. 2016. Vol. 6(60). Part 3. P. 75–77. (in Russian).
- Dulzon A. P.** Terminy rodstva i svojstva v jazykah Narymskogo kraja i Prichulym'ja [Terms of kinship and relation in the languages of the Narym area and Chulym basin] // Uchenye zapiski TGPI. 1954. Vol. XI. P. 59–94. (in Russian).
- Dulzon A. P.** Dialekty tatar-aborigenov Tomi [Dialects of Tatars, the aborigines of the Tom]. Tomsk. 1956. P. 297–379.
- Itoji Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda** v otnoshenii demograficheskikh i social'no-jekonomicheskikh harakteristik otdel'nykh nacional'nostej [Results of the 2010 All-Russian census regarding the demographic and social and economic characteristics of separate nationalities]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (Accessed: 30.10.2020).
- Pletneva L. M.** Tomskoe Priob'e v pozdnem Srednevekov'e (po arheologicheskim istochnikam) [The Tomsk Ob area in the late Middle Ages (according to the archaeological sources)]. Tomsk. 1990. 134 p.
- Pletneva L. M.** Tomskoe Priob'e v Srednevekov'e (po arheologicheskim istochnikam): avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk [The Tomsk Ob area in the Middle Ages (according to the archaeological sources): abstract of history cand. diss.]. Novosibirsk, 1996. 49 p.
- Savinov D. G.** Narody Juzhnoj Sibiri v drevnetjurkskuju jepohu [Peoples of South Siberia in the Old Turkic era]. Leningrad. 1984. 174 p.
- Tomilov N. A.** Etnografija tjurkojazychnogo naselenija Tomskogo Priob'ja [Ethnography of the Turkic population of the Tomsk Ob area]. Tomsk. 1980. 199 p.
- Tomilov N. A.** Ocherki jetnografii tjurkskogo naselenija Tomskogo Priob'ja [Ethnographic essays of the Turkic population of the Tomsk Ob area]. Tomsk. 1983. 216 p.
- Tomilov N. A.** Sibirskie tatary v sisteme istoriko-kul'turnyh obshhnostej (XIX – nachalo XX v.) [Siberian Tatars in the system of the historical and cultural relations (19th-early 20th c.)] // Sibirskie tatary. Tobol'sk, 1998. P. 114–115.
- Tumasheva D. G.** Dialekty sibirskih tatar [Dialects of the Siberian Tatars]. Kazan. 1977. 293 p.
- Urazmanova R. K.** Semejnye obychai i obrjady (svadebnye obrjady) [Family customs and rites (wedding rites)] // Tatary. Narody i kul'tury [Tatars. Peoples and cultures]. Kazan. 2001. P. 346–355.
- Sherstova L. I.** Tjurki i russkie v Juzhnoj Sibiri: etnopoliticheskie processy i etnokul'turnaja dinamika XVII – nachala XX veka [Turks and Russians in South Siberia: ethnic & political processes and ethnic & cultural dynamics of the 17th-early 20th c.]. Novosibirsk. 2005. 312 p.

Liliavina Elena Vladimirovna.

Candidate of history science, head of the exhibition department.

M. B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore.

Lenin St., 75, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: Lena4igrina@mail.ru

Lemskaya Valeriya Mikhaylovna.

Candidate of philology, assistant professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya St., 60, Tomsk, Russia, 634061.

National Research Tomsk State University.

Lenin St., 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru

Tokmashev Denis Mikhaylovich.

Candidate of philology, assistant professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya St., 60, Tomsk, Russia, 634061.

National Research Tomsk State University.

Lenin St., 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: kogutei@yandex.ru

Н. А. Муравьев

ПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются причастные темпоральные конструкции со значением одновременности в казымском диалекте севернохантыйского языка. Богатство и разнообразие инвентаря данных конструкций фиксируется в ряде работ, однако существующие описания не дают ясной картины их функционирования и дистрибуции. Цель исследования – более подробно описать семантику конструкций одновременности, определив характерные черты каждой из них. Материал для исследования был получен в ходе опроса носителей с. Казым ХМАО-Югра по методике завершения носителем предложенного стимульного контекста, исходная часть которого состояла из зависимой клаузы каждой конструкции с варьированием глагола. Опросник был составлен на основе выборки из 50 глаголов различных аспектуальных классов. Для исследования было выбрано пять конструкций: одна причастно-падежная (локативная) и четыре причастно-последложных конструкций с послелогом *pōrajən*, *mār(ən)*, *kūtən* и *saxət/satil/sa*. Конструкции были проанализированы по трем аспектуальным параметрам: предельности, длительности и однородности событий. Было установлено, что ни одна конструкция, за исключением локативной, не сочетается с предельными фоновыми событиями. При этом конструкция с *pōrajən* предпочитает длительное, а конструкция с *kūtən* – неоднородное фоновое событие, конструкция с *saxət/satil/sa* – краткое или среднее фоновое и предельное основное событие. На основе более детального рассмотрения полученных контекстов было установлено, что конструкция с *pōrajən* не является семантически неспецифицированной, как она описана в литературе, а выражает конкретное значение одновременности с событием, характеризующим временной период. В свою очередь, конструкция с *kūtən* задает неоднородный фон из исходно неоднородного события, тогда как в сочетании с однородными предполагает сознательное прерывание фонового события субъектом. Конструкции с *mār(ən)* и *kūtən*, хотя практически не обнаруживают ограничений в сочетании с кратковременными событиями, уместны только лишь в случае «растягивания» данных событий во времени либо одновременности в более мелком масштабе.

Ключевые слова: уральские языки, хантыйский язык, семантика, аспект, таксис, причастие, полипредикация, одновременность

В севернохантыйском языке, как и в большинстве уральских, основной для обстоятельственных предложений является нефинитная стратегия, при которой глагол в зависимой клаузе используется в форме причастия, деепричастия или номинализации. Особое место среди всех хантыйских обстоятельственных конструкций занимают конструкции одновременности: их инвентарь достаточно велик и разнообразен, при этом их семантика и дистрибуция крайне мало изучены. Цель статьи – описать данный фрагмент хантыйской системы и выявить принципы функционирования таких конструкций. В ходе анализа было установлено, что функционирование хантыйских конструкций одновременности зависит от параметров предельности, длительности и однородности. Исследование проведено на полевом материале казымского диалекта хантыйского языка методом опроса носителей, данные собраны в с. Казым ХМАО-Югра в 2022 г. Всего было опрошено 18 носителей от 42 до 75 лет, свободно владеющих севернохантыйским языком. Статья состоит из трех разделов: в первом разделе даются общие сведения о темпоральных полипредикативных конструкциях севернохантыйского языка, во втором – приводится семантический анализ конструкций, в третьем – подводятся итоги анализа.

1. Основные сведения о конструкциях одновременности

Темпоральные обстоятельственные конструкции в севернохантыйском (подробный обзор в работе (Черемисина, Кошкарёва, 1991)) образуются от двух причастий: причастия прошедшего времени с показателем *-(ə)t-* и причастия не прошедшего времени с показателем *-t(i)-* при помощи падежного показателя локатива либо одного из ряда послелогов или реляционных

имен с темпоральным значением. Локативная форма причастия (LOC) выражает значение «общей временной соотнесенности» (Черемисина, Кошкарева, 1991: 759), а также одновременности и следования (Кошкарева, 2007) и образуется присоединением показателя локатива *-ən* после показателя причастия (1) либо лично-числового показателя субъекта зависимой клаузы (2).

- (1) *jert-əm-ən* *ta* *jōləən* *əməs-s-əm*
 дождить-NFIN.PST-LOC я дом.LOC сидеть-PST-1SG
 ‘Во время дождя я дома сидел’.
- (2) *ari-m-ał-ən* *pet’a-j-en* *jōš-ən* *wōš-əs*
 петь-NFIN.PST-3SG-LOC Петя-EP-POSS.2SG рука-LOC махать-PST[3SG]
 ‘Когда Петя пел, руками махал’.

Помимо LOC, темпоральные отношения в хантыйском выражаются сочетанием причастий с реляционным именем или послелогом, выражающим темпоральную семантику (обзор послелогов в казымском диалекте (Кошкарева, 1996) и обзор темпоральных послелогов в шурышкарском диалекте (Лельхова, 2012)). Отдельно темпоральным обстоятельством конструкциям с послелогом посвящены разделы работ (Черемисина, Кошкарева, 1991) и (Schön, 2017). Значение общей временной соотнесенности, кроме LOC, представлено конструкциями с послелогом *kemən* и *pōrajən*, которые представляют собой локативные формы реляционных имен *kem* и *pōra* ‘время’, ср. (3). В (Schön, 2017: 254) также обращается внимание на то, что обе конструкции могут использоваться в условной функции. Лично-числовое согласование с субъектом может быть выражено либо на глагольной форме, либо на реляционном имени.

- (3) *ari-m-ał* *pōra-j-ən* *pet’a-j-en* *əw* *pəla* *want-əs*
 петь-NFIN.PST-3SG время-EP-LOC Петя-EP-POSS.2SG дверь на смотреть-PST[3SG]
 ‘Когда Петя пел, смотрел на дверь’.

По (Черемисина, Кошкарева, 1991: 760), значение простой одновременности передается конструкциями с теми же самыми послелогом *pōrajən* и *kemən*, а также с *artən*, *sati*, *saxət*, *sa*, *kūtən* и *kūrūman*. Конструкции с реляционным именем *kūt* ‘промежуток’ (4), далее КҮТЭН и послелогом *saxət/sati/sa* ‘за, с’ (5), далее SA¹, фиксируемые в казымском диалекте, используются, согласно (Черемисина, Кошкарева, 1991: 761), в контекстах, в которых «краткое и мгновенное действие главной части “вписывается” в длительность события зависимой части».

- (4) *ari-t-ał* *kūt-ən* *pet’a-j-en* *pōtlaŋ-əl* *kūnš-əs*
 петь-NFIN.NPST-3SG между-LOC Петя-EP-POSS.2SG затылок-POSS.3SG чесать-PST[3SG]
 ‘Когда Петя пел, затылок почесал’.
- (5) *maša-j-en* *ari-t-ał* *sa* *xəł-ən* *pit-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG петь-NFIN.NPST-3SG с кашель-LOC падать-PST-PASS[3SG]
 ‘Маша когда пела, закашлялась’.

Значение ограничительной одновременности передается конструкциями с послелогом *kaša*, *sis*, *el̥ti*, *mār*, *pūlaŋ* и *xūwat*. Единственной конструкцией из этого списка, фиксируемой в наших данных, является конструкция с реляционным именем *mār* ‘время, период’, далее MĀR, ср. (6). Как и в случае с PŌRAJƏN, лично-числовое согласование с субъектом может быть выражено либо на глагольной форме, либо на реляционном имени.

¹ Согласно полевым данным, эти три сходных по звучанию послелога используются в одних и тех же контекстах с идентичной функцией и находятся в почти дополнительном распределении по разным носителям. Исходя из этого, мы будем далее считать их свободными вариантами в рамках одной конструкции SA.

- (6) *maša-j-en* *arij-əm* *mār-əl-ən* *jak-əm-ijəl-əs*
 Маша-EP-POSS.2SG петь-NFIN.PST время-3SG-LOC плясать-MOM-ITER-PST[3SG]
 ‘Маша пока пела, пританцовывала’.

По сравнению с одновременностью, зоны предшествования и следования представлены значительно меньшим числом конструкций. В предшествовании разграничивается простая и ограничительная разновидность. Аналогичное противопоставление выражается и в зоне следования (Черемисина, Кошкарева, 1991: 761, 763; Schön, 2017: 264, 271–272). Помимо причастных конструкций, темпоральная семантика в севернохантыйском может выражаться финитно с таксисно-нейтральным союзом *хрп* ‘когда’, а также деепричастием на *-тап*. Таким образом, для выражения темпоральной семантики севернохантыйский язык использует преимущественно причастную нефинитную стратегию, а наиболее разнообразной является зона одновременности.

2. Параметры причастных конструкций одновременности

2.1. Постановка задачи

Как следует из обзора, функционально инвентарь конструкций одновременности состоит из конструкций общей временной соотнесенности, простой и ограничительной одновременности. Однако этого недостаточно для полноценного понимания семантических различий между существующими конструкциями и их дистрибуции. Уже в первом приближении становится очевидно, что семантика конструкций одновременности выходит за рамки приводимых в литературе характеристик. Так, при *mār* основное событие может быть мгновенным, ср. (7), и тогда начало и конец фонового события перестают играть ограничительную роль. А, к примеру, при *kūtən* основное событие, напротив, не обязано иметь моментальный характер (8).

- (7) *waša-j-en* *pāsan-ən* *əms-m-ał* *mār* *jert-a* *ji-s*
 Вася-EP-POSS.2SG стол-LOC сидеть NFIN.PST-3SG время дождь-DAT идти-PST[3SG]
 ‘Пока Вася сидел за столом, пошел дождь’.
- (8) *pet’a-j-en* *ōl-t-ał* *kūt-ən* *xqłl’ə-s*
 Петя-EP-POSS.2SG спать NFIN.NPST-3SG между-LOC кашлять-PST[3SG]
 ‘Когда Петя спал, кашлял’.

Следовательно, необходимо последовательное сравнение всех конструкций с учетом всех релевантных параметров и составление семантического профиля каждой конструкции. Основной вопрос, таким образом, состоит в том, какова специфика каждой конструкции одновременности по сравнению с остальными. В частности, предлагаемый анализ должен ответить на следующие вопросы: какой подвид одновременности выражает каждая конструкция? каковы аспектуальные свойства фонового события в конструкции? каковы аспектуальные свойства основного события в конструкции?

В анализе мы ограничимся обзором конструкций одновременности в казымском диалекте хантыйского языка и рассмотрим только те из них, которые в достаточной степени употребительны и встречаются в речи всех опрашиваемых носителей, а именно:

- LOC, причастие на *-t(i)-* или *-(ə)m-* + падежный показатель локатива;
- PŌRAJƏN, причастие на *-t(i)-* или *-(ə)m-* + реляционное имя *pōra* ‘время, пора, срок’ в локативе;
- MĀR, причастия на *-t(i)-* или *-(ə)m-* + реляционное имя *mār* ‘время’ в немаркированной форме или в локативе;
- KŪTƏN, причастие на *-t(i)-*, реже *-(ə)m-* + реляционное имя *kūt* ‘промежуток’ в локативе;
- SA, причастие на *-t(i)-*, реже *-(ə)m-* + послелог *saxət*, *sati* и *sa* ‘за, с’.

В анализе конструкций мы ограничимся событиями плана прошедшего, оставив за рамками работы план настоящего и будущего, так как прежде всего интересуют актуально-длительные контексты, тогда как в настоящем и будущем данные конструкции получают преимущественно хабитуальную или потенциальную интерпретацию, что усложняет понимание характера временной связи между событиями и поэтому требует отдельного изучения.

При анализе сочетаемости данных конструкций с различными глаголами следующие параметры релевантны:

Предельность событий. Ожидается, что в противовес ЛОС другие конструкции будут требовать неопредельного фонового события либо в силу длительной семантики темпорального послелога или реляционного имени, либо из-за имперфективности причастия в их основе (см. далее раздел 2.2);

Длительность фонового события. Лексемы *mār* 'время' и *pōra* 'время, пора, срок' в именных контекстах описывают протяженные отрезки времени, ср. *xātāl mār* 'в течение дня', *lūj mār* 'в течение лета'. Соответственно, ожидается, что в обстоятельственных конструкциях именно они будут предпочитать длительные фоновые события, тогда как другие будут тяготеть к кратковременным или средним фоновым событиям (см. далее раздел 2.3);

Однородность фонового события. Реляционное имя *kūt* 'между, среди' в именном контексте обозначает локализацию относительно либо совокупности объектов, либо среды различной степени однородности. Исходя из этого ожидается, что и в обстоятельственной функции возможность использования *kūt* будет зависеть от однородности фонового события (см. далее раздел 2.4).

Для проверки данных параметров была составлена выборка из 50 глагольных значений² с опорой на глагольную классификацию Ю. Д. Апресяна (Апресян, 2006). Наибольшее количество глагольных значений было взято для классов процессов и действий, которые максимально вариативны с точки зрения параметров предельности, длительности, однородности, переходности и агентивности. С каждым из глаголов выборки были сформированы контексты, состоящие из зависимой части предложения в виде каждой из пяти исследуемых конструкций, ср.: *ākatti* 'собирать' – (a) *pet'ajen tōlax ākātmaḷan...*, (b) *pet'ajen tōlax ākātmaḷ pōrajən...* и т. д. 'Когда Петя собирал грибы...'. Всего, таким образом, анкета состояла из 250 контекстов. Контексты предлагались на целевом языке носителям, которые сначала оценивали грамматичность таких сочетаний, а затем в случае их приемлемости добавляли к ним главную часть, дополняя их до целых предложений. Так носители имели возможность выбрать для каждой начальной части конструкции естественное продолжение, что, в свою очередь, позволяет более объективно судить об их семантике. Некоторые из законченных контекстов затем проверялись на приемлемость с заменой одного обстоятельственного средства на другое с целью формирования минимальных пар, наглядно иллюстрирующих разницу в семантике конструкций.

2.2. Предельность событий

Предельность события – один из ключевых параметров варьирования глагольной лексики. Различаются **предельные** предикаты, такие как *вскипеть* или *сломать*, описывающие события,

² Имеются в виду отдельные употребления глагольных лексем. Так, в выборку вошли три разных употребления многозначного глагола *эмәсти*: 'сидеть', 'садиться' и 'строить'. Полный список значений выглядит следующим образом: **состояния**: *wōlti* 'жить', *lawəlti* 'ждать', *uḷti* 'спать', *rūtṣəti* 'отдыхать', *nōmti* 'помнить', *jiti* 'стоять', *χōll'əti* 'слышать'; **процессы**: *šōtši* 'идти', *jāŋxti* 'ходить', *pōrlətləti* 'летать (с места на место)', *χōll'əti* 'плакать', *χōll'əti* 'кашлять', *pōsiti* 'капать', *sōrti* '(вы)сохнуть', *jertti* 'идти (о дожде)', *lōḷati* '(рас)таять', *enəmti* 'расти', *nāxti* 'смеяться'; **положения в пространстве**: *эмәсти* 'сидеть', *lōlti* 'стоять', *эмәсти* 'садиться', *enxti* 'снимать'; **занятия**: *jakti* 'танцевать', *ariti* 'петь', *kūlašti* 'драться', *pōtərtti* 'разговаривать', *lūjətti* 'читать'; **действия**: *wēlpōsləti* 'промышлять', *wōn'sti* 'собирать (ягоды)', *wōnltijəlti* 'учиться', *pōsti* 'стирать', *эмәсти* 'строить', *l'awəti* 'ругать', *ākətti* 'собирать'; **действия**: *mōŋxti* 'вытереть', *amətti* 'обрадоваться', *ləti* 'есть', *kawərtti* 'варить', *lōtti* 'покупать', *pōrti* 'кусать (грызть)', *kim ɛtti* 'выйти', *wəxti* 'звать', *səŋkti* 'стучать', *kūrītti* 'будить', *pūnši* 'открывать', *lōpti* 'сказать', *nōməsti* 'думать', *katəlti* 'ловить', *paknəlti* 'ругать', *χōrətti* 'лаять'.

которые завершаются кульминацией, и **непредельные**, такие как *спать* или *гулять*, ср., к примеру (Татевосов, 2005: 124). Для конструкций, выражающих семантику одновременности, предельность событий имеет первостепенную значимость, поскольку для локализации одного события относительно другого одно из них, а именно фоновое, должно как минимум не уступать по длительности другому, основному. Когнитивная мотивация этого принципа состоит в специфике отношений между фоном и фигурой (Talmy, 1975, Talmy, 2000: 183), ср. *кошка сидит на кресле*, где кресло играет роль фона, а кошка – фигуры, но ^{??} *кресло стоит под кошкой*.

Причастие непрощедшего времени на *-t(i)-* используется при имперфективном видовом ракурсе, поэтому для SA и KÜTƏN от данной формы ожидается сочетаемость только с непредельными фоновыми событиями. MĀR и PÖRAJƏN, которые сочетаются с обоими причастиями, задают длительный фон, поэтому, вероятно, также должны сочетаться только с непредельными фоновыми событиями. Кроме того, про SA и KÜTƏN утверждается, что основное событие обязано быть «кратким и мгновенным», из чего может следовать, что параметр предельности релевантен и для основного события.

Для проверки данных гипотез возьмем четыре глагола из нашей выборки, имеющих в прошедшем времени только предельную интерпретацию: *paknəl̥ti* ‘напугать’, *amətti* ‘обрадоваться’, *lōpti* ‘сказать’ и *kim etti* ‘выйти’. Глаголы *paknəl̥ti* и *amətti* действительно, как и ожидалось, сочетаются исключительно с LOC, ср. примеры (9a, b) с глаголом *amətti*.

- (9) a. *maša-j-en* *amət-m-aλ-ən* *nōx* *nawər-m-əs*
 Маша-EP-POSS.2SG обрадоваться-NFIN.PST-3SG-LOC вверх прыгать-MOM-PST[3SG]
 ‘Маша, обрадовавшись, подпрыгнула’.
- b. **amət-əm mār-aλ-ən/*amət-t-aλ kūt-ən/*amət-t-aλ sa/*amət-m-aλ pōra-j-ən*

В свою очередь, *lōpti* и *kim etti*, помимо LOC, также сочетаются с SA и KÜTƏN. Рассмотрим для примера глагол *kim etti* ‘выйти’. В LOC (10a) ожидаемо задействуется единственная доступная для этого глагола предельная интерпретация, дающая контактное предшествование ‘как только P, Q’. Образовать от этого глагола MĀR или PÖRAJƏN оказывается невозможным (10b).

- (10) a. *kim* *et-m-aλ-ən* *waša-j-en* *lapka* *pēla mān-əs*
 наружу появиться-NFIN.PST-3SG-LOC Вася-EP-POSS.2SG магазин к идти-PST[3SG]
 ‘Вася вышел из дома и направился в магазин’.
- b. **kim et-əm mār-aλ-ən/*kim et-m-aλ pōra-j-ən*

При этом конструкции SA и KÜTƏN с глаголом *kim etti* полностью приемлемы. В них, как можно видеть в (11, 12), происходит детелисизация предиката: вместо предельного моментального события выхода получается короткий, но все же минимально протяженный во времени непредельный процесс.

- (11) *waša-j-en* *kim* *et-t-aλ* *kūt-ən* *lōmət-λ'-əs*
 Вася-EP-POSS.2SG наружу появиться-NFIN.NPST-3SG промежуток-LOC надеть-DETR-PST[3SG]
 ‘Вася, когда выходил, по ходу дела одевался’.
- (12) *waša-j-en* *kim* *et-t-aλ* *sa* *lūwti*
 Вася-EP-POSS.2SG наружу появиться-NFIN.NPST-3SG с он.ACC
pōxəl-mə-s-le
 толкать-MOM-PST-3SG.SO
 ‘Выходя на улицу, Вася его толкнул’.

Такое поведение предиката *kim etti* неудивительно, поскольку, хотя сам глагол в финитном контексте прошедшего времени используется только предельно, выражаемое им событие ‘выйти’, в отличие от ‘обрадоваться’, можно представить как развернутый, немоментальный процесс выхода.

С неопредельными фоновыми событиями ограничений на предельность не обнаруживается, ср., например, (11) с предикатами различных акциональных классов, по Вендлеру: состояние *wɔłti* ‘жить’, деятельность *jakti* ‘танцевать’ и совершение *kińiška lŭŋətti* ‘читать книгу’.

(11) *wɔłmalən / wɔłəm mārələn / wɔłtal kŭt-ən / wɔłtal sa / wɔłmal pōrajən* ‘при его жизни’;
jakmalən / jakəm mārələn / jaktal kŭtən / jaktal sa / jakmal pōrajən ‘когда он танцевал’;
kińiška lŭŋtmalən / lŭŋtəm mārələn / lŭŋttal kŭtən / lŭŋttal sa / lŭŋtmal pōrajən ‘когда он читал книгу’.

Из существующих описаний следует, что основное событие также должно быть ограничено по предельности. Из двух конструкций, для которых это изначально ожидалось, такое ограничение обнаруживается только у *sa*, но не у *kŭtən*. В конструкции *sa* основное событие обязано быть предельным и однократным (12), ср. неопредельные (13) и множественные (14) события.

- (12) *waša-j-en kim et-t-ał sa lŭwti*
 Вася-EP-POSS.2SG наружу появиться-NFIN.NPST-3SG с он.ACC
 ‘Выходя на улицу, Вася его толкнул’.
- (13) *pet'a-j-en piśma-jəl xānš-ał kŭt-ən/*sa*
 Петя-EP-POSS.2SG письмо-POSS.3SG писать:NFIN.NPST-3SG между-LOC/с
televizor want-əs
 телевизор смотреть-PST[3SG]
 ‘Петя, когда писал письмо, смотрел телевизор’.
- (14) *mānti kŭrit-t-ał kŭt-ən/*sa maša-j-en mōłtarat*
 я.ACC будить-NFIN.NPST-3SG между-LOC/с Маша-EP-POSS.2SG несколько
wer wer-əs
 дело делать-PST[3SG]
 ‘Пока Маша меня будила, много дел переделала’.

Ограничения конструкций на предельность фонового и основного событий суммированы в табл. 1.

Таблица 1

Темпоральные конструкции и предельность событий

	Фоновое событие	Основное событие
LOC	любое	любое
PŌRAJƏN, MĀR, KŪTƏN	всегда неопредельное	любое
SA	всегда неопредельное	почти всегда предельное

Как и ожидалось, фоновое событие обязано быть предельным во всех конструкциях, кроме LOC. Основное событие, в свою очередь, всегда предельное при SA, тогда как аналогичное ограничение для KŪTƏN не подтвердилось.

2.3. Длительность фонового события

Как было показано выше, SA и KŪTƏN могут в качестве фонового использовать предельное событие, преобразуя его в кратковременный неопредельный процесс. В конструкциях

МӐР и РӐРАЈӘН такое преобразование невозможно, вероятно, из-за обязательной длительности временного промежутка, заложенной в семантике темпорального послелого. Исходя из этого естественно предположить, что релевантна также длительность фонового события. Так, тяготение к длительным фоновым событиям ожидается для МӐР и РӐРАЈӘН, так как первая конструкция подразумевает в качестве фонового события протяженный во времени интервал, а вторая характеризует продолжительные периоды времени. В семантике остальных конструкций не содержится каких-либо указаний на длительность фонового события, поэтому каких-либо ограничений не ожидается.

Для проверки гипотезы мы разделили глаголы выборки на три класса: (а) выражающие **длительные** события (прототипически более одного дня), такие как ‘жить’, ‘строить’ и ‘промышлять’, (б) выражающие **средние по длительности** неопределенные события (прототипически от нескольких минут до одного дня), такие как ‘танцевать’, ‘сидеть’, ‘спать’, и ‘ходить’ и (в) выражающие **кратковременные** неопределенные события (прототипически от нескольких секунд до нескольких минут), такие как ‘звать’, ‘садиться’ и ‘будить’. Стоит оговориться, что отнесение глаголов, выражающих те или иные события к конкретной группе, в значительной мере условно и речь будет идти только о наиболее прототипических контекстах.

Рассмотрим сперва сочетаемость конструкций с предикатами, выражающими длительные события. С такими глаголами, как и ожидалось, лучше всего сочетаются МӐР и РӐРАЈӘН, которые недопустимы только с ‘помнить’ и ‘стоять’. Остальные конструкции имеют больше ограничений³. Например, событие ‘строить’ обладает сверхдолгой продолжительностью, особенно если речь идет о школе, ср. (15, 16), строительство которой занимает порядка нескольких месяцев. В этом контексте уместны только МӐР и РӐРАЈӘН, которые специализируются на длительных интервалах.

- (15) *škɔla ɔms-əm pōra-j-ən melək wq-s*
школа ставить-NFIN.PST время-EP-LOC тепло быть-PST[3SG]
‘Когда школу строили, тепло было’.

- (16) *škɔla OK ɔmɔs-əm mār-ən / ɔms-əm-ən / ɔmɔs-ti kūt-ən / ɔmɔs-ti sa*

Теперь рассмотрим предикаты средних событий. Как и ожидалось, наибольшее количество ограничений со средними событиями наблюдается у РӐРАЈӘН, тогда как у остальных конструкций ограничений ожидаемо мало⁴. Немного неожиданным видится отсутствие каких-либо ограничений у МӐР. По-видимому, интервальность в семантике данной конструкции необязательно влечет за собой повышенную длительность фонового события. Пример темпоральной конструкции с событием средней длительности приведен в (17, 18).

- (17) *waśa-j-en jak-t-aɭ kūt-ən mōlt-aɭ*
Вася-EP-POSS.2SG плясать-NFIN.NPST-3SG промежуток-LOC что.INDF-POSS.3SG
nq̄mɔlt-əs
вспомнить-PST[3SG]
‘Когда Вася танцевал, что-то вспомнил.’

- (18) *OK jak-m-aɭ mār-ən / OK jak-m-aɭ-ən / OK jak-t-aɭ sa*

Поведение РӐРАЈӘН отличается от остальных конструкций тем, что в сочетании с событиями средней длительности, такими как ‘танцевать’, эта конструкция имеет не актуально

³ LOC: ??‘строить’, ??‘расти’ (о людях), ??‘таять’, ??‘помнить’, ??‘стоять’, SA: ??‘строить’, ??‘расти’ (о людях), ??‘таять’, *‘помнить’, *‘стоять’, КӐТӘН: ??‘строить’, ??‘расти’ (о людях), *‘таять’, *‘помнить’, *‘стоять’.

⁴ РӐРАЈӘН – ??есть, ??летать (с места на место), ??плакать, ??ходить, ??дождить, ??разговаривать, ??капать, ??сохнуть, *стирать; LOC – ??таять, ??капать, *сохнуть; SA – ??ждать, ??дождить, ??таять, *отдыхать, *капать; КӐТӘН – ??ходить, ??сохнуть, *капать, *таять.

длительную, а генерическую или хабитуальную трактовку, ср. (19), где наличие танцев в качестве фонового события характеризует целый временной период, а в качестве основного события дается общая характеристика субъекта – ‘быть шустрее’. В этом проявляется ее тяготение к длительным интервалам и крупному масштабу.

- (19) *waśa-j-en jak-m-ał pōra-j-ən karkəm-šək wq-s*
 Вася-EP-POSS.2SG плясать-NFIN.PST-3SG время-EP-LOC быстрый-АТТ быть-PST[3SG]
 ‘Когда Вася танцевал (в бытность танцором), он был пошустрее’.

Другой пример – событие ‘летать’, которое сочетается с теми же четырьмя конструкциями: LOC, MĀR, SA и KŪTĀN, ср. (20, 21), однако использование PŌRAJĀN в данном случае оказывается затруднительным, поскольку вне специального контекста способность летать у птиц является постоянной и не относится к какому-либо конкретному временному периоду.

- (20) *tōxl-əŋ wəj pqrłat'-l'ə-m-ał mār pōšəx-l-ał*
 крыло-PROP зверь взлететь-ITER-NFIN.PST-3SG-LOC время птенец-PL-3SG
sqxr-a ji-s-ət
 голодный-DAT стать-PST-3PL
 ‘Пока птичка летала, ее птенцы проголодались’.
- (21) *OK pqrłat'-l'ə-m-ał-ən / OK pqrłat'-l'ə-t-ał sa / OK pqrłat'-l'ə-t-ał kūt-ən /*
*/ *pqrłat'-l'ə-m-ał pōra-j-ən*

Наконец, рассмотрим предикаты кратковременных событий. В соответствии с нашей гипотезой при одновременности с кратковременным фоном почти неограниченно используются LOC и SA, ср. (22, 23), а также, как оказалось, MĀR и KŪTĀN⁵. Последние две, однако, в сочетании с кратковременными событиями предполагают растягивание во времени или мелкое масштабирование фонового события. Конструкция PŌRAJĀN, как и со средними событиями, обнаруживает наибольшее количество ограничений.

- (22) *mānti wəx-m-ał-ən waśa-j-en šiti xqŋ*
 я.ACC звать-NFIN.PST-3SG-LOC Вася-EP-POSS.2SG так NEG.EMPH
nqmas-əl ma atəlt jōxt-l-əm
 думать-NPST[3SG] я один прийти-NPST-1SG
 ‘Позвав меня, Вася не думал, что я приду один’.
- (23) *mānti wəx-t-ał sa tūr-əl lāp mǎn-əs*
 я.ACC звать-NFIN.NPST-3SG с голос-POSS.3SG вплотную идти-PST[3SG]
 ‘Когда Вася меня звал, сорвал голос’.

Использование с кратковременными событиями MĀR и KŪTĀN уместно только тогда, когда открытие двери оказывается для субъекта нетривиальной задачей и событие растягивается на большой срок, ср. MĀR в (24) и KŪTĀN в (25).

- (24) *waśa-j-en əw-əl pūnš-əm mār-əl-ən jčš-ŋəl*
 Вася-EP-POSS.2SG дверь-POSS.3SG открывать-NFIN.PST время-3SG-LOC рука-DU:3SG
xāś pət-s-aj-ŋən
 едва замерзать-PST-PASS-3DU
 ‘Пока Вася открывал дверь (долгое время), руки чуть не отморозил’.

⁵ LOC – ‘??думать’, SA – ‘??стучать’, *‘слышать’; MĀR – ‘??думать’, *‘слышать’; kūt-ən – ‘??стучать’, *‘слышать’; PŌRAJĀN – ‘??слышать’, ‘??смеяться’, ‘??стучать’, ‘??снимать’, ‘??кусать’, ‘??вытереть’, ‘??покупать’, ‘??сидеть’, ‘??ловить’, *‘думать’.

- (25) *waša-j-en* *əw-əλ* *p̄ñš-aλ* *kūt-ən*
 Вася-EP-POSS.2SG дверь-POSS.3SG открывать:NFIN.NPST-3SG промежуток-LOC
xəŋsa *taλ-əs*
 сигарета тянуть-PST[3SG]
 ‘Когда Вася открывал дверь (долгое время), сигарету курил’.

Редкое исключение, когда в контексте кратковременного фонового события допустима конструкция PŌRAJƏN, приведено в (26). В данном случае фоновое событие не является генерическим или хабитуальным, однако в главной части речь идет о погоде или каких-то других глобальных обстоятельствах.

- (26) *waša-j-en* *kim* *et-m-aλ* *pōra-j-ən*
 Вася-EP-POSS.2SG наружу появиться-NFIN.PST-3SG время-EP-LOC
pātləm-a *ji-s*
 темный-ADV стать-PST[3SG]
 ‘Когда Вася выходил на улицу, уже стемнело’.

Таким образом, длительность события действительно релевантна для выбора темпоральной конструкции (табл. 2).

Таблица 2

Темпоральные конструкции и длительность событий

	Кратковременное событие от нескольких секунд до нескольких минут	Среднее по длительности событие от нескольких минут до одного дня	Длительное событие более одного дня
SA	+	+	—
LOC, MĀR, KŪTƏN	+	+	+
PŌRAJƏN	—	%	+

Как и ожидалось, конструкция PŌRAJƏN тяготеет к длительному полюсу. Такая же тенденция ожидалась и для MĀR, хотя на практике она очень слаба и состоит лишь в том, что с кратковременными событиями происходит либо «растягивание» фонового события, либо его представление в мелком масштабе. Аналогичное поведение у KŪTƏN. Из оставшихся двух только SA явным образом тяготеет к кратковременному полюсу, не сочетаясь с длительными событиями. Конструкция LOC по этому параметру оказывается наиболее нейтральной.

2.4. Однородность фонового события

Именное употребление реляционного имени *kūt* в значении ‘между, среди’, как в (27, 28), описывает нахождение объекта в сложном, разнородном ориентире, состоящем из двух и более других объектов.

- (27) *ši* *jəx-əλ* *kut-ən* *ši* *mān-əs*
 DEM народ-PL-POSS.3SG между-LOC FOC идти-PST[3SG]
 ‘Прошел он между этими людьми’. (Корпус: «Мальчик с той стороны», 102)
- (28) *jelli* *xəxəλ* *təp* *jux-ət*
 вперед бежать.NPST[3SG] только дерево-PL
kut-ən *liw-əλ* *rāpsəmə-λ*
 промежуток-LOC хвост-POSS.3SG мелькать-NPST[3SG]
 ‘Дальше бежит, только хвост между деревьев мелькает’. (Корпус: «Хочу не хочу», 81)

Поэтому для конструкции КЎТЭН ожидается, что темпоральный ориентир не является монолитным событием, а состоит из разнородных, сменяющих друг друга фаз, а именно из деятельности и покоя либо из двух или более различных деятельностей, ср. событие ‘работать’ или ‘собирать ягоду’. Подобные разнородные события, как ожидается, наиболее естественны для КЎТЭН.

Для проверки этой гипотезы рассмотрим противопоставление неоднородных событий, таких как ‘кашлять’, ‘разговаривать’ или ‘учиться’, для которых использование *kūtən* наиболее ожидаемо, и однородных событий, таких как ‘идти’, ‘открывать дверь’ или ‘вытирать стол’. Для сравнения возьмем все остальные конструкции, кроме *ṛōrajan*, имеющей существенные ограничения по длительности фонового события. Сначала рассмотрим неоднородные события, которые состоят из неодинаковых фаз либо имеют прерывистый характер. С точки зрения сочетаемости существенной разницы между конструкциями не наблюдается. Однако КЎТЭН отличается от других конструкций с точки зрения интерпретации. Так, агентивный глагол *wə́ńśi* ‘собирать ягоды’ в (29) описывает неоднородный фон сбора ягод, на котором происходит событие охоты. Хотя временной период сбора ягод не прекращается, субъект отвлекается от непосредственного процесса сбора ягод на охоту как второстепенную деятельность. При других конструкциях, как, к примеру, в контексте (30) с *LOC*, такого переключения не происходит.

- (29) *pet'a-j-en* *wə́ńś-ał* *kūt-ən* *wəj* *welpəs-əs*
 Петя-EP-POSS.2SG ягодничать:NFIN.NPST-3SG между-LOC зверь промыслать-PST[3SG]
 ‘Когда Петя собирал ягоду, (между делом) зверя добывал’.

- (30) *pet'a-j-en* *wə́ś-m-ał-ən* *laŋki* *šiwał-əs*
 Петя-EP-POSS.2SG ягодничать:NFIN.PST-3SG-LOC белка заметить-PST[3SG]
 ‘Когда Петя собирал ягоду, белку увидел’.

Пациентивный глагол *xə́ll'əti* ‘кашлять’ в (31) описывает неоднородный фон кашля, на котором происходит событие ‘начинать петь’. Здесь фоновое событие кашля представляет собой мультипликативный процесс, состоящий из повторяющихся квантов ‘кашлянуть’, в промежутках между которыми имеет место основное событие.

- (31) *pet'a-j-en* *xə́ll'ə-t-ał* *kūt-ən* *ar-em-ij-əs*
 Петя-EP-POSS.2SG кашлять:NFIN.NPST-3SG между-LOC петь-МОН-ИТЕР-PST[3SG]
 ‘Когда Петя кашлял, начинал петь (комм.: между приступами кашля)’.

Теперь обратимся к однородным событиям. Своего рода эталоном однородных событий являются стативные события, такие как ‘жить’, ‘помнить’ или ‘отдыхать’. Вопреки ожиданиям, однако, каких-либо значимых отличий КЎТЭН, по сравнению с другими конструкциями, не обнаруживается. Использование КЎТЭН с состояниями проиллюстрировано примерами (32, 33). Вероятно, допустимость КЎТЭН в данном случае обусловлена тем, что сами фоновые события сна и ожидания трактуются как промежутки между другими событиями.

- (32) *pet'a-j-en* *ə́ł-t-ał* *kūt-ən* *xə́ll'ə-s*
 Петя-EP-POSS.2SG спать:NFIN.NPST-3SG между-LOC кашлять-PST[3SG]
 ‘Когда Петя спал, кашлял’.

- (33) *waśa-j-en* *mānti* *lawə́ł-t-ał* *kūt-ən* *nūxr-ənt-əs*
 Вася-EP-POSS.2SG я.АСС ждать:NFIN.NPST-3SG между-LOC строгать-DETR-PST[3SG]
 ‘Когда Вася меня ждал, он что-то строга́л’.

Среди динамических событий наиболее однородными являются действия и процессы, называемые инкрементальными, ср. (Dowty, 1991, Татевосов, 2005), при которых происходит

постепенное накопление некоторого признака, ср. аспектальный класс направленной деятельности, по Л. Янде (Janda, 2015: 150–151). Из таких событий КҮТЭН сочетается только с агентивными процессами, предполагающими либо сознательное прерывание действия агенсом (34), либо чередование событий с пересечением (35).

- (34) *maša-j-en* *pāsan-aλ* *mŋx-t-aλ* *kūt-ən*
 Маша-EP-POSS.2SG стол-POSS.3SG вытирать-NFIN.NPST-3SG между-LOC
kim *et-m-ijəλ-əs*
 наружу выйти-MOM-ITER-PST[3SG]
 ‘Вытирая стол, Маша выскакивала на улицу’.
- (35) *maša-j-en* *pāsan* *mŋx-t-aλ* *kūt-ən* *arij-əs*
 Маша-EP-POSS.2SG стол вытирать-NFIN.NPST-3SG между-LOC петь-PST[3SG]
 ‘Вытирая стол, Маша пела’.

С пациентивными процессами КҮТЭН, ср. глагол *enəmti* ‘расти’ в (36, 37), недопустимо, хотя при этом то же ограничение наблюдается у LOC и SA.

- (36) **enəmt-t-aλ kūt-ən*
- (37) *waša-j-en* *enm-əm* *māṛ-əλ-ən* *jām-a* *λε-s*
 Вася-EP-POSS.2SG расти-NFIN.PST время-3SG-LOC хороший-ADV есть-PST[3SG]
 ‘Когда Вася рос, он хорошо ел’.

Стоит также отметить, что если однородное переходное событие дефолтно протекает в короткое время, то в конструкции КҮТЭН, как в случае ‘будить’ в (38), происходит коэрсия: событие растягивается во времени, и у него появляется как минимум один перерыв.

- (38) *mānti* *kūrit-t-aλ* *kūt-ən* *maša-j-en*
 я.ACC будить-NFIN.NPST-3SG между-LOC Маша-EP-POSS.2SG
kim *wəx-em-əs-i*
 наружу звать-MOM-PST-PASS[3SG]
 ‘Когда Маша меня (комм.: долго, по всякому) будила, ее позвали на улицу’.

Таким образом, параметр однородности можно признать в какой-то мере значимым для употребления КҮТЭН, но не с точки зрения сочетаемости, а в отношении получаемой интерпретации. Неоднородные события сами по себе содержат перерывы и этапы, поэтому свободно сочетаются с КҮТЭН, описывая локализацию в перерывах. Динамические однородные события в сочетании с КҮТЭН предполагают сознательное прерывание события. Наконец, стативные события допускают КҮТЭН, хотя при этом не предполагают никаких перерывов.

3. Итоги анализа

Итак, мы рассмотрели аспектальную сочетаемость пяти темпоральных обстоятельственных конструкций одновременности в хантыйском языке (обобщенная табл. 3).

Коротко суммируем основные свойства каждой конструкции. LOC ожидаемо оказалась наиболее семантически нейтральной конструкцией, не ограниченной ни по одному из параметров. Примечательной особенностью LOC является допустимость предельных событий в качестве фоновых. Остальные же конструкции либо образуются только от имперфективного причастия, либо содержат темпоральную лексему с семантикой длительности, что препятствует сочетаемости с неопределенными событиями.

Сравнение анализируемых конструкций по всем параметрам

Параметр	LOC	PŌRAJĀN	MĀR	KŪTĀN	SA
Предельность фон. события	любое	непредельн.	непредельн.	непредельн.	непредельн.
Длительность фон. события	любое	длительн., % средн.;	любое	любое	кратк., средн.
Однородность фон. события	любое	любое	любое	неоднородные, состояния	любое
Предельность осн. события	любое	любое	любое	любое	почти всегда предельное

PŌRAJĀN на общем фоне выделяется предпочтительным сочетанием с длительными фоновыми событиями, образующими интервал времени более одного дня. При этом средние события возможны в генерическом контексте, а краткие актуально-длительные события иногда допускаются, если в главной части описываются глобальные обстоятельства. Таким образом, PŌRAJĀN следует рассматривать не как средство выражения нейтрального значения общей временной соотнесенности (Черемисина, Кошкарева, 1991: 758), а как способ выразить одновременность с событием, характеризующим временной период.

MĀR близка по свойствам к PŌRAJĀN, но сочетается не только с длительными, но и со средними по длительности, при необходимости в более мелком масштабе. Кроме того, MĀR (Черемисина, Кошкарева, 1991: 758) передает ограничительную семантику, задавая предел протекания основного события, что требует отдельного изучения.

KŪTĀN, как и MĀR, предпочитает длительные и средние события. Однако в силу семантики промежуточности, передаваемой реляционным именем, KŪTĀN предполагает прерывистый характер фона.

Наконец, SA, в отличие от остальных, предпочитает краткие и средние по длительности фоновые события, а также предельные основные события.

Специфика выражаемого конструкцией таксисного отношения во многом зависит от допустимых аспектуальных характеристик соотносимых во времени событий. Поэтому более детальное типологическое изучение аспектуальных параметров таксисных конструкций позволит прийти к значительно более ясному пониманию их семантики и функционирования.

Таким образом, на полевом материале были рассмотрены пять причастных обстоятельствных конструкций со значением одновременности в казымском диалекте хантыйского языка. В ходе анализа было подтверждено влияние аспектуальных параметров предельности, длительности и однородности на употребление и интерпретацию конструкций. В частности, все конструкции, кроме LOC, требуют непредельного фонового события, SA предпочитает также предельное основное событие. PŌRAJĀN преимущественно сочетается с длительными событиями, SA, напротив, – с кратковременными, KŪTĀN предполагает либо неоднородный фон, либо прерывание фонового события. В целом аспектуальное разнообразие рассмотренных конструкций одновременности свидетельствует о необходимости уточнения и дополнения существующих типологических таксисных классификаций.

Список сокращений:

ACC – аккузатив, ADV – адвербиализатор, ATT – аттенуатив, DAT – датив, DEM – демонстратив, DETR – детранзитив, DU – двойственное число, EMPH – эмпфаза, EP – эпентеза, FOC – фокус, INDF – неопределенность, ITER – итератив, LOC – локатив, MOM – моментатив, NEG – отрицание, NFIN – нефинитная форма, NPST – непрошедшее время, POSS – посессивность, PROP – проприетив, PST – прошедшее время, SO – субъектно-объектное спряжение.

Литература:

- Апресян Ю. Д.** Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Кошкарева Н. Б.** Послелог хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Н. А. Лукьянова (ред.). Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1996. С. 45–61.
- Кошкарева Н. Б.** Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сибирский филол. журнал. 2007. № 3. С. 158–173.
- Лельхова Ф. М.** Глагольно-именные послеложные словосочетания, выражающие временные отношения в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2012. № 3 (10). С. 46–51.
- Татевосов С. Г.** Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–141.
- Черемисина М. И., Кошкарева Н. Б.** Сложное и осложненное предложение в хантыйском языке // Языки народов Сибири: Грамматические исследования. Изд-во «Наука». Сибирское отделение, 1991. С. 740–804.
- Dowty D.** Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*. 1991. № 67. С. 546–619.
- Janda L. A.** Russian aspectual types: Croft's typology revised. In M. Shrager (ed.). *Studies in Slavic Linguistics and Accentology in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington: Slavica Publishers. 2015. С. 147–167.
- Kortmann B.** Adverbial subordinators in the languages of Europe. In J. Van der Auwera, D. P. Baicell, D. Ó. Baicell (eds.), *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Walter de Gruyter, 1998. С. 457–561.
- Schön, Zs.** *Postpositionale Konstruktionen in chantischen Dialekten*. München: Universitätsbibliothek der Ludwig-Maximilians-Universität, 2017.
- Talmy L.** Figure and ground in complex sentences. In *Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Vol. 1. 1975. С. 419–430.
- Talmy L.** *Toward a cognitive semantics: Volume 1: Concept structuring systems*. MIT Press, 2000.

Муравьев Никита Алексеевич.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, 1/1, Москва, 125009.

E-mail: nikita.muraviev@gmail.com

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2022 г.

N. A. Muravyev

**PARTICIPIAL CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF SIMULTANEITY
IN THE KAZYM KHANTY**

The article deals with participial temporal constructions with the meaning of simultaneity in the Kazym dialect of Northern Khanty. The richness and variety of the inventory of these constructions have been documented in a number of works. However, the existing descriptions do not clearly show their functioning and distribution. Therefore, this study aimed to describe the semantics of simultaneity constructions in more detail and to identify their characteristic features. Data for the study were collected during a field study in the village of Kazym in Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Russia, by asking native speakers to complete stimulus contexts, the first part of which consisted of a dependent clause of each construction with a varying predicate. The questionnaire was based on a sample of 50 verbs of different aspect classes. Five constructions were selected for the study: one case-marked participle (locative case) and four postpositional participial constructions with the postpositions *pōrajən*, *mār(ən)*, *kūtən*, and *saxət/sati/sa*. The constructions were analyzed based on three aspectual parameters: Telicity, duration, and homogeneity of events. It was found that none of the constructions, with the exception of the locative construction, is compatible with telic background events. In this regard, the *pōrajən* construction favors long-term background events, the *kūtən* construction heterogeneous background events, the *saxət/sati/sa* construction short or medium-length background events and telic main events. A closer examination of the received contexts revealed that the *pōrajən* construction is not semantically unspecified as described in the literature but expresses a specific meaning of simultaneity with an event that characterizes a period of time. The *kūtən* construction, in turn, postulates a heterogeneous background through an initially heterogeneous event, while in combination with

homogeneous events, it implies a deliberate interruption of the background event by the subject. The *mār(ən)* and *kūtən* constructions have virtually no restrictions in combination with short-term events, but they are appropriate only in the case of “stretching” these events in time or simultaneity on a smaller scale.

Keywords: Uralic languages, Khanty, semantics, aspect, taxis, participle, polypredication, simultaneity

References:

- Apresjan Ju. D.** Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija [Linguistic worldview and systemic lexicography] / Ju. D. Apresjan (ed.). Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2006.
- Koshkareva N. B.** Poslelogi hantyjskogo jazyka (na materiale kazymskogo dialekta) [Postpositions in Khanty (data from Kazym Khanty)] // N. A. Luk'janova (ed.). Jazykovye edinicy v semanticheskom i leksikograficheskom aspektah. Novosibirsk, 1996. P. 45–61.
- Koshkareva N. B.** Vremennye sinteticheskie polipredikativnye konstrukcii s infinitnymi formami glagola v forme mestnotvoritel'nogo padezha v surgut'skom dialekte hantyjskogo jazyka (v sopostavlenii so smezhnymi hantyjskimi i neneckimi dialektami) [Temporal synthetic complex sentences with non-finite verb forms in locative case in Surgut Khanty (in comparison to adjacent Khanty and Nenets dialects)] // Sibirskij filologičeskij žurnal. 2007. No 3. P. 158–173 (in Russian).
- Lel'hova F. M.** Glagol'no-imennye poslelozhnye slovosochetanija, vyrazhajushhie vremennye otnoshenija v hantyjskom jazyke [Verb-noun compounds denoting temporal relations in Khanty] // Vestnik ugrovedenija. 2012. No 3 (10). P. 46–51 (in Russian).
- Tatevosov S. G.** Akcional'nost': tipologija i teorija [Actionality: typology and theory] // Voprosy jazykoznanija. 2005. No 1. P. 108–141 (in Russian).
- Cheremisina M. I., Koshkareva N. B.** Slozhnoe i oslozhennoe predloženie v hantyjskom jazyke [Complex sentence in Khanty] // Jazyki narodov Sibiri: Grammatičeskie issledovanija. Novosibirsk: Nauka, 1991. P. 740–804.
- Dowty D.** Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*. 1991. No 67. P. 546–619.
- Janda L. A.** Russian aspectual types: Croft's typology revised. In M. Shrager (ed.). *Studies in Slavic Linguistics and Accentology in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington: Slavica Publishers. 2015. P. 147–167.
- Kortmann B.** Adverbial subordinators in the languages of Europe. In J. Van der Auwera, D. P. Baioill, D. Ó. Baioill (eds.), *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Walter de Gruyter, 1998. P. 457–561.
- Schön, Zs.** Postpositionale Konstruktionen in chantischen Dialekten. München: Universitätsbibliothek der Ludwig-Maximilians-Universität, 2017.
- Talmy L.** Figure and ground in complex sentences. In *Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Vol. 1. 1975. P. 419–430.
- Talmy L.** *Toward a cognitive semantics: Volume 1: Concept structuring systems*. MIT Press, 2000.

Muravyev Nikita Alexeevich.

Ph.D., research fellow.

Institute of linguistics RAS.

Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: nikita.muraviev@gmail.com

B. Wagner-Nagy

"I GO DOWNSTREAM, AND YOU GO TOWARD THE SNOWSTORM": EXPRESSIONS OF CARDINAL DIRECTIONS IN NGANASAN AND DOLGAN¹

This corpus-based study is dedicated to the topic of spatial orientation in two genetically unrelated but geographically neighboring languages, Nganasan and Dolgan. Nganasan belongs to the Northern-Samoyedic branch of the Uralic language family, while Dolgan is a Turkic language. The Dolgans reached the peninsula later than the Nganasan and inhabited rather the eastern part. The goal is to typologically examine the linguistic realization of the directions of the so-called compass orientation. This is a very well-known fact that many indigenous languages, including many languages spoken in Siberia, do not know compass orientation. According to Brown (1983), speakers of many indigenous languages use three or only two cardinal points, however, in many languages, the speakers do not necessarily use the names of the compass direction but apply other concepts for expressing spatial directions. Brown (1983) identifies several sources of lexemes expressing the cardinal points, such as celestial bodies, which is the most often used source. It also occurs in the Samoyedic languages, e.g. in Selkup, but as we will see, not in the closely related Nganasan. Atmospheric features such as wind, seasons, blizzards, or environment-specific features such as a mountain, forest, or tundra can be metaphorically extended, thereby acting as the conceptual source of cardinal directions. The study follows Brown's typologization and tries to classify the results into their typological categories. We will find similarities and differences between the two languages regarding the conceptual sources. Both languages rely on the so-called landmarks for orientation in the surrounding areas, such as tundra, forest, river, or mountain, but beyond that, Nganasan uses other, non-common categories as well. These reflect a connection to their way of life; thus, it can be interpreted as a culture-specific source, which in turn has its origin in the environment. In contrast, the Nganasans do not use rivers as orientation points at all, although they live partly on the same rivers. Also typical only for the Nganasan is the use of atmospheric features a conceptual source. It does not play a role in any way in the Dolgan.

Key words: *Nganasan, Dolgan, cognitive linguistics, spatial orientation*

Introduction

In most of the languages spoken in Europe, the speaker uses the names of the compass direction to express the main cardinal directions, thus the four cardinal points: EAST and WEST, as well as NORTH and SOUTH. Additionally, there are eight intercardinal directions: west-northwest (WNW), north-northwest (NNW), north-northeast (NNE), east-northeast (ENE), east-southeast (ESE), south-southeast (SSE), south-southwest (SSW), west-southwest (WSW). There are shown in figure 1.

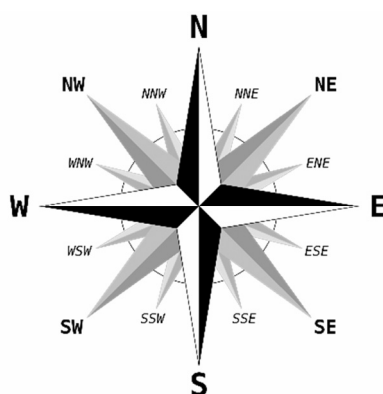

Figure 1. Compass rose²

¹ This publication has been produced in the context of the joint research funding of the German Federal Government and Federal States in the Academies' Programme, with funding from the Federal Ministry of Education and Research and the Free and Hanseatic City of Hamburg. The Academies' Programme is coordinated by the Union of the German Academies of Sciences and Humanities.

² https://en.wikipedia.org/wiki/Cardinal_direction#/media/File:Brosen_windrose.svg [Brosen~commonswiki, CC BY-SA 3.0 <<http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/>>, via Wikimedia Commons].

However, many indigenous languages in Africa, Australia, or even Siberia use three or only two cardinal points (cf. Brown 1983). Moreover, these languages do not necessarily use the names of the compass direction but use other concepts for the spatial direction. Brown (1983) identifies several sources of lexemes expressing the cardinal points, such as celestial bodies, atmospheric features, environment-specific features, deictic systems, etc.

Celestial bodies as the source are used in many languages, among them some Uralic languages. For example, the source of EAST and WEST in Hungarian (*kelet* vs. *nyugat*) is a celestial body. The reference to these cardinal points is the rising and setting of the sun: *felkel a nap* ‘the sun is rising’ vs *lenyugszik a nap* ‘the sun is setting’. Brown (1983: 130) pointed out that the terms SOUTH and NORTH also can be expressed by a celestial body, but not as often as the cardinal point EAST and WEST: As we will see below, celestial bodies as the source are used neither in Nganasan nor in Dolgan.

Atmospheric features can act as the source of cardinal points because these features are invariable, thus their referents can be associated with directions. It is a well-known phenomenon that for example, the wind from the north brings coldness (e.g., Brown 1983: 132). Brown (1986: 132) as well as Mietzner and Pasch (2007: 26) observed that such terminology usually is used for the terms NORTH and SOUTH. In Shilluk (spoken in South Sudan) the term north is related to wind, e.g., *wàŋwùudɔ* [opening westwind] ‘North’ (Mietzner and Pasch 2007: 26).

Environment-specific features as sources involve references that point to landmarks, such as mountains, cliffs, rocky places, sea, or even the mainland and so on. It is used not only in the languages of Africa, but we can find examples in the Uralic languages as well. For example, in Finnish, the word *meri* ‘sea’ according to the relative position of the village and the sea can mean EAST, SOUTH, WEST, NORTHWEST, or SOUTHWEST (cf. Beöthy 1967: 204). This feature is less frequently used as celestial bodies and atmospheric features.

As a fourth group, but involving several sub-units, Brown (1983: 134) identifies the so-called general direction terms. One of the subgroups is the deictic orientation. In this system, the speaker uses either the object-centred coordinate system or the viewer-centred system. These systems have the following reference points: TOP (superior) vs. DOWN (inferior); FRONT (anterior) vs. BACK (posterior); LEFT vs. RIGHT, and IN (interior) (cf. Heine 1997: 37). This orientation system can be observed in Masaai. The Matapato Masaai and the Kisonko Masaai live on the two sides of Kilimanjaro Mountain. The group of the Matapato Masaai lived in the south and used the words *kópikop* ‘bottom’ for the NORTH, and *shúmata* ‘top’ for the SOUTH. The Kisonko use these two lexemes with the opposite meaning. The explanation is that both groups use the mountaintop as a reference point. However, for one group this is SOUTH, but for the other group, the direction is NORTH (cf. Mietzner 2012: 168). Additionally, the river also can serve as orientation (upriver vs. downriver). This is, for example, to find in Selkup, in which upward denotes the concept of NORTH and downward the concept of the SOUTH (cf. Kuz'mina 1977: 73 or Budzisch & Kahrs 2021). Additionally, in some languages, such as Hawaii, the body also serves as a source of cardinal points. The left side denotes the SOUTH, while the right side the concept NORTH.

2. Language data under investigation

Nganasan belongs to the Samoyedic branch of the Uralic languages. In contrast, Dolgan, which is closely related to Sakha (Yakut), belongs to the group of Turkic languages. They migrated in the first half of the 17th century to the Taimyr peninsula, which was already settled by the Nganasans (cf. Stachowski 1996, Däbritz 2021: 10–12). For this reason, the Nganasans and Dolgans have had closer contact since that time. In particular, it applies to the eastern part of the peninsula.

The theme of the cardinal orientation is not yet sufficiently explored in Nganasan and Dolgan. In Nganasan, the first good outline has already been presented by Lambert (2002/03: 99–103), even if the analysis given there naturally does not cover everything. Lambert's description is based on

Dolgikh's unpublished manuscripts, which are preserved in the Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology in Moscow. Dolgikh's work is also considered here³ and his conclusions are also noted here. Additionally, other important sources such as the Nganasan-Russian-Nganasan school dictionary (Kosterkina et al. 2001), from which the basic terms were extracted and checked, and the fieldwork materials from me, Maria Brykina, Valentin Gusev, and Sándor Szeverényi are also used. These latter materials contain elicited data. The most important source for this study is, however, the unpublished extended version of the Nganasan Spoken Language Corpus (Brykina et al. 2018), from which the data are extracted. This version contains circa 1,000 sentences (about 11 transcripts) more than the published version. Table (1) gives the basic information about the extended corpus (for more about the corpus, see Wagner-Nagy et al. 2018).

Table 1

Basic information on the NSL Corpus

Number of utterances:	23,865
Number of words (tokens):	155,245
Number of words (types):	37,609
Number of transcripts:	188
Number of speakers:	39

This topic is also not unexplored in Dolgan. The most important works are Stachowski's (2010) and Däbritz's (2021: 480–484) studies, in which the authors analyze the system and origin of the terms of cardinal points. Stachowski gives additional information about the origin of the terms. The examples in this study are taken from the INEL-Dolgan corpus (Däbritz et al. 2019). Table (2) gives the basic information.

Table 2

Basic information on the INEL-Dolgan Corpus

Number of utterances:	11,367
Number of words (tokens):	77,555
Number of words (types):	37,609
Number of transcripts:	116
Number of speakers:	61

The examples given here refer to one of the corpora following the pattern <speaker code>_<year>_<text_title>_<genre_code>.<sentence_number>. According to this scheme the name TKF_990812_EvilSpirit_flkd.004 means: this is the fourth sentence in a folklore text dyurymy ‘Evil spirit recorded on 18 December 1999 from the speaker TKF. For this study, I have adapted both the glosses and the translations, and the orthography is also modified.

3. Cardinal orientation in Dolgan and Nganasan

The system of cardinal orientation terminology in Nganasan and Dolgan is different from the system used in most European languages. The people on the Taimyr peninsula, of course, did not know an absolute system in the past, which is named after the orientation of the compass. In lieu thereof, they used landmarks for orientation in the surrounding areas, which have a connection to their way of life. Both the Nganasans and the Dolgans earlier led a semi-nomadic way of life and wandered in the spring (around April) from the wooded area (i.e., from the southern part of

³ I got access to this manuscript through J.L. Lambert and Valentin Gusev. I would like to thank my colleagues for the nice, collegial cooperation.

the Taimyr Peninsula) to the north, to the tundra area, and in late summer back to the winter camps. For the naming of the two main directions of the wandering route they use the words ‘tundra’ and ‘forest’, thus here reflecting the ecosystem of the territory as well as the migration route of the people. In Nganasan, according to the dictionary (Kosterkina et al. 2002), several names are expressing the NORTH and SOUTH axis, but as the table shows, the WEST– EAST axis is missing. The system in Dolgan is also complicated, with the words of Stachowski (2010: 234), “nothing but chaos”. At first glance, one could also claim something similar about Nganasan. Table 3 gives the lexemes from the two languages. The origin(meaning) of these terms is also given. The Nganasan data are extracted from the dictionary, the Dolgan data are taken from Däbritz’s description (2021: 483).

Table 3

Cardinal point in Dolgan and Nganasan

	Nganasan	origin	Dolgan	meaning
NORTH	<i>d'aŋur</i>	‘tundra’	<i>muora</i>	‘tundra’
	<i>siŋ</i>	‘sacral place in the tent’	<i>allara:</i>	‘down, downwards, downriver’
NORTH-EAST	<i>ŋarmi</i>	‘northeast wind’	—	—
NORTH-WEST	<i>siŋ</i>	‘sacral place in the tent’	—	—
SOUTH	<i>muŋku</i>	‘forest’	<i>hoguru:</i>	‘south’
	<i>ŋua</i>	‘entrance’	<i>ta:s</i>	‘stone’
	—	—	<i>üöhe (ü:he)</i>	‘up, upwards, upriver’
SOUTH-EAST	<i>ŋua</i>	‘entrance’	—	—
SOUTH-WEST	<i>koðu</i>	‘blizzard’	—	—
WEST	—	—	<i>ha:pat,</i>	‘west’
	—	—	<i>muora,</i>	‘tundra’
	—	—	<i>üöhe (ü:he)</i>	‘up, upwards, upriver’
EAST	—	—	<i>allara:</i>	‘down, downwards, downriver’
	—	—	<i>ta:s</i>	‘stone’

The Dolgan *ha:pat* is a Russian loan element (Stachowski 2010: 237), thus it is not considered further here. The word *soguru:* is also a borrowing, however, not from Russian but from Yakut (Stachowski 2010: 237). For this reason, this word will also not be examined further. Both Stachowski (2010: 237) and Däbritz (2021: 484) concluded, when looking at the Dolgan data, that the words do not represent the primary cardinal point, but the inter-cardinals, thus the system is as given in Table 4. The same conclusion can be made about the Nganasan, but as it can be seen, Nganasan has two lexemes each for the meaning NORTH-WEST and SOUTH-WEST.

Table 4

Inter-cardinal point in Dolgan and Nganasan

	Nganasan	meaning	Dolgan	meaning
NORTH-EAST	<i>ŋarmi</i>	‘north-east wind’	<i>allara:</i>	‘down, downwards, downriver’
NORTH-WEST	<i>siŋ</i>	‘sacral place in the tent’	<i>muora</i>	‘tundra’
	<i>d'aŋur</i>	‘tundra’	—	—
SOUTH-EAST	<i>ŋua</i>	‘entrance’	<i>ta:s</i>	‘stone’
SOUTH-WEST	<i>koðu</i>	‘blizzard’	<i>üöhe (ü:he)</i>	‘up, upwards, upriver’
	<i>muŋku</i>	‘forest’	—	—

As table 3 shows, Dolgan and Nganasan use landmarks (river, tundra, forest, and stone) for orientation in the surrounding areas, which have a connection to their way of life. The naming depends on the axis and the surrounding area. Additionally, in Nganasan, we find atmospheric features

as a source of orientation terms as well as culture-specific features, which can be classified as a subcategory of atmospheric features. Again, Dolgan uses the riverine system, but this is not found in Nganasan.

3.1. Environment-specific features as a source

As it was described in §3 above, people living on the Taimyr Peninsula used to lead a semi-nomadic way of life. For the naming of the two main directions of the wandering route the Nganasans use the words 'tundra' and 'forest', while the Dolgans the words 'tundra' and 'stone'; thus, the naming convention reflects the ecosystem of the territory as well as the migration route of the people. The ecological boundary between the forest and tundra region, however, does not fully correspond to the NORTH-SOUTH direction, but it is inclined about 30% south-west to north-east (cf. Dolgikh n.d. Ge: 4–5 or Lambert 2002/03: 99–100). It corresponds approximately to the course of the Khatanga River, along which both peoples have nomadized. This means that the direction to the tundra does not correspond exactly to the direction north, but rather NORTH-WEST, the forest side correspondingly SOUTH-EAST.

Sentence (1a-b) shows the Nganasan terms, which are usually used only regarding wandering. For this reason, one must assume that they are not primarily used for cardinal orientation, but that their use is limited to the wider environment. In other contexts, for example, when two objects must be put concerning each other, or for static local expressions that have nothing to do with the forest or tundra, the speakers use other expressions (see in §3.2 below).

- (1) a. *muŋku* *d'a* *suəʔ-ku-muʔ* *talʉ*
 forest.GEN ALL wander-IMP-1PL other.day
 'Let's go to the forest/south-east tomorrow.'
 TKF_990812_EvilSpirit_flkd.118
- b. *suə-tə-bahu-muʔ* *ŋansə* *d'aŋur-u-ʔ* *d'a*
 wander-FUT-REP-1PL again tundra-EP-PL.GEN ALL
 'He says we will go to the tundra / north-west (side).'
 JAB_060901_TwoTents_flkd.034

For the expression of the directions or the static location in Nganasan, either the relator noun *hii* 'direction' inflected with the corresponding ancient case suffix can be used, or it is also possible to express the same direction with the inflected form of the word *kəi* 'side'. In this case, the word *kəi* 'side' appears with the corresponding suffix immediately after the word *hii*də. Some speakers use the word *bəbə* 'place' instead of *kəi*. The lative direction can also be expressed with the allative postposition *d'a*. Additionally, Lambert (2002/04) states that the expressions *d'alʉ hii*də 'side of the day' and *kou hii*də 'side of the sun' can also refer to the direction SOUTH-EAST. The northern side can also be referred to by the expression *hii hii*də 'side of the night'. These designations have a religious background. In the Nganasan myths, the 'side of the forest' is associated with the sun and other southern spirits, while the 'side of the tundra', thus the northern side, refers to the world of the dead (see, e.g., Dolgikh 1976). However, these terms are no longer present in the more recent texts. Therefore, we can assume that these expressions are specific and have been used only in mythological texts. Chart (7) summarizes the expressions of the direction with the corresponding direction indicator.

(2) direction	Lative	Locative	Elative
north-west	<i>d'aŋuruʔ hii</i> <i>d'aŋuruʔ d'a</i>	<i>d'aŋuruʔ hii</i> ni	<i>d'aŋuruʔ hii</i> də
		—	—
south-east	<i>muŋku hii</i> <i>muŋku d'a</i> <i>d'alʉ hii</i> də <i>kou hii</i> də	<i>muŋku hii</i> ni	<i>muŋku hii</i> də
		—	—

(Source: elicitation by Maria Brykina in 2006 from PED, Kosterkina et al. 2001, Lambert 2002/04 NSL corpus)

As table 3 shows, the Dolgans use the term *muora* ‘tundra’ and *ta:s* ‘stone’. This is illustrated by examples (3a–b).

- (3) a. *min* *i:* *beje-m* *törö:-büüt* *hir-i-m* *bi* *diék* *e-t-e*
 1SGPRO and self-1SG be.born-PTCP.PST earth-EP-1SG this to be-PST1-3SG
muora *diék* *ol* *diék* *Nos-* *kim* *diék* *e:* *onton*
 tundra to that to who to eh then
iri:mnaj *oŋuor-gutu-gar* *iti*
 Novorybnoe on.the.other.shore-2PL-LOC that
 ‘My place of birth was there, to the north, there, to whatchamacallit, eh, opposite to Novorybnoe.
 UKET_AkEE_19940424_SongsTales_conv.UkET.001
- b. *muora* *diék* *törö:-büüt-ü-m* *onton* *er-ge* *bar-am-min*
 tundra to be.born-PST2-EP-1SG then husband-DAT go-CVB.SEQ-1SG
ta:s *diék* *hir-dem-mit-i-m*
 stone to earth-VBLZ-PST2-EP-1SG
 ‘I was born in the north, and having been married, I lived more southwards.’
 UKET_AkEE_19940424_SongsTales_conv.UkET.002

In example (2a), the narrator names his birthplace in relation to the tundra (NORTH) and the place Novorybnaya, which is located on the shore of the river Khatanga. The direction is not absolute, ergo it does not mean an absolute orientation towards NORTH, but rather a relative orientation in an area. That means that the speaker is born somewhere on the other side of the river, approximately in the north-west direction.

In (2b), the same narrator gives information about where he lives; the place he names as the direction of the stones. The word ‘stone’ is often associated in Siberian languages, including the Russian variants spoken in Siberia, with the word ‘mountain’. Depending on the region and language, it can also indicate different directions, e.g., in Yukaghir it means EAST. The motivation for this is the fact that the right bank of the river Yenisei is stony. The situation with the Dolgans is something else. Here we are not talking about the Yenisei River, but the river Khatanga. While the left bank of the river is a tundra area, the right bank further south is a rocky area. This is where the Dolgan term *ta:s diék* ‘southwards’ comes from. Just as in Nganasan, it means not a single cardinal point, but a territory, which lies approximately in the south-western direction.

3.2. Atmospheric features as a source

Two important winds dominate the weather on the Taimyr Peninsula. The wind that blows from the south-western side brings blizzards and rain (Ngan. *koðu?* ‘blizzard’). In the traditional dwelling areas of the Nganasan, this is also the side where the town of Dudinka is located. This town is called *Koðuta?a* ‘big blizzard’ in Nganasan. From the opposite side blows the north-eastern wind *ŋarmü* or *ŋarmi*, which brings cold air. The use of these terms is shown by examples (4a–b).

- (4) a. *tə* *hüə-tə* *tondiq-či-ti* *kurəgüi?* *kotuðə*
 well year-LAT lie-DRV-CO.3SG even blizzard.GEN
ñii-ðə *biə-ði* *tu-u-?ə*
 direction-ADV.ABL wind-3SGPOSS come-EP-CO 3SG
 ‘He is lying all the time, here is the wind blowing from the south-west side.’
 MVL_090807_Bebtie_flk.150

b.	<i>takəə</i>	<i>ɣarmü-ðə</i>	<i>ɳii-ðə</i>	<i>inšüðə</i>
	that.remote	north_east.wind-ADJZ	direction-ADV.ABL	sled
	<i>tu-u-ʔə.</i>			
	come-EP-CO.3SG			
	‘From the north-east side the sledge came.’			
	JAB_060901_TwoTents_flkd.200			

As we saw above, when a Nganasan speaker talks about wandering, the direction is given in relation to the tundra and the forest, or even in relation to the wind. In other contexts, for example, when two objects have to be put in relation to each other, or for static local expressions that have nothing to do with the forest or tundra, the speakers use other expressions. These are based on the structure of the tent, thus the conceptual source of this scheme involves culture-specific terms, such as Nganasan *siŋ* ‘sacral place opposite the entrance’ and *ɣua* ‘door, entrance’.

For decoding these directions mentioned with the lexemes given above, the hearer must have background knowledge about the way of life. In the winter, the entrance (*ɣua*) of the tent was always arranged in the direction of the forest, thus on the southern-east side. Accordingly, the opposite sacral place (*siŋ*) was oriented towards the tundra, thus on the north-west side. The reason for this positioning is the wind. The spatial alignment of a tent is schematically shown in Figure 2 (for more details, see, among others, Popov 1948 and 1966).

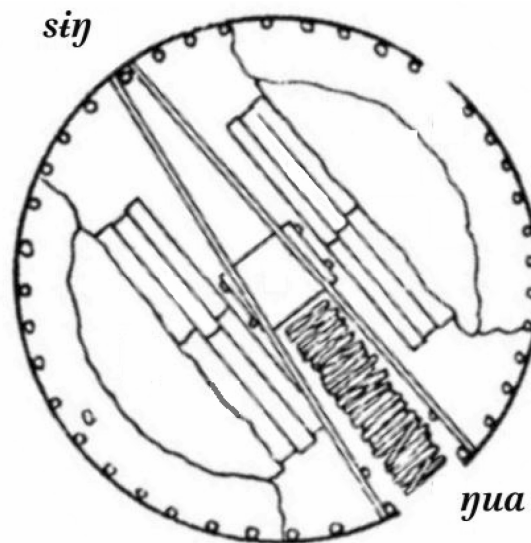

Figure 2. The arrangement of the Nganasan tent (based on Popov 1948: 87, modified by Laetitia Lilla Wagner)

Basically, in Nganasan, we have an OUTSIDE and an INSIDE system that indicates the same direction. In the OUTSIDE system, the reference points are the ‘forest’ and the ‘tundra’ (see examples 1a–b above). In the INSIDE system the reference points are the ‘sacred place’ and ‘entrance’. Examples (5a–b) illustrate the use of the INSIDE-system.

(5) a.	<i>bəðürbüə-ðu</i>	<i>əmə</i>	<i>siŋ-ə</i>	<i>ɳii-ni</i>
	tomb-POSS3SG	this	sacral.place-EP.GEN	direction-ADV.LOC
	<i>i-ču</i>			
	be-CO.3SG			
	‘His tomb is in the north.’			
	KH-KNT_960810_Ngindjili_conv.019 (KH)			

- b. *ñemiʔiä* *ɲua* *ñii-dʔa* *kai-tani* *i-süa-ʔ*
 big.river.GEN entrance.GEN direction-ADJZ.GEN side-LOC be-PST-3PL
mənə *siŋ-a-ni-a* *kai-də* *heðiti-ndi-m*
 1SGPRO sacral.place-EP-LOCZ-ADJZ side-ABL.ADV go-CO-1SG
 ‘The camp was on the river in the south-east and I came from the north-west.’
 ChNS_080302_Bear_nar.055

In the examples given so far, there was only one reference object, the EARTH. However, there are examples in which the frame of reference involves a so-called secondary reference object. In example (6) the so-called FIGURE, which is placed in the scene, is the hill (*hoñdʔajsi*). The object which serves to describe the location of the FIGURE is called a reference object (or GROUND). In this sentence, this is the ‘tent’ (*maʔ*). However, here there is an additional object, the secondary reference object, which is, in this case, the EARTH, which is implied only by the spatial expression “*south side of*”. The direction is expressed with the terms of the INSIDE system. (For spatial scenes see Talmy 1983: 102, 2000: 101).

- (6) *maʔɲuna* *tahariabə* *əməniə* *maðu-nuʔ* *ɲua* *ñii-dʔa*
 what.for now this.GEN tent-GEN.POSS1PL door.GEN direction-ADJZ.GEN
kai-tə *hoñdʔajsi* *maa-güə* *i-süə*
 side-LAT hill what-EMPH be-PST.3SG
 ‘There was a hill on the south side of our tent.’
 TKF_031117_ThreeBrothers_flkd.283

The situation is similar in example (7). The figure is here the Hermine, which is however lexically not present in the sentence. The primary object is the ‘fire’, while the EARTH is implied by the spatial expression ‘*north side of*’.

- (7) *təti-rə* *tahariaa* *tu-u* *siŋ-a* *ñii-dʔa*
 this-POSS2SG now fire-EP.GEN sacral place-EP.GEN direction-ADJZ.GEN
kai-tə, *siŋ-tə*, *əmiʔiä* *heðü-ʔə* *i-bahu*
 side-LAT sacral.place-LAT in.this.way stand.uprightt-CO.3SG be-REP.3SG
 ‘(The ermine) ducked to the north side of the hearth, to the sacral place (and) stood on her hind legs.’
 TKF_041210_NenetsManAndGiant_flkd.032

The relator nouns and the allative postposition can also be used concerning these terms. This is summarized in chart (8).

(8)	direction	Lative	Locative	Elative
	north-west	<i>siŋə ñii dʔa</i>
<i>siŋə ñii</i>
<i>siŋə ñiidʔə kaitə</i>	<i>siŋə ñiini</i>
—
<i>siŋə ñiidʔə kaitəni</i>	<i>siŋə ñiidə</i>
—
<i>siŋə ñiidə kaidə</i>
	north-east	<i>ɲarmüdə ñii</i>
<i>ɲarmüdə ñiidʔə kaitə</i>
<i>ɲarmüdə ñii dʔa</i>	<i>ɲarmüdə ñiini</i>
<i>ɲarmüdə ñiidʔə kaitəni</i>
—	<i>ɲarmüdə ñiidə</i>
<i>ɲarmüdə ñiidə kaidə</i>
—
	south-east	<i>ɲua ñii</i>
<i>ɲua ñiidʔə kaitə</i>
<i>ɲua ñii dʔa</i>	<i>ɲua ñiini</i>
<i>ɲua ñiidʔə kaitəni</i>
—	<i>ɲua ñiidə</i>
<i>ɲua ñiidə kaidə</i>
—
	south-west	<i>kotuðə ñii</i>
<i>kotuðə ñiidʔə kaitə</i>
<i>kotuðə ñii dʔa</i>	<i>kotuðə ñiini</i>
<i>kotuðə ñiidʔə kaitəni</i>
—	<i>kotuðə ñiidə</i>
<i>kotuðə ñiidə kaidə</i>
—

(Source: elicitation by Maria Brykina in 2006 from PED, Kosterkina et al. 2001, NSL corpus)

3.3. Riverine system as a source

In the riverine system, the primary axis is oriented parallel to a river, distinguishing upstream and downstream directions. This system is not uncommon in languages of the world, thus it can be found in languages spoken in Siberia, for example, in Sakha, and, as we have seen in table 3 above, the closely related Dolgan.

In Sakha, the direction SOUTH (*soghuruu*) is etymologically related to the word upstream, and the word NORTH (*khotu*) originally meant 'downward or downstream' (Mészáros 2014). The same system is used in Dolgan, in which the word pair *upwards* and *downwards* denote rather the EAST and WEST axis. Example (9) shows a Dolgan example.

- (9) [„Hey, Chagyday, bring this letter to whatchamacallit, to Kresty, to Kresty at Novorybnoe.”
Look, how far away, at the other side of Novorybnoe. – Who says that, does Begichev say that? – No. His people.”

he: *Biegičep-tere* *h-onon* *ajanna:-bit* *buał-l-a* *ol*
yes Begichev-POSS3PL EMPH-the travel-PTCP.PST be-PST-3SG thet
bar-i:t-i-nan *bar-bit* *bu* *diēk* *ü:he* *diāk*
go-PTCP.PST-POSS3SG-INSTR go-PST2.3SG this to up to
'Yes, and Begichev departed at once, driving so he drove in this direction, upwards.'
KiPP_KuNS_2002_LegendOfBegichev_nar.058

To interpret this sentence correctly and understand the directions, on the one hand, one has to look at the map, on the other hand, one has to look at the whole text. For the hearer, two pieces of information are important: a) where is Begichev now and b) where is the village Kresty. Begichev, the protagonist of the text, travelled this area and was either on Bolshoy Begichev Island or on Maly Begichev Island, which are located within the Khatanga Gulf. From here, the protagonist should travel towards Novorybnoe. If we look at it on the map, the direction is, roughly, the southwest direction. It means that the direction 'upwards' corresponds to the inter-cardinal point 'south-west'. The opposite direction *allara*: 'down' corresponds to the intercardinal direction 'north-east'. This is shown in Map 1, which shows the position of Bagichev Island.

Map 1. The Khatanga river and the Khatanga gulf⁴

⁴ <https://www.osmap.us/#6/73.475/105.930>

The riverine system is not used in Nganasan, but the closely related Selkup have this system. The adverb Taz *taq*, Vasyugan, Turukhan *taqqi* means not only ‘to the north’, but also ‘downwards’. The corresponding concept NORTH is expressed as *taqqi’ peläk* [downstream-ADJ + side] or *taqqi’ tatti* [downstream-ADJ + earth]. The semantic connection is obvious. The use of this expression is illustrated in (9). (More about the cardinal points in Selkup see among others Polyakova 2006, 2017 and Budzisch & Kahrs 2020).

- (10) *ńari-l’ mači-t takki-l’ peläq-qit takki*
 tundra-ADJ forest-GEN to.the.north-ADJZ side-LOC down.the.river
tĩmti šitti unti-n ɔ:k.
 here two river-GEN mouth
 ‘North of Nyaryl Machi⁵ down by the river are the mouths of two creeks, [there he lived.]
 Kuznecova et al. 1993: 30

Summary

A comparison of the data from the two languages shows that Nganasan has a larger repertoire of lexicalization sources for cardinal directions than Dolgan. As we have seen, although the Nganasans and Dolgans live in the same area, they use typologically different sources of orientation points for their orientation. What is common, however, is that both peoples use environment-specific features as sources. It is also obvious that for the Dolgans the river Khatanga played a much more important role than for the Nganasans, therefore they use the riverine system. The atmospheric orientation, on the other hand, plays no role at all with the Dolgans. One explanation could be that they mainly lived in small houses built on sledges (*balok*) instead of tents. In this case, the orientation of the house was probably somewhat less important than in the case of the tent, whose entrance had to be protected from a snowstorm at all costs. The sun and especially the sunrise do not play a role in the orientation. The typological classification in the two investigated languages is summarized in table (5).

Table 5

Typological classification of sources in Dolgan and Nganasan

source	Nganasan	Dolgan
environment-specific source	NORTH-WEST SOUTH-EAST	NORTH-WEST SOUTH-EAST
atmospheric features	NORTH-EAST SOUTH-WEST	—
riverine system	—	NORTH-EAST SOUTH-WEST

It must be emphasized that the directions given do not represent absolute directions, but a range approximately in that direction.

Abbreviation:

ABL – ablative; ACC – accusative; ADJZ – adjektivizer; ADV – adverbial; ALL – allative; CNG – connegative; CO – coaffix; DRV – derivation suffix; EL – elative; EP – ephentetic; flkd – folklore genre d’urimy; flks – folklore genre s’iteby; FUT – future; GEN – genitive; IMP – imperative; ITER – iterative; INSTR – instrumental; LAT – lative; LOC – locative; NEG – negative auxiliary; PL – plural; POSS – possessive; PRO – pronoun; PROL – prolative; PST – past; REP – reportative; RFL – reflexive; SG – singular; vblz – verbalizer.

⁵ This is the Selkup name of the settlement Krasnoselkup.

References:

- Anikin E. A.** Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. Novosibirsk, 1997.
- Beöthy E.** Die Bezeichnungen für Himmelsrichtungen in den finnisch-ugrischen Sprachen. Bloomington, 1967.
- Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B.** Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. 2018. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. URL: <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8> (accessed: 03.10.2021)
- Brown C.** Where do cardinal direction terms come from? // *Anthropological Linguistics*. 1983. No. 25 (2). P. 121–161.
- Budzisch J., Ulrike Kahrs.** Cardinal directions in Selkup. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2020. No. 44. P. 1–19.
- Däbritz C. L.** A grammar of Dolgan: a northern Siberian Turkic language of the Taimyr Peninsula. Leiden; Boston: Brill, 2022.
- Däbritz C. L., Kudryakova N.** Stapert, Eugénie. 2019. INEL Dolgan Corpus. Version 1.0. Publication date 2019-08-31. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-CAE7-1>
- Dolgikh B. O.** Mifologicheskiye skazki i istoricheskiye predaniya nganasan [Mythological tales and historical legends of Nganasan]. M.: Nauka, 1976.
- Kuz'mina A.** K étimologiam nazvanij mesjacev, storon sveta, zvezd i sozvediy v sel'kupskom yazyke // *Yazyki i toponimija*. 1977. No. 4. P. 71–85 (in Russian).
- Lambert J.-L.** Sortir de la nuit. Essai sur le chamanisme nganasanne. (Etudes mongoles et siberiennes 32–33). Paris, 2002–2003.
- Kuznecova A., Kazakevich O., Joffe L. Ju., Helimskij E.** Oчерки po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. M.: Iz-vo Mosk. un-ta, 1993.
- Mészáros Cs.** Tvorcheskaja lichnost' v istoriko-kul'turnom prostranstve [The role of cardinal directions in Sakha environmental perception]. Novosibirsk: Nauka, 2013. P. 454–462.
- Mietzner A.** Spatial orientation in Nilotic languages and the forces of innovation. / Mietzner A., Ulrike C. (eds.): *Directionality in grammar and discourse: case studies from Africa*. Cologne: Köppe, 2012. P. 165–175.
- Mietzner A., Pasch H.** Expressions of Cardinal Directions in Nilotic and in Ubangian Languages // *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 2007. No. 4 (3). P. 17–32.
- Polyakova N.** Ob'yektivatsiya sposobov strukturirovaniya zemnogo prostranstva v sel'kupskom i russkom yazykakh [Objectification of Ways of Structuring the Terrestrial Space in the Selkup and Russian Languages] // *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*. 2017. No. 3(180). P. 47–50 (in Russian).
- Polyakova N.** Kontsept «prostranstvo» i sredstva yego reprezentatsii v sel'kupskom i russkom yazykakh [The concept of "space" and the means of its representation in the Selkup and Russian languages]. Tomsk, 2006.
- Stachowski M.** Considerations on the System and the Origins of Terms for the Cardinal Points in the Dolgan Language // *Incontri linguistici*. 2010. No. 33. P. 233–243.
- Stachowski M.** Über das Alter der dolganischen sprache // *Türk Dilleri Araştırmaları*. 1996. No. 6. P. 123–130.
- Talmy L.** How language structures space / Pick, H. & L. Acredolo (eds.): *Spatial orientation: Theory, research and application*. New York: Plenum Press, 1983. P. 225–320.
- Talmy L.** 2000. *Toward a cognitive semantics*. Vol. 1. Cambridge, MA: MIT Press.
- Wagner-Nagy B., Szeverényi S., Gusev V.** User's Guide to Nganasan Spoken Language Corpus. Working Papers in Corpus Linguistics and Digital Technologies: Analyses and Methodology. 2018. Vol. 1. URL: <https://ojs.bibl.u-szeged.hu/index.php/wpcl/issue/view/810> (accessed: 24.01.2021)

Beáta Wagner-Nagy.

Professor of Uralic Linguistics.

Institute of Finno-Ugric Studies, University of Hamburg.

35 Überseering, Hamburg, DE-22297.

E-mail: beata.wagner-nagy@uni-hamburg.de

Материал поступил в редакцию 27 ноября 2022 г.

АНТРОПОЛОГИЯ

Ю. А. Абсалямова, З. Г. Аминев, Э. В. Мигранова

О ПЕРСОНАЖЕ БАШКИРСКОЙ МИФОЛОГИИ АЖДАХА

Аждаха у башкир известен в двух образах: в эпосе и сказках он изображается многоголовым драконом, а в поверьях – это мифологизированный змей, достигший огромных размеров, прожив до ста лет. Наличие многих характеристик, в которых обнаруживается схожесть его с драконами других народов Евразии, говорит о том, что образ развивался в общеевразийском русле. Сам дракон – относительно поздний мифологический персонаж, являющийся развитием образа змея. У башкир оба образа – змея и дракона – стали называться одним именем – аждаха, которое имеет иранскую этимологию и восходит к авестийской мифологии. При этом оба они являются отрицательными персонажами, их объединяет связь с водной стихией. Аждаха из верований, представляя собой долго прожившего змея, отражает превращение змея, изначально не имевшего однозначно негативного характера, в отрицательного персонажа, который причиняет вред людям. Развитие сказочного и эпического аждаха происходило, вероятно, отдельно и тесно связано в целом с литературной традицией Востока. Его образ менее однороден – он может быть многоголовым, обладать способностью летать, изрыгать огонь, охранять водный источник либо клад, на месте его убитого тела возникают горы. Близок к первому еще один змей/дракон из легенд, образ которого сохранился только в текстах XIX – начала XX в. Он представлял собой гигантского змея; из-за бед, причиняемых им, местное население было вынуждено менять место жительства. Цель настоящего исследования – раскрыть образ башкирского мифологического персонажа аждаха, на основе сравнения его со схожими персонажами у соседних и иных народов попытаться выявить корни его появления в регионе. Показать и охарактеризовать два образа башкирских аждаха – сказочного, драконоподобного облика и мифологического, змееподобного облика. Исследование основано на полевых материалах авторов, сведениях из башкирского фольклора, а также сравнительного материала по тюркоязычным и иранским народам.

Ключевые слова: *аждаха, дракон, змей, мифологический персонаж, башкиры*

Образ дракона-змия еще с эпохи бронзы был одним из наиболее распространенных в мифологической традиции индоевропейских народов. Не удивительно, что драконы в качестве мифологического персонажа всегда привлекали внимание исследователей, им посвящено огромное количество литературы. Башкирский аждаха также неоднократно становился объектом исследований, особенно в последние десятилетия. Обстоятельная работа Г. Н. Гарустовича посвящена попытке найти корни образа башкирского дракона. Он установил связь дракона/змия в археологических находках Южного Урала с мифологическими представлениями башкир (Гарустович, 2014). Персонажу аждаха посвящен раздел в «Словаре башкирской мифологии» Ф. Г. Хисамитдиновой (Хисамитдинова, 2019: 28–30). Р. Вахитов также сделал попытку выявить истоки образа аждаха-змия в Урало-Поволжье. При этом автор опирается на сведения из средневековой летописи «Гази Барадж тарихы», достоверность которых в научном мире считается сомнительной (Вахитов, 2016). Из новейших исследований следует отметить статью А. Ф. Илимбетовой, автор приходит к выводу, что змеи-аждаха изначально были тотемами туранцев и в результате противостояния туранцев и ариев, насаждавших зооастризм, образ аждаха принял негативный облик (Илимбетова, 2021). В данной работе сделана попытка на основе анализа всего опубликованного материала и собственных полевых источников дать характеристику образу башкирского аждаха.

Аждаха – это персонаж башкирской мифологии, которого лишь условно можно назвать драконом, змеем. В мифологии змей и дракон являются очень близкими персонажами, и не всегда можно явно отличить одного от другого. Драконов в культурных традициях многих народов мира объединяет связь с водной и огненной стихией, реже прослеживается связь с горами, подземным миром. Среди евразийских драконов принято выделять дальневосточную и западную традиции. К первой из них относятся драконы в мифологиях Восточной и Юго-

Восточной Азии, которые в целом имеют положительную семантику. В западной традиции драконы, как правило, наделяются отрицательными чертами. К последним относится и башкирский аждаха.

В разных диалектах башкирского языка бытуют несколько вариантов его названия: кроме наиболее распространенного *Аждаха* (*Аждаха-йылан* 'Аждаха-змея'), встречаются *Аздаха*, *Азда*, *Әждәһә* (Хисамитдинова, 2019: 28). Под сходными названиями дракон известен многим иранским и тюркским народам. Этимологически оно восходит к имени дракона *Ажи-Дахака* (другое его имя – *Биварасб*) из иранской мифологии (Басилов, 2008). Авестийское Ажи-Дахака состоит из двух основ: *ажи* «змея» и *дахак* «сжигающий, горящий». К нему близок ведический *Ахи Будхнья* («змея глубин»), который имеет змеиную природу и связан с водной стихией. В переводе с санскрита *ахи* означает «змея», *будхнья* – буквально «пребывающий на дне». Древнеиндийского демона Вритра также называли *ahi* («змея»).

Исторически дракон – относительно поздний мифологический персонаж, который появился в результате развития другого мифологического образа – змея (змеи). В. Я. Пропп отмечал, что у доклассовых народов нет драконов, только огромные змеи. Первоначально змей был очень близок к биологической змее, во многих традициях это змея, прожившая долгое время. Причем в архаических мифологиях природа змея, соединяющего небо и землю, двойственна; он мог быть и благодетелем, и опасен (Пропп, 2000: 388). Змея символизирует связь с землей, домашним очагом, плодородием, женской производящей силой, водой, дождем. В обществах, хозяйство которых было основано на искусственном орошении земли, изображение священного змея ставилось у искусственных водоемов. В странах Средиземноморья – в Греции и Риме – существовал обычай селить в доме, дворце или храме священную змею. У башкир также имеются представления, по которым наличие в доме «домашней змеи» (*«ой, йорт йыланы»*; обычно это уж) приносит благополучие и достаток. А встреча с «белой змеей» (*«ак йылан»*), считающейся царицей змей, обеспечивает счастливое будущее. Позже, в развитых мифологических системах, где змей уже несет черты дракона, он начинает играть больше отрицательную роль как воплощение нижнего, подземного мира (Стеблева, 2002: 24, 26).

Изначально мифическая змея своим внешним видом не отличалась от обычной, была только значительно большего размера. В дальнейшем образ развился в змея-дракона, объединяющего черты разных животных, в том числе змей и птиц; часто он стал изображаться с несколькими головами. Считается, что гибридные фантастические существа как таковые появились только в городской среде, «когда человек начинал терять интимную, органическую связь с животными». При этом многоголовость дракона служит усилению его качеств – чем больше голов, тем он более могущественен. Это позднее явление, так как «категория определенного множества есть вообще поздняя категория» (Пропп, 2000: 210–211).

По вопросу времени появления образа дракона нет единого мнения. Относительно юго-восточной традиции зарождение образа принято относить к V–III тыс. до н. э. Первым изображением китайского дракона считаются нефритовые статуэтки культуры Хуншань и Чжаобао (Тан Вэнчан, 2014: 52). Начиная примерно со II века до н. э. из Китая образ дракона проникает в кочевую тюркскую среду (Руденко, 2005: 98). На западе один из ранних драконов одноголовый или многоголовый Ажи-Дахака – олицетворение злых сил в Авесте. В Яштах, наиболее древней части Авесты, он предстает в образе трехглавого, трехпастого и шестиглавого змея (Авеста, 1993: 159). Со временем образ иранского Ажи-Дахака претерпевает изменения. В более поздний период он уже принимает человеческий облик: в древних иранских легендах и мифах предстает как чужеземный царь-узурпатор. В «Шахнаме» он – Заххак, сын арабского царя Мардаса. Его трехглавость была переосмыслена в две змеи, выросшие на плечах от поцелуев Иблиса (Брагинский, 2008: 464).

На территории Урало-Поволжья образ змеи-дракона также был известен издревле, о чем свидетельствуют изображения крылатых драконов, встречающиеся в археологическом материале

ле региона. К. А. Руденко, который изучал происхождение образа дракона в геральдике Поволжья и в «археологической» металлопластике региона, возводит его появление к эпохе раннего железа. Он видит отдаленные аналогии дракона в мотивах фантастического хищного животного. Широкое же распространение образа дракона или крылатого змея в Восточной Европе (в первую очередь в Поволжье) относится к периоду Золотой Орды. Драконы часто изображались на поясах (на золотых, серебряных, бронзовых накладках), бронзовых зеркалах, костяных колчанных накладках, посуде, тканях. Истоки образа дракона К. А. Руденко возводит к изобразительным и идеологическим традициям древнего и средневекового Китая (Руденко, 2005: 99–102).

В башкирских легендах имеется много сюжетов, рассказывающих о былом обитании гигантского змея на западе ареала расселения башкирских племен (в районе р. Зай и близ ее русла) (Гарустович, 2014: 142–143). Самый известный из них – о змее, обитавшем на месте нынешней Уфы. П. И. Рычков писал, что, по преданию, на месте Уфы был город, где правил ногайский хан Тирия-Бабату-Клюсов, «но так как де на том уфимском месте... оказался великий змей и, приходя в город, многих людей ядом своим заражал и умерщвлял, то оттого со всеми своими нагайцами вышел он на реку Дему..., а в тогдашнее же время якобы и тот ядовитый змей спрятался в находящуюся при реке Уфе гору и исчез, так что более уже никакого вреда от него не было» (Гарустович, 2014: 142–143). В XIX в. краевед Р. Г. Игнатъев записал схожий сюжет о Бирском городище (Гарустович, 2014: 142–143). В легенде, записанной П. М. Кудряшевым, говорится о трех городищах, где проживал змий, и одно из них находилось на берегу реки Белой (Кудряшев, 1961: 356–357). В шежере племени юрматы повествуется о том, как кочевавшие когда-то по долинам рек Зай и Шишма ногайцы много лет боролись с появившимся неожиданно драконом. Этот же сюжет имеется в «Тарихнаме-и Булгар» (1802 г.) Таджетдина Ялсыгулова. Башкиры-айлинцы, наоборот, бежали в район устья реки Зай, спасаясь от дракона, который поселился в местах, где они проживали до этого (Гарустович, 2014: 143; Галяутдинов, 1998: 164–165).

Переходя к анализу башкирского аждаха, напомним, что у башкир существуют два его образа. Первый фигурирует в эпосах и сказках, для него больше присущи признаки дракона: он имеет несколько голов, кровожаден, изрыгает огонь, требует жертву за допуск к воде и т. д. Второй встречается в народных поверьях, его описывают как огромную змею, которая, прожив сто либо более лет, начинает причинять вред людям. Среди башкир до сих пор широко бытуют рассказы про аждаха, который некогда обитал в озере или реке рядом в окрестностях деревень. Характерно, что в Иране также существуют два образа аждаха. Больше известен аждаха из волшебных сказок и легенд, который изображается в виде гигантской змеи или ящера с крыльями. Он обитает в воде или рядом с водой, в подземных пещерах, реже горах, охраняет сокровище, контролирует доступ к воде. Нам удалось зафиксировать бытование в некоторых частях страны другого образа – аждаха-змея. В деревне в окрестностях города Мешхед на северо-востоке Ирана информатор на вопрос об аждаха сообщил, что кроме сказочного персонажа так называют еще и огромную, долго прожившую змею, которая вырастает толщиной в бревно. Тогда она, так же как и башкирский аждаха, начинает причинять вред – обычно заглатывает козу (Полевые записи Ю. А. Абселямовой. Иран, 2017 г.).

У башкир сказочный и эпический аждаха – это одно- или многоголовый дракон; количество его голов, как правило, кратно трем (три, шесть, девять, двенадцать). Реже встречаются двух- и семиголовые экземпляры, иногда бывают тысячеглавые. Чем больше голов, тем сильнее и могущественнее считается аждаха; часто количество их означает количество батыров, которых он поглотил. В эпосе «Урал-батыр» одиннадцатиглавый змей собирался стать двенадцатиглавым, съев Урала и прирастив недостающую голову (Урал-батыр, 2005: 140). После того как Урал отрубает все головы змею, из них выходят освобожденные батыры.

Аждаха тесно связан с водной и огненной стихиями. В одной легенде говорится о происхождении его от утки: две утки-брата, появившиеся из первого яйца, стали ссориться из-за

земли, которой поначалу было очень мало; одна утка вытеснила другую, которая ушла под воду, превратилась в аждаха и вредит с тех пор людям (Аминев, 2007: 22, 96). В эпосе «Урал-батыр» герой попадает в змеиную страну (*аждаһа-йылан иле*), где главный змей Кахкаха повелевает водной стихией и обладает способностью изрыгать огонь (Урал-батыр, 2005: 173–174). Когда Нугуш-батыр отрубает голову диву-змее, из одной его головы брызнула вода, из другой – кровь. Во многих сказках аждаха охраняет водный источник и за возможность доступа к нему требует человеческую жертву (как правило, юных дев). В сказке про Умурзак-батыра аждаха является хозяином реки, не позволяя герою переправиться через нее (БНТ, 1988: 66). Будучи хтоническим существом, аждаха является антагонистом солнца. Когда сын падишаха дивов-аждаха¹ Заркум, превратившись в огромную рыбу, проглотил красавицу Хомай, символизировавшую солнечные лучи, и зарылся в подводный ил, солнце исчезло (Аминев, 2007: 44). В предании о происхождении башкир-гайнинцев говорится, что аждаха держал солнце в заточении в подземелье, откуда его вызволяет Гайна-батыр (БНТ, т. 2. 1987: 117).

Связь драконов с водной стихией характерна для большинства мифологических традиций. В персидском труде «Аджа'иб-уль-махлукат» аждарха выступает как гигантское животное, которое большую часть жизни проводит в воде, откуда иногда поднимается на высокие горы, наслаждаясь там влажностью облаков. В центральноазиатской традиции ему подвластны источники, и он может вызывать дождь (Пугаченкова, 1959: 46). В крымско-татарских сказках *аждера* (*аждерха*, *аждаха*) – демон в облике многоголового дракона (иногда в виде быка), который, будучи хозяином источника, выдает воду в обмен на жертву, чаще самую красивую девушку. В Фергане еще в прошлом веке во время весенних празднеств носили чучело *аждарха* – оно должно было вызвать дождь для молодых посевов. Такой же смысл изначально нес широко распространенный в Средней Азии обычай запускания бумажного змея, превратившийся в любимую весеннюю забаву мальчиков (Пугаченкова, 1959: 46).

Связь аждаха с огненной стихией в башкирской мифологии часто выражается в его способности изрыгать огонь. Так, например, семиголовый аждаха из сказки «Сын волка Сынтимер-пехлеван», или аждаха из сказки «Дандан-батыр» опаляют своим огненным дыханием крылья чудесной птицы Самригуш. Схожие мотивы присутствуют у драконов во многих культурах. В таджикской мифологии аждахоры, обитающие в горных ущельях, изрыгают из огромной пасти огонь, дым и яд (Басилов, 2008: 40). В представлениях некоторых народов драконы, напротив, боятся огня. Так, в легенде иранских башкардов, чтобы избавиться от аждаха, который жил в пещере рядом с поселком, люди зажгли большой огонь, так как он умирает от огня (Полевые материалы З. Г. Аминевой, Ю. А. Абсалямовой, Иран, Хормозган, 2014 г.).

Для многих драконов характерна связь с горами, пещерами и подземным миром. Во многих частях Евразии существуют горы и скалы, считающиеся окаменевшими драконами. Согласно эпосу «Урал-батыр», Уральский хребет образовался из тел убитых батыром дивов (аждаха), а высшая точка Южного Урала гора Ямантау образовалась из тела падишаха дивов Азраки (Урал-батыр, 2005: 179). В сказке «Урал-батыр» (отличающейся по сюжету от одноименного эпоса) Урал на вершине высокой горы сражается с девятиглавым дивом, охранявшим путь к живому роднику. Когда, одолев дива, он вогнал его в землю, из этого места начали выходить клубы дыма. С тех пор гора не перестает гореть, и ее стали называть Янган-тау (букв. «Горящая гора»)². В финальной схватке батыр порубил двенадцатиглавого дэва и всю пришедшую на помощь нечисть, и на месте их тел возникла гора Ямантау. В различных областях Памира имеет широкое хождение мифологический сюжет о драконах, превращенных в камень ангелом, героем или праведником. Распространены мусульманские предания, asso-

¹ Необходимо отметить, что в данном эпосе нет разграничения между дивами (дейеу) и аждаха, одни и те же персонажи называются и дивом, и аждаха.

² Гора в Салаватском районе Республики Башкортостан.

цирующие некоторые горы или горные хребты с окаменевшими аждахами, убитыми Али³, или другими почитаемыми персонажами мусульманской агиографии. В Афганистане две цепи скал считаются убитыми Али и окаменевшими драконами (Терлецкий, 2008: 357). В долине Гунд, недалеко от селения Шишусп, находится камень, который местные жители считают окаменевшим драконом, убитым Али (Васильцов, 2013: 111). В центральноазиатской традиции аждаха часто предстает как страж гор, охраняющий сокровища недр. По иранским средневековым легендам, аждахары охраняют подземный клад Каруна (ветхозаветный Корей) (Пугаченкова, 1959: 46).

В поверьях, которые до сих пор широко бытуют среди башкир, представлен отличный от сказочного образ аждаха. Это – огромный змей толщиной с бревно. Иногда его описывают красноголовым (Намар, Нарытау... 2008: 218). Обитает в водной стихии: в озере, омуте реки, в местах с медленным течением, болотах. Он лежит на дне озера, свернувшись семь раз (Хадыева, 2005: 156). По данным С. И. Руденко, он мог находиться также в заброшенных колодцах, ущельях, пещерах, подземных рудниках (Руденко, 2006: 267). Б. Юлуев привел предание, где змея, похожая по описанию на аждаха, жила под землей. Однажды, когда один башкир рыл яму для очага, откуда ни возьмись появилась черная туча и, вытащив из этой ямы змею невиданных размеров, утащила ее. А на месте той ямы образовалась пещера (Юлуев, 1892: 247). Такие предания находят отражение и в топонимии. Так, рядом с деревней Тагирово Баймакского района есть озеро *Аждаха күле* (озеро Аждаха); в Бураевском районе место у обрыва реки Танып носит название «*Аждаха сокоро*» (яма/пропасть аждаха).

У южных башкир существует очень устойчивый сюжет про аждаха, практически не отличающийся в разных местах бытования. Во многих источниках рассказчиками выступали сами очевидцы (Руденко, 2006: 267; Ахмеров, 1994: 41). В рассказах информаторов аждаха обитал когда-то в их местности. Выросший до определенных размеров, он утаскивал скот, подходивший к озеру или реке на водопой. Чтобы избавить людей от этой нечисти, Всевышний забирал аждаха. Происходило это обычно следующим образом. В ясный день появлялась небольшая тучка, которая затем превращалась в смерч. Часто говорится о том, как свидетели видели длинный, болтающийся из смерча хвост аждаха. Одна из наших информаторов хранила «кость аждаха», которая применялась ею при лечении⁴. Смерч затягивал аждаха и уносил его за мифическую гору Каф-тау. Гора Каф в исламской космологии считается краем земли, где живет всякая нечисть; она присутствует в мифологических представлениях многих народов. В башкирских сказках там живут дивы, они похищают красавиц и уносят за Каф-тау, откуда их спасают батыры. Ее часто помещают за Северным Ледовитым океаном.

Часто информаторы называют и место, где обитал аждаха. Обычно это озеро, которое обмелело либо полностью высохло после ухода чудища. Характерный рассказ про аждаха опубликован Ф. Г. Хисамитдиновой: «Этот случай был на покосе (Абзелиловский район Республики Башкортостан – *авторы*). День был жаркий. Палило солнце. На небе ни единого облачка. Внезапно откуда-то надвинулась лохматая черная туча. Грянул гром, засверкали молнии, и начался ливень. Стало темно. Слышно было, как зашумели, затрещали деревья под ливнем. Недалеко от нашего покоса было болото. Видим: черная туча, с которой все началось, нависла как раз над болотом. В этот момент раздался страшный удар грома. А из болота к туче стало подниматься страшное чудовище! Оно извивалось, и видно было, что хвост у этого гада разветвленный, как вилы. Поднимаясь, оно неистово бьет этим хвостом! Там, куда бьет, деревья валятся как скошенные, в сторону во-он той горы. Ну и страху мы тогда набрались!

³ Али – четвертый халиф в истории ислама, двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, один из самых популярных святых мусульманской агиологии.

⁴ В деревне Глявгулово Кувандыкского района Оренбургской области информатор показала кость, по ее словам, представляющую собой часть хвоста аждаха, которая отвалилась, когда его уносила туча. Она лечила людей, проводя им по больным местам.

Вот что эта тварь натворила! Но Аллах миловал, туча обошла наш шалаш стороной, ушла в сторону горы Куркэк. Тогда в деревне говорили: “*Аждаһа күтәрелде*” (дракон поднялся)» (Хисамитдинова, 2019: 28). Почти идентичную легенду в конце XIX в. Б. Юлуев записал у жителей современного Баймакского района, проживавших в местности рядом с озером Култубан (Яугуль). Рассказчики относили события, описанные в предании, к 1850-м годам. В ясный летний день внезапно началась сильная гроза, пошел град с дождем. Появившаяся черная туча вытащила из озера «страшнейшее чудовище», но оно сорвалось обратно в воду. Тут на смену туче пришло «белое как вата облачко» и забрало чудовище. При этом хвост его волочился, оставляя след в виде борозды. Пытаясь вырваться, чудовище издавало стоны, свистело, шипело, завивалось кольцом и т. д. По словам рассказчика, многие наблюдавшие попадали в обморок, а его жена там же и умерла. Была эта змея «не менее 60 саженей, толщиной 12 вершков, с пятнистой кожей; хвост раздваивался на конце. Глаза как деревянные чаши». Интересно, что этот сюжет в трансформированном виде дожил до наших дней. Наш информатор рассказал историю, услышанную им бабушки, время действия в которой она относил к 1930-м годам. С озера Талкас, находящегося через хребет Ирэндик в том же Баймакском районе, во время грозы был поднят аждаха. Зрелище было настолько ужасным, что одна из женщин умерла от разрыва сердца (Полевые материалы З. Г. Аминева).

В Зианчуринском районе Башкортостана записан схожий сюжет. В небольшом озере у подножия горы Кызыл-таш возле деревни Тавлыкаево обитал огромный змей, который не любил людей и, пугая, прогонял их из окрестностей озера своим ревом. Однажды появилась огромная черная туча, которая вытащила его из озера. Змей, пытаясь спастись, обхватил своим хвостом огромное дерево, растущее на берегу озера, но оно было вырвано с корнем. Туча унесла его ввысь, пошел сильный дождь, а дерево змей отпустил, и оно до сих пор лежит на берегу озера. В одном случае такая туча была переосмыслена в лебедей-ангелов. По легенде, записанной Р. Б. Ахмеровым, в озере Шишмале-куль раньше обитал аждаха огромной величины. 83-летний Нафиков Салахетдин видел его дважды, в 1915 и 1924 гг. Затем лебеди-ангелы спустились с неба и унесли его в неизвестном направлении (Ахмеров, 1994: 41).

По представлениям башкир, в аждаха превращается змея, прожившая до ста лет, а пяти-сот- или тысячелетняя аждаха превращается в оборотня юху (Руденко, 2006: 267). По сведениям Б. Юлуева, змея, прожившая до ста лет, называется зилан, до пятисот – аждаха, до тысячи – юха. Но Аллах не дает ей дожить до этого момента и забирает за гору Каф, где «кроме Кагармана, сына Гуршасипа, повелителя духов и демонов, никто не бывал» (Юлуев, 1892: 246–247). В поверьях, записанных В. М. Филоненко, змея до пяти лет называется *хайе*; от пяти до ста лет – *жилан*, от ста до тысячи лет – *аждага*. Аждага живет в норах, в воде, под землей, которой питается, в размерах достигает нескольких десятков саженей. Прожив более тысячи лет, становится юхой, причем «в этом возрасте она живет только сорок дней и принимает образ различных животных, но более всего любит принимать образ девицы» (Филоненко, 1914: 306). Обычно условием для таких превращений было не показываться на глаза человеку. Имеются представления, по которым, напротив, только «поймав» человеческий взгляд, змея прибавляет к своему возрасту по одному году и затем превращается в аждаха (Хисамтдинова, 2019: 29).

Схожие представления о метаморфозах драконов имеются у многих народов. В базе фольклорно-мифологических мотивов Ю. Е. Березкина мотив I76A «Змея делается драконом» (иногда вместо змеи фигурирует рыба) зафиксирован у болгар, сербов, хорватов, венгров, македонцев, албанцев, румын, словаков, поляков, украинцев, белорусов, карачаевцев, казахов, татар, армян, ваханцев, пакистанских кхо, вьетнамцев, китайцев, корейцев, тамилы (Березкин, Дувакин. Тематическая классификация...). Интересно, что у кашмирцев совпадают отчасти и названия с башкирскими – змея, на которую в течение ста лет не взглянул человек, становится *джахмаром*, через двести лет – *аидаром* (*ajdar*), через триста – *виха* (*viha*). При этом

виха может вытянуться на любое расстояние, принять любой облик (Березкин, Дувакин. Тематическая классификация...). В зороастрийской традиции змею, прожившую сто лет и достигшую тридцати аршин длины, Бог сначала бросает в море, а после того, как она, увеличившись до десяти тысяч аршин, начинает причинять явный вред (его движение вызывает морское волнение), выбрасывает его в обитель яджуджей и маджуджей⁵ (Бер-Глинка, 2018: 177; Березкин, Дувакин. Тематическая классификация...). В древнекитайской «Книге истории» (Шу-цзин) водяная змея претерпевает похожие метаморфозы: прожив пятьсот лет, видоизменяется в чешуйчатую змею *цзяо*, та после 1000 лет в дракона (*лунг*), он через 500 лет в рогатого дракона (*цзио-лунг*) и еще через 1000 лет в крылатого дракона (*ин-лунг*) (Бер-Глинка, 2018: 177–178). У корейцев змей через три тысячи лет превращается в дракона и улетает на небо. В некоторых представлениях болгар, туркмен, турков и узбеков змея превращается в дракона-аждаха, или юху, через сорок лет (Снесарев, 1973: 56; Иванова, 2009: Шамусаров, 2009: 73). В европейской фольклорной традиции широко распространены представления о взаимном превращении людей и змей, а также мотив сексуального контакта или брака змеи (змея) с человеком (с мужчиной или женщиной). В работе Бер-Глинка собрано большое количество примеров из европейского фольклора, иллюстрирующих их (Бер-Глинка, 2018: 436). У иранских башкардов подобные превращения происходят при других условиях: когда змея поедает другую змею, она превращается в Аф'и, затем Аф'и превращается в аждаха.

Итак, обобщая все приведенные выше сведения, охарактеризуем образ башкирского аждаха. Наличие многих характеристик, схожих с другими народами Евразии, говорит о том, что его образ развивался в общеевразийском русле. Сам дракон – более поздний мифологический персонаж, являющийся развитием образа змея, который имел амбивалентный характер в представлениях. У башкир оба образа – змея и дракона – стали называться одним именем – аждаха, которое имеет иранскую этимологию и восходит к авестийской мифологии. При этом оба они являются отрицательными персонажами, их объединяет связь с водной стихией. Аждаха из верований, представляя собой долго прожившего змея, на наш взгляд, отражает превращение змея, изначально не имевшего однозначно негативного характера, в отрицательного персонажа, который причиняет вред людям. Развитие сказочного и эпического аждаха происходило отдельно, и его образ тесно связан в целом с литературной традицией Востока. Он менее однороден – может быть многоголовым, обладать способностью летать, изрыгать огонь, охранять водный источник либо клад, на месте его убитого тела возникают горы. Близок к первому змей/дракон из легенд, сохранившийся только в записях в XIX – начала XX в. Он представлял собой гигантского змея; из-за бед, причиняемых им, местное население было вынуждено менять место жительства.

Литература:

- Авеста.** Избранные гимны из Видевдата / пер. с авест. И. Стеблина-Каменского. М., 1993.
- Аминев З. Г.** Эпос «Урал батыр» как космогонический миф (К проблеме доисламского мировоззрения башкир). Уфа, 2007.
- Ахмеров Р. Б.** Наскальные знаки и этнонимы башкир. Уфа, 1994.
- Басилов В. Н.** Аждарха // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание / под ред. С. А. Токарева. М., 2008. С. 40. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
- Башкирское народное творчество.** Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987.
- Башкирское народное творчество.** Т. 3. Богатырские сказки. Уфа, 1988.
- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.** Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. Сюжет I76A. URL: <http://newstar.rinet.ru/kozmin/berezkin/146-43.html> (дата обращения: 23.03.2021).

⁵ Яджуджи и маджуджи – в исламской эсхатологии племена, наводящие порчу на земле, живущие на крайнем востоке земли.

- Бер-Глинка А. И.** Змея как сексуальный и брачный партнер человека (Еще раз о семантике образа змеи в фольклорной традиции европейских народов) // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы: сб. ст. в честь 60-летия И. В. Манзуры. Кишинев, 2016.
- Бер-Глинка А. И.** Сюжетный тип ATU411 в сказочной традиции Евразии: некоторые замечания к «типологическому указателю сказочных сюжетов» Г.-Й. Утера // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 171–184.
- Брагинский И. С.** Заххак // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание / под ред. С. А. Токарева. М., 2008. С. 382. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
- Васильев Л. С.** Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 488 с.
- Васильцов К. С.** Священные горы и священные камни: легенды о мусульманских авлия в Бадахшане // Рах Islamica. 2013. 1 (10). С. 123–137.
- Вахитов Р.** Эпоха Змея в Урало-Поволжье // Ватандаш. 2016. № 11. С. 97–115.
- Галаятдинов И. Г.** «Тарихнама-и Булгар» Тажетдина Ялсыгула. 2-е переработанное и дополненное издание. Уфа, 1998.
- Гарустович Г. Н.** Кто научил змея летать? К вопросу о проявлении мифологических принципов в тотемизме башкир // Золотоордынская цивилизация. 2014. С. 140–160.
- Ельников М. В.** Образ дракона-змеи на сергах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект // Stratum plus. Культурная антропология и археология. № 6. 2009. Причерноморские этюды. С. 410–420.
- Иванов В. В.** Дракон // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание / под ред. С. А. Токарева. М., 2008. С. 326–327. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
- Иванова В. В.** Змея-джинн-предок: анатолийский взгляд на хранителя дома // Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии / ред. М. А. Родионова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 151–160.
- Илимбетова А. Ф.** Символика аждахи в фольклоре и верованиях башкир // Вестник Чувашского ун-та. 2021. № 2. С. 87–94.
- Коблов Я. Д.** Мифология казанских татар. Казань, 1910.
- Кудряшев П. М.** Предрассудки и суеверия башкирцев // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Уфа: Башкирское изд-во, 1961.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 335 с.
- Пугаченкова Г. А.** Мечеть Анау. Ашхабад, 1959. 90 с.
- Решетов А. М.** Дракон в культурной традиции китайцев // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. Т. XXXVII. Л., 1981. С. 81–92.
- Руденко К. А.** Казанский дракон: образ и символ // ТА. № 1–2 (14–15). Казань и Казанское ханство. Казань, 2005.
- Руденко С. И.** Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.
- Снесарев Г. П.** Под небом Хорезма (этнографические очерки). М., 1973.
- Стеблева И. В.** Очерки турецкой мифологии: По материалам волшебной сказки. М.: Вост. лит., 2002. 102 с.
- Сызранов А. В.** Драконы, города и «строительные жертвы»: об астраханско-казанских фольклорных параллелях // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. Астрахань, 2010. Вып. II. С. 301–304.
- Сычев Л. П., Сычев В. Л.** Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975. 172 с.
- Тан Вэнчан.** Истоки происхождения образа китайского дракона // Культура. Наука. Творчество. Вып. 11. Минск, 2017. С. 522–526.
- Терлецкий Н. С.** Коллекция № 6935; собиратель Р. Р. Рахимов (образы фантастических животных в центральноазиатской керамике) // Рахмат-наме: сб. ст. к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб, 2008. С. 348–380.
- Урал-батыр.** Уфа, 2005.
- Филоненко В. М.** Башкиры (окончание) // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. С. 191–192.
- Хадыева Р. Н.** Башкирская этнокультура и язык. Опыт воссоздания языковой картины мира. Уфа, 2005.
- Хамидуллин С. И.** Бурджаны в истории Евразии. Уфа: Гилем, 2013.
- Хисамитдинова Ф. Г.** Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2019. 432 с.
- Худяков М. Г.** Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- Һамар, Һарытау өлкәһе башҡорттарының рухи хазинаһы.** Өфө, 2008. 284 б.
- Шамусаров Шарустам.** Фольклорные связи тюркских народов Центральной Азии и среднеазиатских арабов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 63–75.
- Эйвельманс Бернар.** Великий морской змей. Пер. Н. Н. Непомнящий. URL: <http://www.librams.ru/reading-13281.html> (дата обращения: 5.02.2021).
- Юлуев Б. Г.** Аждаха – змей в рассказах башкир // Этнографическое обозрение. 1892, № 2–3. С. 245–248.

Абсалямова Юлия Аликовна.

Кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: yulchi81@mail.ru

Аминев Закирьян Галимьянович.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: zakirjan_g@mail.ru

Мигранова Эльза Венеровна.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: mig.el@mail.ru

Материал поступил в редакцию 9 марта 2022 г.

Yu. A. Absalyamova, Z. G. Aminev, E. V. Migranova

ABOUT THE CHARACTER OF THE BASHKIR MYTHOLOGY AZHDABA

In order to reveal the image of the Bashkir mythological figure Azhdaha, we compare him with similar figures in neighboring and other peoples and try to identify the roots of his appearance in the region. We show and describe two images of the Bashkir Azhdaha – a fairy-tale, dragon-like appearance and a mythological, serpent-like appearance. The study is based on the authors' field material, information from Bashkir folklore, and comparative material on Turkic-speaking and Iranian peoples. Azhdaha is known among the Bashkirs in two images: in the epics and fairy tales, he is represented as a multi-headed dragon, and in various religious beliefs, he is a mythologized serpent that has reached enormous proportions after a hundred-year life. The presence of many similar features among other peoples of Eurasia suggests that his image evolved in the general Eurasian channel. The dragon itself is a later mythological figure, which is a further development of the image of the serpent, which had an ambivalent character in the representations. Among the Bashkirs, both images – the serpent and the dragon – were called by the same name – azhdaha, which has an Iranian etymology and goes back to the Avestic mythology. At the same time, both are negative figures associated with the element of water. Azhdaha, from different beliefs, represents a long-lived serpent, in our opinion, reflecting the transformation of a serpent, which originally had no clear negative character, into a negative character that harms people. The development of the fabulous and epic azhdaha took place separately, and its image is generally closely associated with the literary tradition of the East. His image is less uniform – he may be many-headed and have the ability to fly, breathe fire, and guard a water source, or a treasure, mountains appear in the place of his slain body. Close to the first serpent/dragon from the legends, which are preserved only in records from the XIX – early XX centuries. He was a huge serpent whose restlessness forced the local population to change their residence.

Keywords: *azhdaha, dragon, serpent, mythological character, Bashkirs*

References:

- Avesta.** Izbrannye gimny iz Videvdatta [Avesta. Selected hymns from Videvdatta] / per. s avest. I. Steblina-Kamenskogo. M., 1993.
- Aminev Z. G.** Epos «Ural batyr» kak kosmogonicheskiy mif (K probleme doislamskogo mirovozzreniya bashkir) [The epos "Ural Batyr" as a cosmogonic myth (On the problem of the pre-Islamic worldview of the Bashkirs)]. Ufa, 2007.
- Akhmerov R. B.** Naskal'nye znaki i etnonimy Bashkir [Rock signs and ethnonyms of Bashkirs]. Ufa, 1994.
- Basilov V. N.** Azhdarkha. Mify narodov mira. Entsiklopediya [Azhdarkha // Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. Electronic edition]. Elektronnoe izdanie. Pod red. S. A. Tokareva. M., 2008. P. 40. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (accessed: 14.09.2021).
- Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo.** Vol. 2. Predaniya i legendy [Bashkir folk art. Vol. 2. Stories and legends]. Ufa, 1987.

- Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo.** Vol. 3. Bogatyrskie skazki [Bashkir folk art. Vol.3. Heroic tales]. Ufa, 1988.
- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N.** Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by area]. Syuzhet I76A. URL: <http://newstar.rinet.ru/kozmin/berezkin/146-43.html> (accessed: 23.03.2021).
- Ber-Glinka A. I.** Zmeya kak seksual'nyy i brachnyy partner cheloveka (Eshche raz o semantike obraza zmei v fol'klornoy traditsii evropeyskikh narodov) [The snake as a sexual and mating partner of a person (once again about the semantics of the image of the snake in the folklore tradition of European peoples)] // Kul'turnye vzaimodeystviya. Dinamika i smysly. Sbornik statey v chest' 60-letiya I. V. Manzury. Kishinev, 2016.
- Ber-Glinka A. I.** Syuzhetnyy tip ATU411 v skazochnoy traditsii Evrazii: nekotorye zamechaniya k "tipologicheskomu ukazatelyu skazochnykh syuzhetov" G.-Y. Utera. Etnograficheskoe obozrenie. 2018. No 4. P. 171–184. (in Russian).
- Braginskiy I. S.** Zakhkhak [Zakhkhak] // Mify narodov mira. Entsiklopediya. Elektronnoe izdanie. Pod red. S. A. Tokareva. M., 2008. 382 p. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (accessed: 14.09.2021). (in Russian).
- Vasil'ev L. S.** Kul'ty, religii, traditsii v Kitae [Cults, religions, traditions in China]. 2-e izd. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. 488 p. (in Russian).
- Vasil'tsov K. S.** Svyashchennyye gory i svyashchennyye kamni: legendy ob musul'manskikh avliya v Badakhshane [Sacred Mountains and Sacred Stones: Legends of Muslim Awliya in Badakhshan] // Pax Islamica. 2013. No 1 (10). P. 123–137. (in Russian).
- Vakhitov R.** Epokha Zmeya v Uralo-Povolzh'e [Epoch of the Serpent in the Ural-Volga region] // Vatandash. 2016. No 11. P. 97–115 (in Russian).
- Galyautdinov I. G.** «Tarikhnama-i Bulgar» Tazhetdina Yalsygula [«Tarikhnama-i Bulgar». 2-e pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. Ufa, 1998 (in Russian).
- Garustovich G. N.** Kto nauchil zmeya letat'? K voprosu o proyavlenii mifologicheskikh printsipov v totemizme Bashkir [Who taught the snake to fly? On the question of the manifestation of mythological principles in Bashkir totemism] // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. 2014. P. 140–160 (in Russian).
- El'nikov M. V.** Obraz drakona-zmiya na ser'gakh zolotoordynskogo perioda: kul'turno-khronologicheskiy aspekt [The image of a dragon-serpent on earrings of the Golden Horde period: a cultural and chronological aspect] // Stratum plus. Kul'turnaya antropologiya i arkhologiya. 2009. No 6. Prichernomorskie etyudy. P. 410–420 (in Russian).
- Ivanov V. V.** Drakon [Dragon] // Mify narodov mira. Entsiklopediya. Elektronnoe izdanie. Pod red. S. A. Tokareva. M., 2008. pp. 326–327. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (accessed: 14.09.2021).
- Ivanova V. V.** Zmeya-dzhinn-predok: anatoliyskiy vzglyad na khranitelya doma [The Genie-ancestor Snake: an Anatolian view of the Keeper of the House] // Aziatskiy bestiariy. Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoy, Yugo-Zapadnoy i Tsentral'noy Azii / red. M. A. Rodionova. SPb.: MAE RAN, 2009. P. 151–160.
- Ilimbetova A. F.** Simvolika azhdakhi v fol'klоре i verovaniyakh Bashkir [The snake is the personification of fire, sun and stars in the folklore traditions of the Bashkirs] // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2021. No 2. P. 87–94 (In Russian).
- Koblov Ya. D.** Mifologiya kazanskikh tatar [Mythology of the Kazan Tatars]. Kazan', 1910.
- Kudryashev P. M.** Predrassudki i sueveriya bashkirtsev [Superstitions and superstitions of the Bashkirs] // Bashkiriya v russkoy literature. Vol. 1. Ufa: Bashknigoizdat, 1961 (in Russian).
- Propp V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoy skazki [The historical roots of the fairy tale]. M., 2000. 335 p.
- Pugachenkova G. A.** Mechet' Anau [Anau Mosque]. Ashkhabad, 1959. 90 s.
- Reshetov A. M.** Drakon v kul'turnoy traditsii kitaytsev. Material'naya kul'tura i mifologiya [The dragon in the Chinese cultural tradition] // Sb. MAE. Vol. XXXVII. L., 1981. P. 81–92. (in Russian).
- Rudenko K. A.** Kazanskiy drakon: obraz i simvol [Kazan dragon: image and symbol] // TA. No 1–2 (14–15). Kazan' i Kazanskoe khanstvo. Kazan', 2005.
- Rudenko S. I.** Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Bashkirs. Historical and ethnographic essays]. Ufa, 2006.
- Snesarev G. P.** Pod nebom Khorezma (etnograficheskie ocherki) [Under the sky of Khorezm (ethnographic essays)]. M., 1973.
- Stebleva I. V.** Ocherki turetskoy mifologii: Po materialam volshebnoy skazki [Essays on Turkish Mythology: Based on the materials of a fairy tale]. M.: Vost. lit., 2002. 102 p.
- Syzranov A. V.** Drakony, goroda i «stroitel'nye zherctvy»: ob astrakhansko-kazanskikh fol'klornykh parallelyakh [Dragons, cities and "construction sacrifices": about Astrakhan-Kazan folklore parallels] // Astrakhanskii kraevedcheskie chteniya: sbornik statey. Astrakhan', 2010. Vol. II. P. 301–304.
- Sychev L. P., Sychev V. L.** Kitayskiy kostyum. Simvolika. Istoriya. Traktovka v literature i iskusstve [Chinese costume. Symbolism. History. Interpretation in literature and art]. M., 1975. 172 p.
- Tan Venchan.** Istoki proiskhozhdeniya obraza kitayskogo drakona [The origins of the image of the Chinese dragon] // Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo. Vol. 11. Minsk, 2017. P. 522–526 (in Russian).

Terletskiy N. S. Kolleksiya № 6935; sobiratel' R. R. Rakhimov (obrazy fantasticheskikh zhivotnykh v tsentral'noaziatskoy keramike) [Collection No. 6935; collector R. R. Rakhimov (images of fantastic animals in Central Asian ceramics)] // Rakhmat-name: Sbornik statey k 70-letiyu R. R. Rakhimova. SPb., 2008. P. 348–380.

Ural-batyr [Ural-batyr]. Ufa, 2005.

Filonenko V. M. Bashkiry (okonchanie) [Bashkirs] // Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga. Ufa, 1914. P. 191–192. (in Russian).

Khadyeva R. N. Bashkirsкая etnokul'tura i yazyk. Opyt vossozdaniya yazykovoy kartiny mira [Bashkir ethnoculture and language. The experience of recreating the linguistic picture of the world]. Ufa, 2005.

Khamidullin S. I. Burdzhany v istorii Evrazii [Burjans in the history of Eurasia]. Ufa: Gilem, 2013.

Khisamitdinova F. G. Slovar' bashkirskey mifologii [Dictionary of Bashkir mythology]. Ufa, 2019. 432 p.

Khudyakov M. G. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the history of the Kazan Khanate]. M., 1991.

hamar, harytau ulkahe bashkorttarynyn rukhi khazinahy [Spiritual heritage of the Bashkirs of the Samara and Saratov regions]. Æf, 2008. 284 p. (in Bashkir).

Shamusarov Sharustam. Fol'klornye svyazi tyurkskikh narodov Tsentral'noy Azii i sredneaziatskikh arabov [Folklore connections of the Turkic peoples of Central Asia and the Central Asian Arabs] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2009. No 1. pp. 63–75 (in Russian).

Eyvel'mans Bernar. Velikiy morskoy zmei [Great sea serpent]. Per. N. N. Nepomnyashchiy (URL: <http://www.librams.ru/reading-13281.html> (accessed: 5.02.2021)).

Yuluev B. G. Azhdakha – zmei v rasskazakh Bashkir // Etnograficheskoe obozrenie. 1892. No 2–3. P. 245–248 (in Russian).

Absalyamova Yuliya Alikovna.

Candidate of historical sciences, researcher.

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS.

Pr. Octyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: yulchi81@mail.ru

Aminev Zakiryan Galimyanovich.

Candidate of philosophical sciences, senior researcher.

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS.

Pr. Octyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: zakirjan_g@mail.ru

Migranova Elza Venerovna.

Candidate of historical sciences, senior researcher.

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS.

Pr. Octyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: mig.el@mail.ru

Д. А. Ананьина, Н. С. Кондакова, А. В. Терентьева

ПЕРСПЕКТИВЫ РАССМОТРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ В СВЕТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ УСЛОВИЯМ МАЛОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЧИТЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)

Социальная повестка дня сегодняшнего актуализирует необходимость сфокусированного внимания к процессам, сопровождающим феномен миграции на территорию Забайкальского края. Традиционно малая плотность населения региона вкупе с неблагоприятными социально-экономическими и климатическими условиями, создавшими дополнительный импульс к убыли коренного населения, способствовали возрастанию миграционных потоков из Центральной Азии. Изменяющееся количественное соотношение доли мигрантов в населении города предопределяет трансформацию социальных институтов под их потребности, а также создает посыл к исследованию явлений, возникших вследствие миграции. Социокультурная адаптация мигрантов подразумевает под собой не только формальное включение в культурный контекст принимающей стороны, но и психологическую перестройку под требования нового культурного пространства. Экзистенциальный опыт, переживаемый мигрантами в момент осознания неприменимости прежних ментальных установок к новой ситуации, сопряжен со значительным стрессогенным воздействием, которое рассматривается в настоящем исследовании через призму культурной травмы. При этом успешность ее преодоления во многом обусловлена такими факторами, как наличие «миграционного бэкграунда», возраст миграции, а также специфика опыта отношений с представителями принимающего сообщества.

Ключевые слова: культурная травма, мигранты, фрустрация, экзистенциальный подход, идентичность, Я-концепция

На сегодняшний день демографическая ситуация в Забайкальском крае во многом обусловлена фактором миграции. Ежегодно фиксируемый рост убыли коренного трудоспособного населения компенсируется за счет притока трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, количественный прирост которых год от года становится все более ощутимым в относительно небольшом пространстве Читы, имеющей статус малого провинциального города. Указанная тенденция актуализирует необходимость всеобъемлющего анализа различных аспектов, сопровождающих пребывание мигрантов на территории города и региона. Одним из таковых аспектов является адаптация мигрантов к изменившимся социокультурным условиям, который, в свою очередь, включает в себя проблему преодоления ими культурной травмы, рассмотрению которой посвящена настоящая статья.

Всестороннее рассмотрение феномена культурной травмы на сегодняшний день опосредовано процессом всепроникающей интеграции, затронувшим различные сферы знания, что предполагает междисциплинарность и слияние различных подходов. Так, например, исследование данного вопроса становится уже областью научной деятельности не только специалистов гуманитарного профиля (социологов, философов, этнологов, этнопсихологов и т. д.), но и медицинского. Такие авторы, как С. Г. Сукиасян, А. Шутценбергер и др., рассматривают культурную травму сквозь призму психиатрии. Синтез философской парадигмы с методами клинической психиатрии позволяет не только расширить онтологические основания воздействия культурной травмы на индивида, но и предполагает выработку эффективного способа снижения ее фрустрирующего влияния (Власова, 2010: 10). Примером такого междисциплинарного синтеза является экзистенциальный подход, изначально сформировавшийся в рамках философии, но вместе с тем вошедший в рабочий инструментарий практикующих психотерапевтов. В этой связи экзистенциальный подход, направленный на раскрытие внутренних детерминантов культурной травмы, а также анализ ее свойства межпоколенной передачи способны обогатить потенциальный исследовательский арсенал, что позволяет осуществить попытку объяснения феномена культурной травмы, возникающей на фоне различных видов миграции (Данные ...).

Анализ существующих на сегодняшний день определений культурной травмы демонстрирует противопоставление индивидуального и коллективного ее начала. Часть исследовате-

лей полагает, что культурная травма есть явление коллективное, репрезентирующееся в коллективной памяти каждого нового поколения, в таком понимании главный акцент сделан на механизме воспроизводства образа травмирующего события как нарратива в культурном, медийном пространстве. К таковым следует отнести определение Дж. Александера: «Культурная травма, – пишет он, – имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» (Александр, 2012: 6). Противоположное мнение, поддерживаемое последователями психоаналитического направления, базируется на представлении об индивидуальных истоках и переживании культурной травмы. На наш взгляд, указанные направления не столько противопоставляются, сколько дополняют друг друга, выступая этапами ее формирования. Безусловно, возникновение культурной травмы имеет индивидуальное измерение, травма всегда персонифицирована, однако далее, в процессе ее оформления и концептуализации, она приобретает коллективный характер с последующим закреплением и репрезентацией в историческом дискурсе.

Правомерность рассмотрения такого явления, как культурная травма, с точки зрения экзистенциального подхода обусловлена следующим фактором. Так как культурная травма представляет собой удар по одной из базовых основ идентичности личности, а именно по этнокультурному ее уровню, то отражение в формировании соответствующего ответа со стороны психики является закономерным следствием этого воздействия. Травма, как полагает П. Штомпка, появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительно уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения. Это мы и подразумеваем, говоря, что травма вызвана «шоковыми» событиями (Штомпка, 2001: 10).

Данный процесс сродни экзистенциальному опыту, подводящему человека к необходимости поиска своего Я, которое претерпело расщепление ввиду массивной атаки культурной травмы. Внутреннее благополучие индивида имеет одним из важнейших своих критериев непротиворечивость Я-концепции, которая достигается путем утверждения положительного образа своей идентичности, которая как раз и становится объектом воздействия культурной травмы. Удар по идентичности индивида, а именно по соотнесенности с определенной группой, распространяется, как следствие, на индивидуальном уровне в виде различных реактивных состояний.

Так, например, посттравматическое стрессовое расстройство диагностируется у 47 % эмигрантов. В группу риска попадают люди, которые имеют травматичный опыт, связанный с переездом в другую страну: расовая дискриминация, жестокое обращение сотрудников правоохранительных органов, принудительное выселение, разлучение с семьей, задержание, депортация. Эмигранты подвержены повышенному риску развития шизофрении и других неаффективных психотических расстройств (НПР). Один из главных факторов, отрицательно влияющих на психическое здоровье, – опыт дискриминации. Мигранты, проживающие в районах с низкой этнической плотностью, подвергаются повышенному риску развития психоза. Чаще всего это происходит в наименее благополучных и наиболее дискриминируемых группах (Изменяя родине...).

Рассмотрение в свете сказанного процесса адаптации мигрантов к изменившимся социокультурным условиям представляет интерес с точки зрения выявления закономерностей между попаданием в инокультурную среду и развитием культурной травмы, корреляции интенсивности ее воздействия от индивида к индивиду, а также определения объективных и субъективных причин, влияющих на выбор того или иного сценария адаптации. Так как объектом данного исследования выступают мигранты, то необходимо дать характеристику данной категории, потому как специфика вида миграции, продолжительность пребывания и отношение принимающего сообщества во многом предопределяют характер и интенсивность культурной травмы.

Так, для Забайкальского края в большей степени характерна трудовая миграция, потоки которой усиливались в последние годы, что объясняется, с одной стороны, проводимой политикой на уровне региона, направленной на сглаживание демографических перекосов, возникших вследствие вынужденного оттока населения в другие субъекты страны. С другой стороны, со временем сформировавшаяся специфическая экономическая ниша, в которой в подавляющем большинстве задействованы мигранты. Она представлена сферами общепита, пассажироперевозок, строительной, торговой. Следует отметить также, что экономическая деятельность трудовых мигрантов в Забайкалье в целом и в Чите в частности имеет две существенные особенности, это, во-первых, преобладание низко квалифицированного труда, а во-вторых, его локализация в рамках теневой экономики. Данные особенности оказывают значительное влияние на характер и динамику социокультурной адаптации. Деятельность мигранта в этих условиях ограничивается исключительно экономическими мотивами и не подразумевает под собой каких-либо других видов социальных контактов, что ведет к дальнейшей сегрегации с реципирующим сообществом. К схожим выводам приходит исследователь А. А. Линченко, рассматривающий травму культурной памяти на примере мигрантов в Германии. Он пишет, что «экономические интересы в трудовом виде миграции доминируют над интересами культурными, а большинство трудовых мигрантов рассматривает себя в качестве временных переселенцев» (Линченко, 2020: 2).

Следующим фактором, сопровождающим процесс адаптации мигрантов, является наличие и интенсивность контактов со страной исхода. Существенное влияние на него оказывают интеграционно-глобализационные процессы, стирающие территориальные и временные рамки за счет глобальных сетей. Благодаря современным средствам связи мигранты имеют возможность воспроизводить элементы культурной памяти в новых социокультурных условиях. Удаленность мигрантов от родной страны в современных условиях не влечет за собой выход из ее культурного и информационного пространства, что, безусловно, отражается как на процессе преодоления культурной травмы, так и на дальнейшей адаптации к инокультурной среде.

Также немаловажным фактором выступает настроенность принимающей стороны по отношению к мигрантам, то, какую эмоциональную окраску для реципирующего сообщества несет факт совместного существования на одной территории. В зависимости от преобладающего в принимающем сообществе отношения будет варьироваться глубина, интенсивность и продолжительность культурной травмы. Следовательно, негативный опыт, связанный с общением с представителями коренного населения, может выступить в качестве «триггера», фиксирующего болезненные переживания, запускающего неосознанные реактивные состояния, при которых преодоление культурной травмы становится более продолжительным и трудоемким.

Проблематика исследования подразумевает под собой применение междисциплинарных методов из социологии, философии, антропологической психологии. Среди социологических методов, применяемых в исследовании, выделяется метод анализа статистических данных, который позволил отобразить реальную миграционную ситуацию в городе. Метод экспертного опроса применялся с целью выявления специфики трансляции культурной травмы, особенностей ее преодоления, а также возникающих на пути к социокультурной адаптации трудностей.

Диалектический метод акцентирован на рассмотрении процесса вхождения мигрантов в инокультурную среду с точки зрения взаимного трансформирующего влияния, оказываемого как самими мигрантами на социокультурную ткань региона-реципиента, так и испытывающими трансформирующее влияние последнего на себе. Экзистенциальный подход способствует раскрытию феномена культурной травмы, полагаемой в данном ключе экзистенциальным опытом. Экзистенциализм как одно из идеалистических направлений акцентируется на субъективном состоянии индивида и детерминирует внешнее проявление его жизни внутренними процессами.

Многомерный феномен миграции затрагивает различные сферы жизни общества, она влияет на социальную, экономическую, культурную конъюнктуру региона «исхода» и региона

«реципиента». Однако на уровне индивидуального сознания как самих мигрантов, так и принимающего сообщества миграция также влечет за собой тектонические сдвиги в поведенческих и адаптивных моделях поведения. Эти тектонические сдвиги в сознании мигранта будут настолько выражены, насколько противоположны ценностные императивы культуры страны исхода и культуры принимающей стороны. Столкновение культурных парадигм провоцирует возникновение культурной травмы. Как полагают авторы П. В. Лупуляк, Н. В. Гришина, «мигранту приходится проживать и преодолевать целый ряд специфических психических травм, так называемых “травм мигранта”, называемых в западной литературе “миграционным гореванием”» (Лупуляк, Гришина, 2020: 128). Также в западной традиции распространено понятие «синдром Уиллиса» (англ. Ulysses Syndrome). Dr. Joseba Achotegui определяет «синдром Уиллиса» как сочетание физических и психологических симптомов, с которыми сталкиваются мигранты, переживающие многочисленные стрессы, связанные с миграцией. Он заявил, что этот синдром имеет место при экстремальном уровне стрессоров. Сложный миграционный контекст может включать факторы, вызывающие высокий уровень стресса, такие как: вынужденное разлучение, опасности миграционного пути, социальная изоляция, отсутствие возможностей, ощущение провала миграционных целей, падение социального статуса, крайняя борьба за выживание и дискриминационное отношение в принимающей стране (Синдром Уиллиса...).

Как представляется, понятия культурной травмы и «синдром Уиллиса» не являются синонимичными, они характеризуются детерминированными связями, при которых «синдром Уиллиса» представляет собой клиническое проявление крайней степени культурной травмы, при котором уровень стресса настолько высок, что превышает адаптивные способности индивидуума и приводит к сбою процесса аккультурации (Alba L. Diaz-Cuellar, Henny A. Ringe, David A. Schoeller-Diaz). Он варьируется по степени тяжести и может характеризоваться как психологическими, так и психосоматическими проблемами.

Существующая на сегодняшний день тенденция в области миграции из стран Центральной Азии на территорию г. Читы характеризуется переездом все большего количества семей, в связи с чем можно говорить об адаптации как минимум трех поколений мигрантов. Первое поколение представлено мигрантами трудоспособного, детородного возраста, второе поколение – это дети, рожденные в миграции, но при этом также существует промежуточная форма между этими двумя поколениями, так называемое «полуполное поколение». Это, как правило, дети, мигрировавшие вместе с родителями в возрасте до 16 лет (Рочева, 2011). В соответствии с выделенными категориями мигрантов можно предположить, что каждая из них имеет свою специфику культурной травмы со свойственной им интенсивностью и динамикой.

Итак, культурная травма первого поколения имеет ряд особенностей и на этом фоне контрастирует с остальными двумя поколениями мигрантов. Эти особенности связаны в основном с ведущим значением так называемого «миграционного бэкграунда», который представляет собой внутреннюю систему координат, которую мигрант пытается воспроизвести в миграции, но которая не встраивается в изменившийся социокультурный контекст, что влечет за собой гибридизацию мировосприятия на основании прошлого и настоящего опыта.

Анализ изменений и степени деформации привычных паттернов поведения мигрантов в Чите продемонстрировал следующие особенности, вызванные изменившимися социокультурными условиями. Одной из них является изменение традиционных гендерных ролей. Это выражается в том, что женщины-мигрантки, переехавшие вслед или вместе с мужем в Читу, вынуждены работать, несмотря на традиционные скрепы восточных обществ, оставляющие эту прерогативу за мужчиной. К подобным выводам приходит Е. В. Батенева, она пишет в этой связи, что «даже восточные традиции, закрепляющие за женщиной роль хранительницы домашнего очага, не останавливают мигранток, и порой эти женщины становятся единственными кормильцами семьи» (Батенева, 2013: 90).

Также претерпевает изменения традиционный институт семьи и брака, либерализирующийся, находясь в контексте местной культуры. Это находит отражение в отказе от стихийно-

го деторождения, в том числе с помощью распространения популярности средств контрацепции. Среди мужского населения существует тенденция к пересмотру табуированных традицией моделей межполовых отношений. Так, мужчины-мигранты нередко заводят отношения вне брака, ведут беспорядочную половую жизнь. Одним из результатов чего является высокая доля заражения ЗПП, в том числе ВИЧ-инфекцией.

Отечественные и зарубежные исследователи «полуторного поколения» не приходят к единому определению этой дефиниции. Однако общим местом всех исследований, как отмечает А. Л. Рочева, «является то, что концептуализации полуторного поколения строятся вокруг промежуточного положения этой группы». Для «полуторного поколения» мигрантов в Чите характерна двухуровневая маргинализация, которая, с одной стороны, соотносится с возрастом переезда (подростковый возраст), а с другой – затрагивает «культурные образцы» страны исхода и страны прибытия (Рочева, 2011). Ресоциализация этой категории, непосредственно связанная с образовательным процессом, осложняется наличием трудностей в освоении языка, что является одним из факторов, препятствующих налаживанию коммуникации с представителями принимающего сообщества, а следовательно, являющихся определенным барьером в социокультурной адаптации. Однако, как представляется, травматизация представителей «полуторного поколения» детерминирована не столько внешними, сколько внутренними факторами. Находясь в промежуточном положении по отношению и к «своей», и к «чужой» культурам, эта категория находится в состоянии аномии, что усугубляется давлением со стороны старшего (первого) поколения, транслирующего культурные установки, традиции (в том числе религиозные) страны исхода. Несоответствие культурных образцов принимающего и посылающего сообщества порождает у представителей полуторного поколения культурную травму, характерными признаками которой являются дезориентация, регресс и крайне слабая адаптация к образовательному процессу.

Второе поколение мигрантов в Чите – это, как правило, дети, или уже рожденные в Чите, или привезенные в младшем детском возрасте. В процессе их социализации отсутствуют многие сложности, которые были присущи предыдущим поколениям мигрантов. Среди преимуществ можно выделить раннюю включенность в языковую среду, отсутствие ярко выраженного конфликта культур на уровне индивидуального сознания. Однако в то же время нельзя говорить об отсутствии травмирующих факторов в процессе их социализации. Определяющим фактором является межпоколенческий конфликт (Разрыв поколений...). Продолжающаяся трансляция культурных образцов страны исхода в рамках семьи и культурный контекст страны пребывания, который для второго поколения стал привычен, актуализируют культурную травму, но в меньшей интенсивности, чем у «полуторного поколения» мигрантов.

Таким образом, несмотря на существующие различия в социокультурной адаптации и связанной с ней интенсивностью культурной травмы у рассмотренных трех поколений мигрантов, для всех них характерна общая тенденция к объединению и воссозданию привычной культурной среды через процесс диаспоризации. Как представляется, наиболее характерными адаптивными стратегиями, выбираемыми мигрантами, являются стратегии геттоизации (Кашпур, Поправко, 2012: 92). Диаспора в данном случае представляет собой образование, выполняющее функцию транслятора элементов привычной культурной среды. В рамках диаспоры репрезентация культурных образцов страны исхода приобретает «терапевтический эффект» в процессе проживания культурной травмы мигрантами. Однако процесс «геттоизации» может сопровождаться для принимающего сообщества некоторыми рисками. Так, например, исследователи миграционной ситуации в Европе отмечают тот факт, что неинтегрированные мигранты-мусульмане образуют внутри европейских государств собственные анклавные территории, в которых пытаются возродить свою культурную среду, традиции и устои, что тем самым делает невозможным процесс ассимиляции (Тышкевич, 2021: 49).

Учитывая сказанное, можно заключить, что рассмотрение культурной травмы мигранта с точки зрения экзистенциального подхода позволило осмыслить ее в качестве пограничной

ситуации, сопровождающейся характерными эмоциональными реактивными состояниями, включающими чувство психологической раздвоенности, путаницу в культурной и национальной идентификации, ощущение эмоциональной и экзистенциальной заброшенности, ощущение «социальной смерти». Ситуация пограничного бытия, переживаемая мигрантами, характеризуется промежуточным состоянием между привычным и новым социокультурным контекстом. Именно пограничность и неопределенность порождают экзистенциальное переживание, сопровождаемое дезориентацией и фрустрацией. Культурная травма, имеющая черты экзистенциального переживания, опосредует необходимость поиска адаптивных моделей, способных если и не нивелировать полностью, то уменьшить интенсивность ее влияния.

Воздействие, оказываемое культурной травмой, оказывается подчас разрушительным, в связи с чем ее преодоление, так же как преодоление экзистенциального страха перед небытием, требует от индивида принятия решения – сдаться перед этим страхом или преодолеть его. Экстраполируя сказанное на культурную травму мигранта решение будет заключаться в выборе стратегии адаптации – ассимиляции или сегрегации.

В контексте проведенного анализа адаптации мигрантов в г. Чите рассмотренные три группы, представленные «первым», «вторым» и «полуторным» поколениями, демонстрируют различия в интенсивности и динамике культурной травмы. Для первого поколения свойственна ригидность ментальных установок, а наличие «миграционного бэкграунда» опосредует стремление к следованию традициям страны исхода, что выражается в попытках репрезентации культурных образцов в новых условиях.

Полуторное и второе поколения мигрантов в Чите – это дети, а потому они были в меньшей степени подвержены стрессу в процессе переезда; ответственность за поиск жилья, работы и средств к существованию лежала на первом поколении, что выступило дополнительным стрессогенным фактором для последнего. В свою очередь, полуторное и второе поколения также переживают культурную травму, которая опосредована вхождением в образовательную среду. Согласимся с Е. А. Омельченко, которая отмечает, что «необходимость форсированной адаптации детей к российским образовательным стандартам, не соответствующим уровню знаний, полученных в стране происхождения, создает экстремальные условия, которые и являются травмирующим фактором (Омельченко, 2021: 152). Однако несмотря на принципиальные различия, наблюдаемые в характере культурной травмы у рассмотренных трех поколений мигрантов, универсальным средством их адаптации является диаспоризация. Именно диаспора исполняет роль буфера, смягчающего опыт столкновения с экзистенциальным «другим», создает условия для более комфортного вхождения мигрантов в инокультурную среду.

Литература:

- Александр Дж.** Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6.
- Батенева Е. В.** Женская миграция из стран Центральной Азии: проблемы и особенности. Вестник МГУКИ. 2013. № 1 (51). С. 90.
- Власова О.** Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2010. Серия: Университетская библиотека Александра Погорельского. 23 с.
- Данные ГУЗ ККБ** г. Читы. URL: http://kkib.sibhost.ru/sites/default/files/docs/oper_info2.pdf
- Изменяя родине:** как эмигрантов сводит с ума когнитивный диссонанс. URL: <https://knife.media/poor-immigrants/>
- Кашпур В. В., Поправко И. Г.** Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (Томский кейс) // Вестник ТГУ. 2012. № 354. С. 92.
- Линченко А. А.** Травмы культурной памяти в миграционном и постмиграционном обществе // Человек и культура. 2020. № 1. С. 1–16. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31889 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31889
- Лулуяк П. В., Гришина Н. В.** Факторы негативного самоощущения мигранта в новой стране // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия: Психология. 2020. Т. 10. Вып. 2. С. 128–141. DOI: 10.21638/spbu16.2020.202
- Омельченко Е. А.** Дети из семей мигрантов в Рязанской и Калужской областях: проблемы интеграции в Российское общество // Вестник Чувашского ун-та. 2021. № 2. С. 152.

Разрыв поколений в процессе интеграции трудовых мигрантов по направлениям «Алжир – Париж» и «Азербайджан – Москва». URL: <http://gefter.ru/archive/14010>

Рочева А. Л. «Полуторное» поколение мигрантов: множественная маргинальность (обзор литературы) // Официальный сайт ИС РАН. 2011. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2355>

Тышкевич А. И. Особенности поведения мигрантов-мусульман первого и третьего поколения в странах ЕС // Миграционные мосты в Евразии: глобальное и региональное измерения: сб. тр. / под ред. С. В. Рязанцева, С. Н. Мищук, М. Н. Храмовой. Текстовое (символьное) электронное издание. 219 с.

Штомка П. Социальное изменение как травма. Социологические исследования. 2001. № 1. С. 10.

Синдром Улисса. URL: <https://humantermuem.es/content/ulysses-syndrome/?lang=en>

Alba L. Diaz-Cuellar, Henny A. Ringe, David A. Schoeller-Diaz. The Ulysses Syndrome: Migrants with Chronic and Multiple Stress Symptoms And the Role of Indigenous Linguistically and Culturally Competent Community Health Workers. URL: <http://www.panelserver.net/laredatenea/documentos/alba.pdf>

Ананьина Дарья Александровна.

Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы.

Забайкальский государственный университет.

Ул. Александрo-Заводская, 30, Чита, 672039

E-mail: ananina_1989@mail.ru

Кондакова Наталья Сергеевна.

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии.

Забайкальский государственный университет.

Ул. Александрo-Заводская, 30, Чита, 672039

E-mail: ntlz@list.ru

Терентьева Анастасия Вадимовна.

Старший преподаватель кафедры социологии.

Забайкальский государственный университет.

Ул. Александрo-Заводская, 30, Чита, 672039

E-mail: bardanastasya@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2022 г.

D. A. Ananyina, N. S. Kondakova, A. V. Terentyeva

**PERSPECTIVES FOR THE CONSIDERATION OF CULTURAL TRAUMA IN THE LIGHT
OF AN EXISTENTIAL APPROACH USING THE EXAMPLE OF THE ADAPTATION PROCESS
OF MIGRANTS TO THE SOCIO-CULTURAL CONDITIONS OF A SMALL TOWN
(USING THE EXAMPLE OF CHITA IN THE TRANSBAIKALIA REGION)**

Today's social agenda emphasizes the need to pay special attention to the processes accompanying migration to the Transbaikal region. In the past, the low population density of the region, combined with unfavorable socio-economic and climatic conditions that gave additional impetus to the decline of the indigenous population, contributed to an increase in migration flows from Central Asia. The changing quantitative ratio of the share of migrants in the urban population determines the reshaping of social institutions to meet their needs, and also provides an opportunity to study phenomena that have arisen as a result of migration. The socio-cultural adaptation of migrants implies a formal insertion into the receiving party's cultural context and a psychological restructuring to meet the demands of a new cultural space. The existential experience migrants undergo when they realize the inapplicability of their previous mental attitudes to a new situation is associated with a significant stressor, which in this study is viewed through the prism of cultural trauma. At the same time, success in coping with trauma depends largely on factors such as the presence of a "migration background", the age of migration, and the specifics of experiences in relationships with representatives of the host society.

Keywords: *cultural trauma, migrants, frustration, existential approach, identity, self-concept*

References:

Alexander Dz. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural trauma and collective identity] // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2012. No. 3. P. 6 (in Russian).

- Bateneva E. V.** Zhenskaya migratsiya iz stran Tsentral'noy Azii: roblem i osobennosti [Female migration from Central Asian countries: problems and features] // Vestnik MGUKI. 2013. No. 1(51). P. 90 (in Russian).
- Vlasova O.** Fenomenologicheskaya psikhiaetriya i ekzistentsial'nyy analiz: Istoriya, mysliteli, roblem [Phenomenological psychiatry and existential analysis: History, thinkers, problems]. M.: Izdat. Dom «Territoriya budushchego», 2010. Seriya: Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo. 23 p.
- Dannyye GUZ KKB** g. Chity. URL: http://kkib.sibhost.ru/sites/default/files/docs/oper_info2.pdf
- Izmenyaya rodine:** kak emigrantov svodit s uma kognitivnyy dissonans [Changing the motherland: how emigrants are driven crazy by cognitive dissonance]. URL: <https://knife.media/poor-immigrants/>
- Kashpur V. V., Prpravko I. G.** Sotsiokul'turnaya adaptatsiya migrantov: roblem i strategii (Tomskiy keys) [Socio-cultural adaptation of migrants: problems and strategies (Tomsk case)] // Vestnik TGU. 2012. No. 354. P. 92 (in Russian).
- Linchenko A. A.** Travmy kul'turnoy pamyati v migratsionnom i postmigratsionnom obshchestve [Traumas of cultural memory in migration and post-migration society] // Chelovek i kul'tura. 2020. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31889 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31889 (in Russian).
- Lupulyak P. V., Grishina N. V.** Faktory negativnogo samooshchushcheniya migranta v novoy strane [Factors of a migrant's negative self-perception in a new country] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Seriya: Psikhologiya. 2020. Vol. 10, Iss. 2. P. 128–141. DOI: 10.21638/spbu16.2020.202 (in Russian).
- Omelchenko E. A.** Deti iz semey migrantov v Ryazanskoy i Kaluzhskoy oblastiakh: roblem integratsii v Rossiyskoye obshchestvo [Children from migrant families in the Ryazan and Kaluga regions: problems of integration into Russian society] // Vestnik Chuvashskogo un-ta. 2021. No. 2. P. 152 (in Russian).
- Razryv pokoleniy** v protsesse integratsii trudovykh migrantov po napravleniyam «Alzhir – Parizh» i «Azerbaydzhan – Moskva» [Generation gap in the process of integration of migrant workers in the directions “Algeria – Paris” and “Azerbaijan – Moscow”]. URL: <http://gefter.ru/archive/14010>
- Rocheva A. L.** «Polutornoye» pokoleniye migrantov: mnozhestvennaya marginal'nost' (obzor literatury) [“One and a half” generation of migrants: multiple marginalities (literature review)] // Official website of IS RAS. 2011. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2355>
- Tyshkevich A. I.** Osobennosti povedeniya migrantov-musul'man pervogo i tret'yego pokoleniya v stranakh YES [Features of the behavior of Muslim migrants of the first and third generation in the EU countries] // Migratsionnyye mosty v Yevrazii: global'noye i regional'noye izmereniya: sb. Tr. / pod red. S. V. Ryazantseva, S. N. Mishchuk, M. N. Khamovoy. 219 p.
- Shtomka P.** Sotsial'noye izmeneniye kak travma [Social change as a trauma] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2001. No. 1. P. 10 (in Russian).
- Sindrom Uilissa** [Ulysses syndrome]. URL: <https://humantermuem.es/content/ulysses-syndrome/?lang=en>
- Diaz-Cuellar A. L., Ringe H. A., Schoeller-Diaz D. A.** The Ulysses Syndrome: Migrants with Chronic and Multiple Stress Symptoms And the Role of Indigenous Linguistically and Culturally Competent Community Health Workers. URL: <http://www.panelserver.net/laredatenea/documentos/alba.pdf>

Ananyina Darya Aleksandrovna.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work.

Transbaikal State University.

Alexandro-Zavodskaya St., 30, Chita, Russia, 672039.

E-mail: ananina_1989@mail.ru

Kondakova Natalia Sergeevna.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy.

Transbaikal State University.

Alexandro-Zavodskaya St., 30, Chita, Russia, 672039.

E-mail: ntlz@list.ru

Terentyeva Anastasia Vadimovna.

Senior Lecturer of the Department of Sociology.

Zabaikalsky State University.

Alexandro-Transbaikal St., 30, Chita, Russia, 672039.

E-mail: bardanastasya@mail.ru

Л. Н. Арбачакова

СОВРЕМЕННЫЕ (НЕО) ШАМАНЫ ГОРНОЙ ШОРИИ

На примере шаманского обряда *шачыг* (окропление, угощение духов гор и рек) рассматривается обрядовая деятельность так называемых современных шаманов, которые не проходили через муки «шаманской болезни». Их «открывает» более опытный человек из местных, иногда они проходят курсы обучения у хакасских или тувинских шаманов и имеют подтверждающие документы. Некоторые камы также рассказывали о наследовании шаманского дара внутри семьи от дедушек или бабушек.

Обряд *шачыг* был проведен в 2019 г. в г. Таштагол С. Тенешевым (1973 г.р.) и др. шаманами во Всемирный день коренных народов мира. Сразу же в начале камлания называется причина проведения обряда, перечисляются самые «болевые» актуальные проблемы в целом народа или конкретного коллектива участников, которые разрешимы с помощью высших сил. На примере обрядового текста было выявлено, что язык ритуальных текстов снижен до бытового уровня и весьма скуден. В рассмотренном тексте С. Тенешева встречаются русизмы, междометные возгласы, наименования географических объектов природы (например, гора Мустаг), Бельково (пригород Таштагола), но отсутствуют архаизмы и лексика, связанная с шаманизмом, а также нет иносказаний, сравнений и других выразительных средств, характерных для более ранних записей камланий. Он лишь упомянул бога Кудая, духов гор и рек, а также духа огня. Однако сам обряд отличается обильным угощением духов рек и гор, использованием ритуальных предметов во время обряда (бубна *тjүр*, кай-комуса) и наличием национальных костюмов. Во время камлания С. Тенешев вместе с другими шаманами просил у различных духов *эзи* величественного праздника, благословения и различных благ всем шорцам, присутствующим на празднике: сохранения людьми родного языка, богатства, прироста скота, деторождения, здоровья, счастья, удачи.

Данный обряд особенно интересен тем, что в условиях глобализации с уходом аутентичных носителей традиционного мировоззрения в современном обществе есть спрос на возрождение и поддержание национальных традиций путем реконструкции и популяризации ритуалов шаманизма, так называемый неошаманизм. Для исследователей очень важно зафиксировать эти процессы, проанализировать материально-этнографическую и текстовую составляющие «новых» ритуалов, в будущем сравнив их с зафиксированными в XX в. аутентичными шорскими камланиями и с общемировыми тенденциями неошаманизма.

Ключевые слова: шаманизм, шорские шаманы, обряд, костюм, окропление духам, души шамана, язык

Исследование шаманизма

Изучение шаманской традиции шорцев началось в девятнадцатом веке православными миссионерами (Вербицкий, 1993), в двадцатом веке оно продолжилось преимущественно этнографами и антропологами, в частности: И. Д. Хлопиной (Хлопина, 1978), Л. П. Потаповым (Потапов, 1991), Н. П. Дыренковой (Дыренкова, 1940), Н. А. Алексеевым (Алексеев, 1984), Д. А. Функом (Функ, 2005) и др. Современную традицию исполнения шаманского ритуала без бубна выявила и с 1994 по 2003 г. фиксировала и изучала Л. Н. Арбачакова, иногда совместно с другими исследователями (Арбачакова, 2002; Назаренко, Арбачакова, 1999). Исследования музыки и текста шаманских ритуалов шорцев продолжают Г. Б. Сыченко, Л. Н. Арбачаковой и другими исследователями (Сыченко, 2001; 2002; Арбачакова, Кузьмина, 2018).

Известно, что в Горной Шории с середины XIX в. действовали православные миссионеры, насаждавшие христианство. О роли алтайской православной миссии, распространившей свое влияние на всю Кузнецкую тайгу, писала Н. П. Дыренкова, которая отметила, что исследования языка и традиций шорцев велись «для успешности религиозной пропаганды» (Шорский фольклор, 1940: VI). В результате работы миссионеров большинство шорцев были крещены и приняли православие. Тем не менее, как отмечал этнограф В. М. Кимеев, «...до конца ни В. Вербицкому, ни продолжателям его дела так и не удалось искоренить языческие религиозные обряды и верования» (Кимеев, 1989: 111).

Несмотря на деятельность миссионеров, запреты, насаждение атеизма и преследования действующих шаманов, шаманская традиция продолжала свое существование. Мы наблюдали

и документировали деятельность семи шаманов-камов в Южной Шории, начиная с 1994 г. Все они прошли через «шаманскую болезнь», свидетельствующую об избрании духами (Арбачакова, 2002: 335). Каждый из них имел или имеет своих духов-помощников, в качестве родовой горы назывались Мустаг или Каратаг, общим верховным божеством у них считается Бай/Пай-Ульгень или Ульген-хан. Г. Б. Сыченко пишет: «Никаких побочных мотивов (престижность, возможность заработка и т. п.) ни у кого из них (у ее информантов – автор) не было, отсутствовало и стремление к организованным корпоративным формам существования, что типично для так называемого “неошаманизма”» (Сыченко, 2010).

В практике тех шорских камов отсутствовал один из главных атрибутов обряда – бубен, который при исполнении ритуала камлания у них заменялся *шорбу* (пучок березовых веток), полотенцем, платками и др. Все они камляли в повседневной одежде, не имея специального облачения, что отмечалось исследователями и ранее, в XIX в. (Вербицкий, 1993).

Новые (нео) шаманы

В последние годы обряд *шачыг* в культуре шорцев является наиболее популярным. Сегодня такие обряды проводят современные *камы* (неошаманы или *кӱспекчи* ‘видящие’), не прошедшие через муки «шаманской болезни», например: в г. Междуреченске Г. Толтаева (1957 г.р.), в Таштаголе и в селах Таштагольского района: в с. Александровка Г. Тептегешев (1968 г.р.), в п. Шерегеш И. А. Идимешев (1964 г.р.), в с. Кичи А. Г. Тудегешев (1975 г.р.); в Таштаголе В. Е. Кушакова (1964 г.р.), и С. М. Башев (1971 г.р.) и др. Однако некоторые рассказывали о наличии шаманского дара внутри семьи: по словам И. Идимешева, его бабушка была известной шаманкой.

Некоторые из шаманов относятся к тем людям, которых «открыли» коллеги-камы из Хакасии или Тувы; или же они прошли там курсы обучения и имеют удостоверения шаманов, выданных им классифицированными учителями. Например, междуреченская шаманка Галина Толтаева, по ее словам, прошла обучение в Хакасии и стала практиковать камлание после получения в 2013 г. удостоверения шамана-целителя. Своим наставником она считает известного хакасского кама В. Н. Чебочакова, посвятившего ее в шаманы (из телефонного разговора от 02.02.2021 г.). В. И. Харитоновна отмечала: «Надо заметить, что речь идет о современных сценариях посвящений, так как в Хакасии к моменту “возрождения” шаманизма не осталось ни одного посвященного шамана (последний из них, принадлежавший также к роду “семи волков”, ушел из жизни в 1975 г.); сам В. Н. Чебочаков искал возможность традиционного посвящения, обращаясь в том числе к бабушке Сарго...» (Харитоновна, 2016: 120).

В 2014 г. Кызыльская местная религиозная организация шаманов «АДЫГ ЭЭРЕН» (Дух медведя) вручила удостоверение С. М. Башеву из Шории, прошедшему обучение у тувинских коллег из Кызыла. В Таштаголе камов «открывает» В. Е. Кушакова (девичья фамилия Байлагашева 1964 г.р.), которая не знает, как себя называть: *камом* или *кӱспекчи* ‘видящей’; но она, по ее словам, «открывает шаманов». С недавних пор по ее рекомендации обряды могут проводить С. М. Башев, Н. М. Шипеева (девичья фамилия Башева 1974 г.р.) и др.

Сегодня шаманы востребованы, их приглашают не только на семейные обряды (лечение больных), но и коллективные праздничные мероприятия. Например, в марте 2018 г. на территории краеведческого музея в г. Междуреченске был проведен праздник встречи шорского Нового года *Чыл-Пажы*, где Г. М. Толтаева провела обряд *шачыг* – окропление, угощение духов гор и рек, направленный на испрошение благополучия людей, проживающих на территории Горной Шории (<http://idkontakt.ru/news/gorod/3324>).

По сообщению информационного агентства «Красная Весна», 27 марта 2020 г. кузбасские шаманы провели обряд, попросив у духов защиту от коронавируса: «Шаманский обряд для благополучия населения провели на горе Югус на юге Кемеровской области. У статуи “Хозяйки

тайги» шаман Галина Толтаева задобрила духов» (<https://rossaprimavera.ru/news/1a4dcc98>). По словам шаманки, она обращается к духам горы и рек по-русски, так как она проводит обряд для благополучия всех жителей региона (из телефонного разговора от 02.02.2021 г.).

По воспоминаниям старожилов, весенний обряд *шачыг* (окропление духам – хозяевам местности: гор, рек, тайги) раньше проводил шаман (*кам*). Л. Н. Акушакова (1930–2020) рассказывала, что раньше в Усть-Кабырзе *шачыг* совершали обычно весной, перед тем, как тронется лед, для того, чтобы он «хорошо ушел», а также окропляли горы, чтобы птицы-звери размножались и умножались. При совершении *шачыга* обычно обращались к хозяевам крупных гор и рек, находящихся в данной местности (Фольклор шорцев, 2010: XX).

Обряд *шачыг*

В данной статье мы рассмотрим групповой обряд *шачыг*, проведенный в Таштаголе в августе 2019 г. С. Тенешевым (1973 г.р.) и др. шаманами во время празднования Всемирного дня коренных народов мира. Была сделана аудиозапись этого обряда (фото А. Н. Арбачакова), в котором одновременно принимали участие и другие камы: Г. Тептегешев угощал духов и произносил благопожелания, И. Идимешев камлал с использованием ритуального предмета – бубна *түүр*, А. Тудегешев очищал огнем участников ритуала. Во время обряда он обходил вокруг костра, играя на кай-комусе и кайлара, и просил благополучия всем.

Обряд *шачыг* проводился шаманами у костра, все они были облачены в стилизованные национальные костюмы, головы их были покрыты платком (И. Идимешев), шапкой (С. Тенешев) или кепкой (Г. Тептегешев). Сначала С. Тенешев, начиная шаманить (кайларить), играл на музыкальном двухструнном *кай-комусе*, И. Идимешев бил в бубен, а Г. Тептегешев, проговаривая благопожелания, постоянно угощал хозяина огня либо напитками (молоко, абыртка), либо мясом, пирожками и др. продуктами (в это время была сделана фонозапись с благопожеланиями Г. Тептегешева). Следующая запись сделана от С. Г. Тенешева, который, положив *комус* у костра, стал проводить обряд *шачыг*, держа в руке полотенце. В процессе камлания один раз он обратился к Г. Тептегешеву, чтобы он дал ему напиток *абыртку* для угощения духов.

По словам С. Тенешева, обряд *шачыг* проводился для того, чтобы *пайрам улулгалзын тең, ... көдүрүлзин тең* ‘...чтобы праздник-пайрам возвеличить, ...чтобы его поднять’. С. Тенешев считает, что к нему перешли духи-*төстөр* от его прабабушки, которая была сильной шаманкой. По его словам, его «не открывали» и шаманской болезнью он не болел, однако что-то ему *көрүнгөн* ‘виделось’, например: *йналар, кижилер* ‘черти, люди’.

Во время нашей встречи с С. Тенешевым в январе 2020 г. и беседы с ним он высказал свое сожаление о том, что сегодня он не камлает, так как: *Қамнарға пербенчалар, чол чабысқаннар, Қудай пойы чабысқан* ‘Не дают камлать, дорогу закрыли. Кудай сам закрыл’. Позже он уточнил: *«Меең қудай пойу түжүп, қам чолун кезе шабысқан, сеең чолуң эбес тепкел. Сеең чолуң қайчы чол тепкел. Ам мага нигижарақ»* ‘Мою дорогу шамана бог-Кудай сам, спустившись, разрубил, сказав: «Это не твоя дорога. Твоя дорога – дорога сказителя-кайчи». Теперь мне чуть полегче’ (из разговора по телефону).

По словам С. Тенешева, он перенял манеру камлания от В. С. Адьякова, прослушав компакт-диск с исполнением обряда «Ловля души» *Қут қабарға*, включенного в том «Фольклор шорцев» (Фольклор шорцев, 2010). До публикации книги он проговаривал слова, а не пропевал. Действительно, оба шамана начинают камлать с междометного возгласа: *А-хей / А-эй* (С. Тенешев); *А-эй / Э-эй* (В. С. Адьяков), их также объединяет мелодия песенного исполнения обряда. Междометие непереводимо, может быть, оно направлено как на самого камлающего (например, с целью собраться с мыслями) или на присутствующих, чтобы повести их в путь за шаманом.

В содержании и составе шаманского камлания в исполнении С. Тенешева, как и в традиционном камлании В. Адыякова (призывание духов-помощников, поиски и ловля души, возвращение души и облачение пациента в железный панцирь), можно выделить три основных этапа, а также характерные только для С. Тенешева зачин и концовку. Зачин начинается с обращения камлающего к высшим силам с просьбой защиты, возможности «видения» в этот день, а также с воображаемого вопроса *тегридең* `с небес` и ответа шамана, для чего проводится обряд: *А-хей, тадердиң / А-хей, улуғ пайрамы / А-хей, көдүрзин тең / А-хей, ақ чарықты / А-хей, улуғ ползун / А-хей, тадер тили / А-хей, үзүлбес ползун! 'А-хей, шорский / А-хей, большой праздник / А-хей, чтобы поднять / А-хей, чтобы Белый свет / А-хей, был величавым / А-хей, шорский язык / А-хей, чтобы не оборвался!'* (рукопись обряда).

Сразу же в начале камлания называется причина проведения обряда, перечисляются самые «болевые» актуальные проблемы в целом народа или конкретного коллектива участников, которые разрешимы с помощью высших сил. Для сравнения приведем начало обряда *шачыг*, проведенного другим шаманом Г. Тептегешевым (в указанное выше время). Он сразу же приступил к угощению слабоалкогольным напитком *абыртқа* соседних гор и хозяина огня: *Поң тайгаларға, шөк! / Қырық тиитиг отқа, шөк! 'Этой тайге, шөк! / Огню, имеющему сорок зубов, шөк!'*.

В основной части ритуала С. Тенешев переходит непосредственно к призыванию духов-помощников. По словам шамана, он призывает в помощники хозяев горы, рек и даже белое (святое) сияние от великих звезд: *ала тагдың* `пестрой горы (хозяин)`, *Пырас-суғ ... суғ ээзи* `хозяин реки ... реки-Мрассу` и др., которые поочередно называются перед камлающим: *А-хей, ала тагдың / А-хей, улуғ ээзи* `А-хей, великий хозяин / А-хей, пестрой горы`; *Пырас-суғ ...суғ ээзи*, `хозяйка ... реки-Мрассу`, *улуғ чылтыстардың / А-хей, ақ чарығы* `... великих звезд / А-хей, белый свет`.

В данном примере С. Тенешев назвал хозяев реки по названию реки-Мрассу, а имена гор не названы. В. Адыяков призвал своих духов-помощников, называемых им *оол-қыстарым* `мои парни-девушки`, в самом начале камлания. Среди них есть один дух по имени *қаары-құрый Медек-тийим* `старый-почтенный Медек-пий` (Фольклор шорцев, 2010). Н. Р. Ойноткинова отмечает, что алтайские шаманы также за помощью часто обращались «к духам – хозяевам почитаемых гор» (Ойноткинова, 2019). Н. П. Дыренкова писала: «Пропустить или забыть назвать во время моления какую-либо гору считается опасным для всех участников моления. Особенно же это опасно для совершающего моление – он не будет иметь удачи на промысле» (Дыренкова, 2012: 171).

Кроме этого, С. Тенешев обратился к хану Кудаю, хану-отцу, создавшему язык, к *от эзи* `хозяину огня`. Всех их шаман призывает для того, чтобы праздник прошел на высоком уровне (досл.: на подъеме), чтобы сохранялся шорский язык, чтобы люди становились лучше. Сам шаман в свою очередь окропляет все горы и реки, находящиеся рядом, угощает их традиционным блюдом талканом (обжаренные и перемолотые зерна ячменя). К хану Кудаю шаман обращается с просьбой несколько раз, например: очистить людей от грехов и лично облачить их в панцирь: *А-хей, қыйаларың / А-хей, чара шаб-одур, ...А-хей, пойуң қолуңма / А-хей, иштинен ташының / А-хей, қуяқтыб-одур! 'А-хей, хан-Кудай наш / А-хей, грехи / А-хей, пополам рассеки / А-хей, вниз опускайся / А-хей, своими руками / А-хей, внутри-снаружи / А-хей, в панцирь облачи`.*

Как показали более ранние экспедиционные материалы, в процессе камлания почти все исполнители «обращаются к Ульгену, верховному божеству шаманского пантеона, с большим пиететом, подчеркивая его высокое положение и избранность. Например, В. Адыяков называл Ульгена `хан-Ульген` – каан-Ўлген. Е. Тодыякова во всех своих обрядах наделила его эпитетом `великий` – улуғ Ўлген» (Арбачакова, Кузьмина, 2018: 75).

В завершающей части С. Тенешев произнес благопожелание: *А-хей, парчын төлиң / А-эй пайрамнарың / А-эй, өре полар! А-ей, көрб-одуларыбыс / А-хей, қайлб-одуларыбыс / А-хей, ин-*

диг чаргы шийчабыс / А-эй, чабыс пербенчабыс / А-эй, өзүг (рост) перчабыс ‘А-хей, весь род / А-эй, на праздник / А-эй, будет высоко / А-ей, будем смотреть / А-хей, будем кайларить / А-хей, такое решение прочертили / А-эй, низко не даем / А-эй, рост даем’.

С. Тенешев просил духов ээзи, чтобы праздник удался, прошел на высокой (величественной) ноте, для этого шаман окроплял все горы и реки Шории: *Аэй, улуг-кичиглерге / Улуг сугларга шөк / А-хей, ақтыг-арыг тагларга, шөк / А-хей, улуг тагларга, шөк / А-эй, кичиг сугларга / Шөк, шөк, шөк!* ‘Аэй, большим-малым / Большим рекам шөк / А-хей, честным, чистым горам шөк / А-хей, большим горам шөк / А-эй, малым рекам / Шёк, шёк, шёк!’.

Н. П. Дыренкова отметила, что во время окропления «...полагают, что хозяева гор и рек приходят на зов молящихся к месту жертвоприношения и невидимым образом угощаются. Если же на напиток, которым им брызжется, наступят люди, то хозяева из брезгливости уйдут, не выпив вина, что повлечет за собою их гнев и отсюда несчастье» (Дыренкова, 2012: 171).

После окропления духам гор и хозяйки огня Г. Тептегешев на протяжении всего обряда произносил слова благопожеланий собравшимся на праздник, а также всем шорцам. Он желал всем людям открытой дороги, чтобы они жили благополучно, чтобы дети росли послушными, чтобы в реке водилась рыба, в лесу обитала дичь. Попутно он обращался к духу огня (*от ээзи*), чтобы чурт народа *тадер* был облачен в панцирь: *Чуртелерин тадер қалықтың / Пистерің чақшы қуяқтабодуар, шөк!* ‘Шорского народа чурт / Пусть хорошо облачит в панцирь, шёк!’.

В концовке обряда камлания С. Тенешев, облачив присутствующих в защитный панцирь *қуяқ*, отправляет назад с места проведения обряда (с. Бельково) своих призванных помощников. Сам же он остается праздновать там: *А-эй, чуртумға наньп / А-хей, келчадым / А-эй Бельковаға / А-эй, чардып турдум.* ‘А-эй, в свой чурт возвращаясь / А-хей, придя / А-эй, в Бельково / А-эй, стоял, освящая’.

Г. Тептегешев в конце обряда обратился к девяти творцам, чтобы они дали ему и всем людям сил, чтобы все было хорошо: *Тоғус чайаңнар күй перар... шөк! / Пес небе чииш чақша ползун, шөк!* ‘Девять творцов-чаянов пусть силы дают, шёк! / Вся пища пусть будет хорошей, шёк!’.

Язык шаманских призываний

В тексте С. Тенешева встречаются русизмы, междометные возгласы, наименования географических объектов природы (например, гора Мустаг), Бельково (пригород Таштагола).

Отметим также, что текст, состоящий из 1, 2, 3 слов, у С. Тенешева пестрит эпитетами: *улуг* ‘великий/большой’ (24 раза) (им также употреблены глаголы, образованные от основы *улуг*: *улуглаб-одуар* / *улуглап-келип* ‘возвеличивает/возвеличивая’), *ақ*- *ақтыг* ‘священный’ (30 раз); *арыг* ‘чистый’ (13 раз); *чарық* ‘светлый’ (7 раз), это слово в другом значении *чарық* ‘свет’ в сочетании *ақ чарық* ‘белый свет’ используется еще чаще (12 раз). У Г. Тептегешева не так часты эпитеты: *улуг* ‘великий/большой’ (4 раза), *чақша* ‘хорошо/хороший’ (7 раз).

В более ранних шаманских записях, помимо эпитетов, состоящих из одного слова-определения и имеющих сакральное значение (*ақ шачыг* ‘священное угощение’; *ақ қазың* ‘священная береза’), часто встречаются развернутые эпитеты, состоящие из 2–3 слов: ‘пышноголовая священная береза’ *парақ паштыг пай қазынаш*; ‘шестиглазые пестрые слепни’ *алты көстүт ала маас*. Большинство эпитетов, встречающихся в обрядовых текстах, имеют сакральное значение: ‘священная гора’ *ақ тайға*; ‘черный гусь’ *қара кас* (Арбачакова, Кузьмина, 2018: 76).

Личное присутствие шамана в камлании В. Адьякова передано употреблением местоимения *мең* ‘мой’, использованием посессивного и личного аффикса 1-го лица единственного числа *-ым, -им, -м* (*мең чарнымға* ‘на мои плечи’, *терерим* ‘я собираю’; оол-қыстарым ‘мои парни-девушки’). С. Тенешев, помимо использования аффиксов первого лица единственного числа *-ым, -им, -м*, в камлании входит в личный контакт с высшими силами, отвечая о цели камлания.

С. Тенешев вместе с другими шаманами просил у различных духов *ээзи* величественного праздника, благословения и различных благ всем шорцам, присутствующим на празднике: сохранения людьми родного языка, богатства, прироста скота, деторождения, здоровья, счастья, удачи.

Необходимо отметить то, что традиционные художественно-изобразительные средства камланий включают слои архаичной и шаманской лексики, которые «в современном разговорном языке уже не употребляются» (Арбачакова, Кузьмина, 2018, с. 76). В рассмотренном тексте С. Тенешева отсутствуют архаизмы и лексика, связанная с шаманизмом, а также нет иносказаний, сравнений и других выразительных средств, характерных для более ранних записей камланий. Он лишь упомянул бога Кудая, а также различных духов: духов гор *таг ээзи*, рек *суз ээзи* и дух огня *от ээзи*.

Таким образом, современные (нео)шаманы, не прошедшие «шаманскую болезнь», но желающие камлать, получают какие-либо документы от хакасских или тувинских коллег, разрешающих проводить религиозные обряды, или их «открывает» более опытный шаман из местных. Однако некоторые камы также рассказывали о наследовании шаманского дара внутри семьи (в основном от бабушек).

Следует отметить, что язык ритуальных текстов снижен до бытового уровня и весьма скуден, хотя сам обряд отличается обильным угощением духов рек и гор, активным использованием ритуальных предметов во время обряда (бубна, кай-комуса) и наличием национальных костюмов.

Данный обряд особенно интересен тем, что в условиях глобализации, с уходом аутентичных носителей традиционного мировоззрения в современном обществе есть спрос на возрождение и поддержание национальных традиций путем реконструкции и популяризации ритуалов шаманизма, так называемый неошаманизм. Для исследователей очень важно зафиксировать эти процессы, проанализировать материально-этнографическую и текстовую составляющие «новых» ритуалов, в будущем сравнив их с зафиксированными в XX в. аутентичными шорскими камланиями и общемировыми тенденциями неошаманизма.

Литература:

- Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. 232 с.
- Арбачакова Л. Н. Современные шорские шаманы и их атрибуты // Сибирский музыкальный альманах, 2002. № 3. Новосибирск, 2004. С. 334–339.
- Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. Поэтика текстов шорских камланий // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2018. Вып. 2 (20). С. 75–79.
- Арбачакова Л. Н. Поэтика текста камлания «Эски чурт» // Мельниковские чтения: материалы Второй региональной научно-практической конференции. Новосибирск: ООО Издат. дом «Сова», 2006. 295–301 с.
- Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Москва, 1893 (репринтное издание, Горно-Алтайск, 1993). 268 с.
- Дыренкова Н. П. Вода, горы и лес по воззрению турецких племен Алтайско-Саянского нагорья // Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012, с. 173 (408 с.) (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. VI).
- Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Кемерово: Кемеровское книжное изд-во. 1989 г. 187 с.
- Назаренко Р. Б., Арбачакова Л. Н. Шаманская традиция шорцев: музыка и поэтика // Алтай и Центральная Азия: Культурно-историческая преемственность. Горно-Алтайск, 1999. С. 261–263.
- Сыченко Г. Б. Типология шаманского интонирования шорцев // Народная культура Сибири: материалы X науч.-практич. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2001. С. 82–87.
- Сыченко Г. Б. Корреляция вербальной и музыкальной структур шорского шаманского текста // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2002. № 4. С. 60–65.
- Сыченко Г. Б. Музыкально-поэтические традиции шорского фольклора // Фольклор шорцев / сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 29) С. 41–71.
- Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Ленинград, 1991. 319 с.
- Ойноткинова Н. Р. Концепты JARҒЫ 'суд, решение', 'благодать, благо' и БЫЙАН 'благословение', 'благо, благодать' в шаманских текстах алтайцев. Сибирский филол. журнал № 4. Новосибирск, 2019. С. 33–46.

Фольклор шорцев / сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 29).

Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 398 с.

Шорский фольклор / зап., пер., вступ. ст., примеч. Н. П. Дыренковой. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.

Харитонова В. И. «А у нас все шаманы - православные...»: современный (нео)шаманизм и проблема культурной идентичности // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 105–133.

Хлопина И. Д. Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. С. 70–89. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/1a4dcc98>; <http://idkontakt.ru/news/gorod/3324>

Арбачакова Любовь Никитовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: anzass@mail.ru

Материал поступил в редакцию 27 ноября 2022 г.

L. N. Arbachakova

MODERN (NEO-)SHAMANS OF MOUNTAIN SHORIIA

In this article, using the example of the shamanic ritual *Shachyg* (sprinkling, treatment of the spirits of the mountains and rivers), the ritual activity of the so-called modern shamans who have not undergone the ordeals of the “shamanic disease” is considered. They are “discovered” by a more experienced local who has sometimes attended training courses with Khakass or Tuvan shamans and has the relevant credentials. Some *Kams* also spoke of the shamanic gift being inherited within the family from grandfathers or grandmothers.

The *Shachyg* ritual was performed in 2019 in Tashtagol by S. Teneshev (born in 1973) and other shamans on the Day of Indigenous Peoples of the World. At the beginning of the ritual, the reason for the ceremony is stated, and the most “painful” current problems of the whole people or a certain group of participants are listed, which can be solved with the help of higher powers. The example of a ritual text has shown that the language of ritual texts is reduced to the everyday level and is very poor. In the text of S. Teneshev that we studied, there are Russicisms, interjective exclamations, names of geographical places (e.g., the mountain Mustag), Belkovo (a suburb of Tashtagol), but no archaisms and vocabulary connected with shamanism, and there are no allegories, similes and other means of expression characteristic of earlier records of rituals. He mentions only the god *Kudai*, the spirits of mountains and rivers, and the spirit of fire. However, the ritual itself is characterized by detailed treatment of the spirits of rivers and mountains, the use of ritual objects during the ritual (tambourine *tjʉr*, *kai-komus*), and the presence of national costumes. During the ritual, S. Teneshev, together with other shamans, asks various *eezi* spirits for a majestic holiday and blessings for all the Shors present: people preserving their native language, wealth, growth of livestock, childbearing, health, happiness, and good luck.

This ritual is particularly interesting because in the context of globalization, with the departure of the authentic carriers of the traditional worldview in modern society, there is a demand for the revival and maintenance of national traditions through the reconstruction and popularization of shamanistic rituals, the so-called “neo-shamanism”. It is very important that researchers record these processes, analyze the material, ethnographic, and textual components of the “new” rituals, and compare them in the future with the authentic shamanic rituals recorded in the 20th century and with the global trends of neo-shamanism.

Keywords: *shamanism, Shor shamans, ritual, costume, spirit sprinkling, shaman's spirits, language*

References:

Alekseev N. A. Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Shamanism of Turkic language peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 232 p.

Arbachakova L. N. Sovremennye shorskie shamany i ikh atributy [Modern Shor shamans and their attributes] // (Siberian Musical Almanac) 2002. No 3. Novosibirsk. 2004. P. 334–339.

Arbachakova L. N., Kuz'mina E. N. Poetika tekstov shorskih kamlanij [The poetics of the Shor shamanic ritual texts] // (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology) Tomsk. 2018. Vyp. 2 (20). P. 75–79 (in Russian).

- Arbachakova L. N.** Poetika teksta kamlanija "Eski Churt" [Poetics of the text of shamans rite "Eski Churt"] // ("Melnikov readings": materials of the second regional scientific-practical conference) Novosibirsk. OOO Izdatelskiy dom "Sova". 2006. P. 295–301.
- Verbitskiy V. I.** Altaiskie inorodtsy / Etnograficheskii otd. Imp. ob-va lubitelei estestvoznania, antropologii i etnographii, sostoyashego pri Mosk. un-te [Altay natives / The ethnographic Department of the Imperial Society of natural sciences, anthropology and ethnography, consisting at the Moscow University. M., 1893. 270 p.
- Dyrenkova, N. P.** Voda, gory i les po vozzreniu turetskikh plemen Altaisko-Sayanskogo nagor'ia [Water, mountains, and forest according to the opinion of the Turkish tribes of the Altai-Sayan highlands] // Dyrenkova, N. P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy [Sayan-Altai lurks. Articles and ethnographic materials]. Compiled, edited, and commented by D. Arzyutov, I. Nevskaya, L. Pavlinskaya, C. Schönig. SPb: MAE RAS, 2012. 173 p.
- Kimeev V. M.** Shortsyy. Kto oni? [Shorets. Who are they? Ethnographic essays]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1989. 189 p. (in Russian).
- Nazarenko R. B., Arbachakova L. N.** Shamanskaja tradizija shorzev: muzyka i poetika // Altaj i zentral'naja Azija: Kulturno-istoricheskaja preemstvennost. Gornogo-Altajsk, 1999. P. 261–263.
- Sychenko G. B.** Tipologija shamanskogo. Intonirovanija shorzev // Narodnaja kultura Sibiri: materialy X nauchn.-praktich. ceminara Sibirskogo regionalnogo vuzovskogo zentra po folkloru. Omsk, 2001. P. 82–87.
- Sychenko G. B.** Korreljazija verbalnoj i muzykalnoj struktur shorskogo shamanskogo teksta // Gumanitarnye nauki Sibiri. Novosibirsk, 2002. P. 60–65 (in Russian).
- Sychenko G. B.** Myzkalno-poeticheskie tradicii shorskogo folkloru // Folklor Shorzev [Folklore of the Shor people. Compiled by L. N. Arbachakova] (Seria Pamyatniki folkloru narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [Series Monuments of the folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). Novosibirsk, Nauka Publ., 2010. Vol. 29. 608 p.
- Shorskiy folklor** [Shor folklor. Recording, translation, introduction, notes by N. P. Dyrenkova]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1940. 448 p.
- Potapov L. P.** Altayskiy shamanizm [Altai shamanism]. L.: Nauka, 1991. 319 p.
- Funk D. A.** Miry shamanov i skaziteley: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov [The worlds of shamans and story-tellers: complex research Teleut and Shor materials]. M.: Nauka, 2005. 401 p.
- Folklor Shorzev** [Folklore of the Shor people. Compiled by L. N. Arbachakova] (Seria Pamyatniki folkloru narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [Series Monuments of folklore of the peoples of Siberia and Far East]). Novosibirsk, Nauka Publ., 2010. Vol. 29. 608 p.

Arbachakova Ljubov Nikitovna.

Candidate of Science, senior researcher.

Institute of Philology of the Siberian Division RAS.

Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: anzass@mail.ru

Р. Р. Баязитова

«ТЕЛО» В ТРАДИЦИОННОМ ЭТИКЕТЕ БАШКИР

Исследование места тела и телесного кода в традиционной культуре башкир видится актуальной проблемой, с одной стороны, для полноценного описания культуры общения, с другой – в связи с малоизученностью проблемы. Цель статьи заключается в выявлении и описании телесного кода башкир согласно мифологии, древним воззрениям и религиозным представлениям для характеристики субъектов общения. Исследование проводилось на основе описательного, структурно-функционального, сравнительно-типологического методов исследования. В процессе работы применялся комплексный подход, предполагающий анализ философских, этнографических трудов и полевых материалов автора. На основе фольклорных текстов и полевых исследований выявлены идеалы мужской и женской красоты, определены мифологические, религиозные, магико-ритуальные основы представлений о человеческом теле. В традиционной культуре башкир сложилось свое видение человека по форме головы и контуру лица, цвету кожи, волосному покрову, густоте волос и ресниц, размеру лба, рта, губ, носа, ушей, глаз, а в фольклоре зафиксированы приметы и поверья, связанные с частями тела. В традиционном обществе человек воспринимался как копия и часть мироздания, согласно данным представлениям сложились правила поведения, связанные с вертикальной и горизонтальной организацией тела человека. Так, при общении обращали внимание на телесные характеристики для определения партнера по коммуникации и правил поведения с ним в рамках: земной (этот) – потусторонний (иной), мужчина – женщина, старый – молодой, обычный – отмеченный, а также особое внимание уделяли частям тела, считающимся вместилищем души. Нагота и прикрытость тела регламентировались этикетными установками, запретами и предписаниями согласно древним воззрениям и мусульманской религии. Наблюдалось частичное оголение тела в процессе проведения обрядов перехода, также в окказиональных случаях.

Таким образом, телесный код у каждого народа имеет особенности, изучение которого важно для понимания невербальных сигналов, передаваемых в общении, для определения характера и менталитета, идеалов и ценностей, культуры общения и этикета того или иного этноса.

Ключевые слова: башкиры, традиционная культура башкир, тело, телесный код, общение, этикет, язык тела

Человеческое тело, его социально-символические и социально-технические функции представляют интерес для ученых различных научных направлений. Так, составители словаря «Славянские древности...» отмечают, что «тело человека – центральный концепт культуры, находящийся на пересечении макрокосма и микрокосма, универсальный инструмент познания и описания мира» (Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах..., 2012: 247). Понятие «телесный (или соматический) код» исследователями определяется как «совокупность имен и/или их сочетаний, обозначающих тело в целом или его части и специфичные для них качественные (в том числе “размер”, “цвет”/“масть”, “форма”, “консистенция”) и количественные (в том числе размер, вес) характеристики, физические и/или ментальные интеллектуальные, эмоциональные и т. п. состояния или действия, позы, жесты и виды деятельности, а также пространственные и временные их “измерения”, которые несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков “языка” культуры»...» (Гудков, Ковшова, 2007: 96–97). Руководствуясь данным определением, рассмотрим отдельные аспекты понятий «тело», «телесный код» в башкирской культуре.

Рассматриваемая тема в башкирской этнографии в некоторой степени затрагивалась в контексте исследования мифологии, древних воззрений, обрядовой культуры в трудах З. Г. Аминова, Н. В. Бикбулатова, Р. А. Султангареевой, Ф. Г. Хисамитдиновой, Ф. Ф. Фатыховой и др.

В данной статье мы рассмотрим понятия «тело», «телесность» не с точки зрения физиологии (биологии), а как социокультурное явление в рамках изучения традиционного этикета. Представления башкир о человеке, его теле тесно связаны с мифологией, различными обрядами. Как известно, при общении информация передается не только вербальным путем,

но невербальными способами. Значение телодвижений, поз и жестов человека, несмотря на их универсальный характер, обусловлено этническими особенностями, а содержание передаваемой информации можно понять только благодаря изучению их мифологического, религиозного, социокультурного контекста. На наш взгляд, анализ и описание идеалов красоты, предписаний и запретов, касающихся телодвижений, народных знаний о теле, помогут составить наиболее полное представление о традиционном этикете башкир. Телесно-пространственное поведение – одно из интереснейших составляющих этикета, в основе которого лежат этические традиции народа, и поэтому его семантика может быть рассмотрена только в контексте этнической культуры, на конкретном смысловом поле.

Мифологический аспект. В мифологии башкир прослеживается синкретизм человека и природы. По данным З. Г. Аминова, упорядоченный Мир, Космос, согласно представлениям древних башкир, возникает не сам по себе. Мир создается титаническими усилиями демиурга Урала в ходе борьбы с представителями хтонического мира и перешедшим на их сторону Шульганом из господствовавшего везде и всюду водного хаоса. Из тел уничтоженных хтонических сил Урал складывает горы, которые, выступая из-под вод, становятся местом жительства первых людей. По представлениям древних, от этих первых людей и пошли башкиры. В конце повествования Урал умирает и его хоронят на созданной им земле. Люди, которых Урал поселил на этой земле, сложили над его телом огромную гору, которая и стала называться Уралом. Тело Урала со временем превратилось в различные ископаемые: кровь его превратилась в нефть, а кости – в драгоценные камни (Аминов, 2013: 141). Согласно древним представлениям, земля башкирами персонифицировалась и воспринималась в образе женщины-матери («Ер-Әсә»), прародительницы всего живого. Как известно, в башкирской мифологии, как в целом тюркской, божество среднего мира – священная Земля-Вода («ыдук Йер Суб»). Например, по данным А. В. Анохина: «По представлению алтайцев-шаманистов духи обитают в трех сферах: под землей, на земле и на небе. Духов подземных обыкновенно называют көрмөс, духов неба – кудаі, духов земли – jär-су (букв.: земля – вода) или алтаі» (Анохин, 1924: 1).

В мифологической традиции человек, сотворенный в изначальные времена, был «сделан» из природных материалов. Земля, глина, дерево или камыш, соединенные и одушевленные божеством, дали начало его телесно-психической организации (Традиционное мировоззрение..., 1989: 15). Исходя из подобных представлений у башкир сложились запреты, которые сохранились по сегодняшний день: «зимой нельзя копать землю, она спит», «в землю нельзя втыкать колышки», «нельзя двигать залежавшийся камень», «нельзя лежать лицом к земле». Эти правила, направленные на сохранение окружающей среды, баланса взаимодействия между человеком и природой, показывают единство всего живого.

Порождающее начало земли нашло отражение в речи башкир: «Ерзән килгәнбез, ергә китәбез» – «Из земли пришли (созданы), в землю уйдем (землей станем)», – говорят пожилые. Сходные представления наблюдаются и у казахов. «Топрак болды» – превратился в землю (прах), – говорят они об умершем (ПМА – РК, 2014).

Согласно исследователям телесного кода русской культуры, тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира. Рефлексия над собственным телом, его границами, строением служит источником как восприятия и описания пространства (мера длины как пядь), так и универсальных метафор, давно стершихся и не воспринимаемых как троп (нос корабля, ушко замка) (Гудков, Ковшова, 2007: 72). Так, окружающий мир башкирами описывался при помощи собственного тела, о чем свидетельствует ладшафтная лексика: «йылға башы» – букв.: голова реки (исток реки), «йылға тамағы» – букв.: горло, глотка реки (устье реки), «йылға култығы» – букв.: подмышка реки (речная заводь), «тау башы» – букв.: голова горы (вершина горы) и т. п. В то же время сохранившаяся мифологизация частей тела показывает, что человек воспринимался древними копией миро-

здания, отсюда сохранившиеся этикетные установки, касающиеся невербального поведения, определения престижных мест («турбаш» – почетное место в доме, «йылға башы» – исток реки и т. п.) в помещении, пространстве.

Обрядовая практика и культура поведения. Тело человека тесно связано с пространством: «Нетрудно видеть, что в традиционном мировоззрении большое внимание уделяется фиксации границы между человеком (микрокосмом) и миром (макрокосмом). Именно тело становится этой границей, и «через тело удастся связать физиологическое с надфизиологическим, природное со знаковым, внутреннее микрокосмическое с внешним макрокосмическим» (Традиционное мировоззрение..., 1989: 56). Например, рождение означает переход из внутреннего во внешнее пространство. Приобщение к миру людей осуществлялось посредством ритуала. Строгое соблюдение предписаний и запретов, связанных с рождением ребенка, казахский исследователь Ж. Т. Ерназаров объясняет следующим образом: «По мнению информаторов, при рождении кости у ребенка расслабленные, он не адаптирован к жизни. Период 40 дней после рождения призван адаптировать ребенка к новым условиям, у него должны окрепнуть кости, он(а) должен привыкнуть к внеутробной жизни, которую ребенок воспринимает как шок после рождения. Существует и другое мнение, что младенец, как «посланец иного мира», родившись, становится подверженным влиянию потусторонних сил» (Ерназаров, 2003: 98). Анализируя материалы севернорусских районов, А. К. Байбурин пишет: «На новорожденного смотрели скорее как на материал, из которого в ходе ритуала можно получить “настоящего” человека. Стремление придать нужную форму отчетливо проявляется в действиях повитухи. Приняв ребенка, она гладит ему головку, стараясь сделать ее круглее; сжимает ноздри, чтобы они не были слишком плоскими и широкими» (Байбурин, 1993: 43–44). Подобные представления, действия с ребенком бытовали и у башкир: «У только что родившегося ребенка правили голову руками, стараясь придать ей круглую форму, а у лесных башкир ее еще на целые сутки перевязывали тряпочкой» (Бикбулатов, Фатыхова, 1991: 93). «Для того чтобы брови у ребенка были красивы и изгибались дугой, по месту бровей чертили серебряной монеткой, приговаривая: “Пусть растет дугой, пусть будет она (он) со светлыми мыслями!”» (Башкирское народное творчество..., 2010: 288). Кроме того, недоношенного ребенка не показывали до предполагаемого срока родов, так как новорожденные до окончания сорока дней и недоношенные дети не считались полноправными членами семейного коллектива, социума.

Важно заметить, что смерть человека представлялась естественным явлением, а похоронно-поминальная обрядность башкир обеспечивала переход души и тела в иной мир, закрепляла статус умершего. Дальнейшее «взаимодействие» людей с аруахами регулировалось традиционной культурой поведения, этикетом.

«Жизненная способность тела, проявляющаяся в одушевленности, дыхании, росте, определяется термином «тын» (Анохин, 1924: 19). «Тын. Дыхание, душа. По представлениям башкир, одна из душ человека, с выходом которой человек умирает» (Хисамитдинова, 2010: 317). До сегодняшних дней в народе сохранилось поверье, что каждая часть человеческого тела имеет свою душу («кайһы ерәң ауырта, йәнен шунда» – где болит, там и душа).

В традиционной культуре наблюдалось бережное отношение к волосам, ногтям, пуповине, плаценте, последу. «Тырнакты, сәсте: Минәң тырнағым түгел, Ғәйшә-Фатиманың тырнағы, тип “Бисмилла” әйтеп, утка яғабыз. Теләһә кайза ташларға ярамай, теге донъяға күскәс, һорау алған вақытта, безҙән уларҙы таптыралар, ти. Шул вақытта “Бисмилла” үзе табып килтерә икән уларҙы. Кешелә тырнак киһергә ярамай, дошманыңда – тырнак киһ, дуһың өйөндә сәс тара. Төшкән теште бүрәнә ярығына кыстыралар» – Ногти, волосы сжигаем, при этом нужно говорить: «Не мои ногти, а ногти Гайши-Фатимы», «Бисмилла». Их нельзя разбрасывать, так как на том свете попросят показать, тогда “Бисмилла” поможет их представить. Нельзя отстригать ногти у посторонних, у врага ногти стриги, у друга волосы расчесывай. Выпавший

зуб нужно спрятать в щель между бревнами (Материалы экспедиции..., 2011: 138). «Пуповина – душа человека», «Плацента душу бережет», – говорят пожилые.

Похожие представления зафиксированы у других народов: «У южно-сибирских народов каждый из элементов человеческого естества являлся необходимым признаком жизни, ее средоточием и, следовательно, вместилищем «души». Это относилось к пуповине и последу, дающим жизнь младенцу, к глазам, представляющим человеку доказательства реальности его существования, к волосам, воплощающим непреодолимую силу роста» (Традиционное мировоззрение..., 1989: 59). Или другой пример: «Многие народы Сибири, и алтайцы в том числе, относятся к пуповине с величайшим вниманием. Душа ребенка, по представлениям алтайцев, связана с его отпавшей пуповиной. Поэтому многие из нас с трепетом относятся к пятисантиметровым “калта” – мешочкам из кожи “булгайры” для хранения пуповины в виде пороховницы или треугольника для мальчиков или в виде подушки, игольницы для девочек», – пишет автор альбома «Лунопоклонники Древнего Алтая». Он же отмечает, что на Западе по совету ученых некоторые состоятельные люди отпавшую пуповину (средоточие ствольных клеток) своего ребенка замораживают и хранят в специальном контейнере, которая может применяться при излечении от серьезных болезней как самого ребенка, так и ближайших его родственников (Лунопоклонники..., 2011: 3). По данным информантов, башкиры раньше хранили пуповину, иногда ее применяли для лечения – настой из засушенной пуповины давали пить больному (ПМА, 2014).

Нужно заметить, что, согласно традиционному этикету, пупок нельзя было показывать посторонним людям, особенно молодым девушкам. Бездетность женщин связывалась с этой частью тела. В народной медицине башкир сохранились заговоры и магические действия, направленные на снятие сглаза и вправление пупка. Например, в доме многодетной женщины знахарка купает бездетную женщину, после купания, доведя до изнеможения, щекочет ее и произносит заговор. После щекотания накрывает лицо женщины занавеской и массирует ее тело, область меж грудей по направлению к пупку. Дойдя до пупка, делает закручивающее движение и сдувает. Эту процедуру называют способ возбуждения души (Кот кузгалтыу эмэле). Далее массирует живот женщины яйцом, разбив его на ее животе, после на пупок укладывают первые волосы младенца или пушок цыпленка (гусенка) и серебряную монету (потом женщина эти предметы носит подмышками или за поясом на уровне пупка) (Лечебная и охранительная магия..., 2009: 18–20). Описанные магические действия, направленные на возбуждение души, еще раз подчеркивают роль/значение «кот» в жизни башкир, а также показывают места локализации жизненной силы, энергии, души человека.

Внешний облик в этикете. При встрече и общении первое, что бросается в глаза, это внешний вид собеседника в эстетическом, нравственном и соматическом понимании. Облик человека, касающийся походки и осанки, мимики и жестов, башкирами называется «буй-һын» (стан, телосложение). «Һын» обнаруживает параллель с древнетюркским словом «sīn» – туловище, тело, стан (Древнетюркский словарь, 1969: 503).

Как известно, у каждого народа существовали свои эталоны восприятия и оценки внешности человека. Так, М. А. Круковский оставил следующее описание башкир: «... отличаются очень большими размерами головы. Такого громадного черепа нет ни у одного из народов современной Европы. Рост башкира средний: он немного сухощав, и в фигуре его есть известная стройность, свобода, чего нет у более тяжеловесных тюрков и татар. Стройность фигуры говорит о долгой привольной и дикой кочевой жизни, о живом характере» (Круковский, 1909: 39). По внешним телесным признакам предсказывали судьбу, давали характеристику человеку, эти данные учитывались при общении. В фольклоре башкир сохранились описания личности по форме головы, овалу лица, цвета кожи, волосяному покрову, густоте волос, ресниц, по размеру лба, рта, губ, носа, ушей, глаз. Зафиксированы также приметы и поверья, связанные

с рельефом лица, лба, скул, подбородка, шеи, с наличием морщин и родинок. Приведем некоторые из них: «У кого большая ямка на затылке, тот лентяй. У кого зубы редкие, тот болтлив. У кого лоб узкий, у того ум узкий. У кого родинка на шее, тот счастливый. У кого родинка у глаз, тот плаксивый, у кого родинка у рта, тот благополучный. У кого уши большие, тот лентяй. У кого широкий лоб, у того хорошая память. Умная голова большой бывает» (Башкирское народное творчество..., 1993: 234). Если на темени два вихра («ике урау»), то выйдет за муж (женится) дважды (ПМА. 2003).

По фольклорным текстам, а также словарному составу башкирского языка можно представить эталон мужской и женской красоты. Оценивание женского тела происходило с точки зрения привлекательности, а мужского – крепости телосложения, силы. Например, словесный образ, идеал девушки передан в эпосе «Урал-батыр». Так, внешний вид Хумай описан следующим образом:

«Озон кerpеге үтә	«Черных глаз обжигающий взор
Кара күзе текәлгән;	Сквозь ресницы смотрит в упор;
Уйнап торған кыйғас каш	Над глазами парящие брови
Күз өстөндә йылмайған;	Улыбаются с любовью.
Төртәйешкән калкыу түш	А упругая грудь налитая,
Күз алдында тулкынған;	Словно волна речная, играет;
Бал кортондай нәзек бил	Стан ее тонкий, как у пчелы,
Бөрғаланып уйнаған;	Своей подвижностью удивляет;
Гүйә, таныш кыз төслө,	Голос будто давно знаком –
Көмөштәй саф тауышлы...»	Переливается серебром...»

(Урал-батыр..., 2014: 169) (Башкирское народное творчество..., 1987: 83).

В представленном отрывке эталоном красоты женского лица выступают брови, ресницы, цвет глаз, телосложение – гибкое тело, тонкая талия, упругая грудь.

Ф. А. Надршина во вступительной статье к тому «Предания и легенды» пишет: «Внешние черты действующих лиц рисуются обычно скупой, определяются постоянными эпитетами: “очень сильный, очень храбрый”» («Приключения Айсуака»); «На берегах Сакмара жил, говорят, дюжий батыр по имени Баязитдин, искусный певец, красноречивый, как сәсэн» («Баяс»); «У древнего Ирендыка жила-была женщина по имени Узаман. Она была красавицей» («Узаман-апай»); «Очень работающая и дельная, лицом пригожая была эта женщина («Алтын-сәс»))» (Башкирское народное творчество..., 1987: 14). В легенде «Махуба» образ девушки передается посредством первых впечатлений молодого человека: «К тому времени, когда он поднялся на гору на своем коне, Махуба со своей енгей уже ждала его на вершине. Прикрывая лицо своим платком, девушка стыдливо подала ему свою руку. «Что будет, то и будет», – решил Айбулат и сорвал платок с ее головы. И что же он видит: перед ним стояла черноокая с тонко очерченными бровями девушка с круглым, как луна, лицом, с длинными, аккуратно завитыми косами и тонким, нежным станом» (Башкирские народные песни..., 1997: 209). В некоторых фольклорных текстах девушка наделена не только красотой, но и силой, ловкостью. Например, по данным Ф. Г. Галиевой, в традиционном башкирском обществе, когда благополучие социума обеспечивалось хорошей физической подготовкой и мобильностью всех ее членов, выработались обычаи участия детей обоих полов в разнообразных спортивных забавах, в числе которых была борьба на поясах и стаскивание всадника с седла. По историческим преданиям и сказкам нередко девушки не уступали в этих видах спорта мужчинам (Галиева, 2021: 153).

Афористические жанры фольклора наиболее тонко передают идеал мужской и женской красоты. Приведем пословицы и поговорки, характеризующие внешность человека: «В словах –

сила сэсэна, в глазах – сила красавицы», «Красота женщины – брови да волосы, красота мужчины – борода да усы», «Небо украшает звезда, мужчину – борода, женщину – косы» (Башкирское народное творчество..., 1993: 144–145). Наряду с красивыми внешними данными ценились хорошие манеры, ум и внутренний мир человека. Об этом свидетельствуют такие афоризмы: «Красота – до трех дней, благородство – на всю жизнь», «Красота – не во внешности, а в манерах», «Красота человека в душе, а не в теле» (Башкирское народное творчество..., 1993: 145).

Явные телесные знаки выполняли функцию маркера в отношениях между субъектами общения, характеризующимися следующими особенностями: земной (этот) – потусторонний (иной), мужчина – женщина, старый – молодой, обычный – отмеченный.

По представлениям башкир, персонажи иного мира могли принимать антропоморфный вид, что вынуждало их обращать внимание на телесные характеристики собеседника с целью определить его принадлежность к одному из миров. По древним воззрениям многих народов, именно по телесным признакам можно было выявить представителей иного мира. В фольклорно-этнографических текстах сохранились данные, помогающие распознавать представителей потустороннего мира по определенным изъянам в теле. Так, А. В. Анохин в «Материалах по шаманству у алтайцев» писал, что, по представлениям алтайцев, злые духи рассыпаны по всему лицу земли. Из шаманских молитв видно, что они по своим индивидуальностям разделяются на обжор (ják или аза), духов смерти (алдачы), духов тяжелой болезни (кар или албыс) и на духов «прежние отцы» (ада öкө). Последние описываются так:

«Без глаз – слепые,
Без спины – вывихнутые,
Без бедра – надломленные,
Спинные кости – вывихнутые...» (Анохин, 1924: 6).

По данным С. И. Руденко, «среди сверхъестественных существ башкиры упоминали еще про албасты, которую они представляли в образе женщины с такими длинными грудями, что она могла перекидывать их через плечо. По ночам албасты наваливалась на спящих, клала им в рот свою грудь и давила их. Спящий сильно мучился, стонал, метался, но не мог освободиться от нее и проснуться» (Руденко, 2006: 271). Относительно внешнего вида, телесных признаков предствителей иного мира исследователь славянской культуры Л. Н. Виноградова пишет следующее: «Эта необычная манера изображать грудь демонических женщин перекинутой на спину в народных толкованиях обычно объясняется тем, что свисающая до колен грудь мешает демоническим женщинам быстро передвигаться, бегать... Между тем эта черта (грудь сзади) может рассматриваться как признак «обратности», «вывернутости», который в научной литературе считается универсальным свойством демонической асимметрии, широко представленной в мифологии разных народов» (Виноградова, 2005: 23). Она же приводит признаки внешности, характеризующие представителей разных миров: «В номинационных моделях славянских названий нечистой силы, основанных на характеристиках внешнего вида, наиболее показательными оказываются такие признаки, как “белый”, “красный”, “черный”, “кривой”, “хромой”, “худой”, “однорукий”, “одноглазый”, “беспятый”, “беспалый”, “безголовый”, “старый”, “волосатый”, “лысый”, “железнодорожный”, “большой”, “маленький”, “скрытый”, “невидимый”, “немытый”, “нечистый” и ряд других» (Виноградова, 2005: 19). Приведенные характеристики, отклонения от телесной нормы считались универсальными, служили критериями построения поведения в рамках противопоставлений «свой» – «чужой», «обычный» – «отмеченный».

Обнажение отдельных частей тела, распущенные волосы, по представлениям башкир, также считались признаком инаковости: Незаплетенные волосы по сей день ассоциируются

с иным миром. «Албасты һымак ялбырап (ялбырлап) йөрөй» – «Ходит с распущенными, растрепанными волосами как албасты», – так осуждающе говорят пожилые о молодых. В традиционной культуре распуск волос означал десоциализацию, поэтому запрещали ходить с распущенными волосами. Расплетая или отстригая волосы, наказывали изменниц. Кроме того, принято распускать волосы на похоронах, так как, по поверьям, в них находится душа человека (Баязитова, 2018, 614–615).

Контакты, общение с нечистой силой регламентировались определенными правилами и нашли отражение в фольклоре. Например: «Если в лесу потеряется вещь, то нужно приговаривать так:

«Помоги найти скорей,
А не то убью.
Пятерых твоих детей!» –

Так угрожают нечистой силе, которая якобы унесла вещь» (Башкирское народное творчество..., 2010: 237). Бытовали специальные предметы, применяемые против них: для албасты использовалась нагайка-камсы, для юхи – стрелы (Башкирское народное творчество..., 2010: 13). Согласно данным информантов, по отношению к нечисти допускались бранные слова.

Таким образом, телесный код у каждого народа имеет свои особенности. У башкир представления о человеческом теле сложились согласно их мифологии, верованиям и религии. Человек воспринимался ими как копия и часть мироздания, согласно данным представлениям сложились правила поведения, связанные с вертикальной и горизонтальной организацией тела.

Рождение и смерть, как переходные состояния, регламентировались обрядами, а тело и душа башкирами представлялись взаимосвязанными сущностями человека. В народном сознании вместилищами души были не только голова, глаза, волосы, но и практически все части тела, отсюда многочисленные запреты, направленные на защиту здоровья и целостности человека, некоторые из них нашли отражение в этикетных установках.

В народной культуре сложились свои идеалы мужской и женской красоты. Башкиры по определенным телесным признакам умели распознавать личностные характеристики собеседника. Народные знания о теле, телесном коде помогали общаться с представителями иного мира, которые могли иметь антропоморфные и зооморфные черты.

Полевые материалы автора (ПМА):

ПМА – РК. 2014. – Полевые материалы автора, собранные в Республике Казахстан;

ПМА. 2014. – Полевые материалы автора, собранные в Республике Башкортостан;

ПМА. 2003. – Полевые материалы автора, собранные в Республике Башкортостан.

Литература:

Аминев З. Г. Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. Уфа: Изд-во «ДизайнПресс», 2013. 44 с.

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л.: Российская академия наук, 1924. 148 с.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов // РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.

Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа: Башкирское изд-во «Китап», 1993. 464 с.

Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Перевод с башкирского / сост., автор вступ. статьи, комментарии Ф. А. Надршина. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. 576 с.

- Башкирское народное творчество.** Том 1. Эпос. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. 544 с.
- Башкирские народные песни, песни-предания** / сост. Ф. А. Надршина. Уфа: Китап, 1997. 288 с. (на башк. яз.).
- Баязитова Р. Р.** «Волосы» в традиционной культуре башкир // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 4. С. 613–620.
- Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.** Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
- Виноградова Л. Н.** Телесные аномалии и телесная норма в народных демонологических представлениях // Телесный код в славянских культурах / отв. редактор Н. В. Злыднева. М., 2005. С. 19–29.
- Галиева Ф. Г.** Национальная борьба курэш у башкирских женщин в прошлом и настоящем // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2021. (31). С. 153–162.
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.** Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: «Гнозис», 2007. 288 с.
- Древнетюркский словарь** / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
- Ерназаров Ж. Т.** Семейная обрядность казахов: символ и ритуал. Алматы, 2003. 200 с.
- Круковский М. А.** Южный Урал. Путевые очерки. М.: Издание К. И. Тихомирова, 1909. 159 с.
- Лечебная и охранительная магия башкир.** Тексты / составление, подготовка текстов Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2009. 340 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.
- Лунопоклонники Древнего Алтая.** Альбом / сост. А. Кыдыева. Новосибирск, 2011. 41 с.
- Руденко С. И.** Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Славянские древности:** Этнолингвистический словарь в 5 томах / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. 736 с.
- Урал-батыр** (эпос) / записан М. Бурангуловым от Г. Аргынбаева и Х. Альмухаметова в 1910 году. Уфа, 2014. 196 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.** Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- Экспедиционные материалы 2009 года:** Бурзянский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова. Уфа: ООО «Деловая династия», 2011. 208 с. (на башк. яз.).

Баязитова Розалия Рафкатовна.

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологии.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: rosali8@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30 марта 2022 г.

R. R. Baiazitova

THE "BODY" IN THE TRADITIONAL BASHKIR ETIQUETTE

The study of the place of the human body and body etiquette in the traditional culture of the Bashkirs is considered a relevant problem, on the one hand, for a complete description of the culture of communication and, on the other hand – given the lack of research on this problem. Therefore, the aim of the article is to identify and describe the Bashkir body code according to mythology, ancient beliefs, and religious convictions to characterize the communication subjects. The research was conducted on the basis of descriptive, structural-functional, and comparative-typological research methods. A complex approach was used throughout the work, including the author's analysis of philosophical and ethnographic works and field materials. Based on folklore and field studies, the ideals of male and female beauty were defined, and the mythological, religious, and ritual foundations of the representations of the human body were identified. As a result, the traditional culture of the Bashkirs has developed its image of man based on the shape of the head and facial contours, skin color, hairiness, the thickness of hair and eyelashes, size of the forehead, mouth, lips, nose, ears and eyes, while folklore has recorded omens and beliefs associated with body parts.

In traditional society, a man was perceived as a specimen and part of the universe. Following this view, the rules of behavior were associated with the vertical and horizontal structures of the human body. Thus, in communication, attention was paid to physical characteristics to determine the communication partner and the rules of behavior with him or her within the framework: earthly (this) – otherworldly (different), man – woman, old – young, ordinary – marked, as well as special attention to parts of the body that were considered containers of

the soul. In addition, customs, prohibitions, and commandments regulated nudity according to ancient beliefs and the Muslim religion. In rare cases, nudity of the body was also observed during rites of passage. Thus, the body code of each nation has its peculiarities, the study of which is important to understand the nonverbal signals transmitted in communication, to determine the character and mentality, ideals and values, communication culture and etiquette of this or that ethnic group.

Keywords: *Bashkirs, traditional culture of Bashkirs, body, body code, communication, etiquette, body language*

References:

- Aminev Z. G.** Epos «Ural-batyr» i mifologiya bashkir [The epic "Ural-batyr" and the mythology of the Bashkirs]. Ufa: Izd-vo «DizaynPress», 2013. 44 p.
- Anokhin A. V.** Materialy o shamanizme u altaytsev, sobrannyye vo vremya puteshestviy po Altayu v 1910–1912 gg. ot imeni Russkogo komiteta po izucheniyu Sredney i Vostochnoy Azii [Materials on shamanism among the Altaians, collected during travels in Altai in 1910–1912. on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. L.: RAN, 1924. 148 p.
- Bayburin A. K.** Ritual v traditsionnoy kul'ture [Ritual in traditional culture]. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavianskogo yazyka. RAN, Muzei antropologii i etnografii. Petra Velikogo (Kunstkamera). SPb: Nauka, 1993. 240 p.
- Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo** [Bashkir Folk Art]. Vol. 12. Obryadovyy fol'klor. Ufa: Kitap, 2010. 592 p.
- Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo** [Bashkir Folk Art]. Vol. 7: Poslovitsy, pogovorki. Primety. Pazly. Ufa: Bashkirskoye izd-vo «Kitap», 1993. 464 p.
- Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo** [Bashkir Folk Art]. Vol. II. Predaniya i legendy. Perevod s bashkirskogo / sost., avtor vstup. stat'i, kommentariyev F. A. Nadrshina. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1987. 576 p.
- Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo** [Bashkir Folk Art]. Tom I. Epos. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1987. 544 p.
- Bashkirskie narodnye pesni, pesni-predaniya** [Bashkir folk songs, legend songs] / sost. F. A. Nadrshina. Ufa: Kitap, 1997. 288 p. (na bashk. yaz.).
- Bayazitova R. R.** «Volosy» v traditsionnoy kul'ture bashkir ["Hair" in the traditional culture of the Bashkirs] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. 2018. Vol. 28, No 4. P. 613–620 (in Russian).
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F.** Semeynyy byt bashkir. XIX–XX vv. [Family life of the Bashkirs. XIX–XX centuries]. M.: Nauka, 1991. 189 p.
- Vinogradova L. N.** Telesnyye anomalii i telesnaya norma v narodnykh demonologicheskikh predstavleniyakh [Body anomalies and the body norm in folk demonological representations] // Telesnyy kod v slavyanskikh kul'turakh / otv. redaktor N. V. Zlydneva. M., 2005. P.19–29.
- Galiyeva F. G.** Natsional'naya bor'ba kuresh u bashkirskikh zhenshchin v proshlom i nastoyashchem [National wrestling kuresh among Bashkir women in the past and present] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. No 31. P. 153–162 (in Russian).
- Gudkov D. B., Kovshova M. L.** Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu [The body code of Russian culture: materials for the dictionary]. M.: «Gnozis», 2007. 288 p.
- Drevnetyurkskiy slovar'** [Old Turkic dictionary] / Red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. L.: Izdatel'stvo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1969. 677 p.
- Yernazarov Zh. T.** Semeynaya obryadnost' kazakhov: simvol i ritual [Kazakh family rituals: symbol and ritual]. Almaty, 2003. 200 p.
- Krukovskiy M. A.** Yuzhnyy Ural. Putevyye ocherki [Southern Urals. Travel essays]. M.: Izdaniye K. I. Tikhomirova, 1909. 159 p.
- Lechebnaya i okhranitel'naya magiya bashkir** [Healing and protective magic of the Bashkirs]. Teksty, sostavleniye, podgotovka tekstov F. G. Khisamitdinovoy. Ufa, 2009. 340 p.
- Lunopoklonniki Drevnego Altaya** [Moon worshipers of Ancient Altai]. Al'bom / sost. A. Kydyeva. Novosibirsk, 2011. 41 p.
- Rudenko S. I.** Bashkiry: Istoriko-etnograficheskiye ocherki [Bashkirs: Historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap, 2006. 376 p.
- Slavyanskiye drevnosti** [Slavic Antiquities]: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh / pod obshchey red. N. I. Tolstogo. Vol. 5: S (Skazka) – YA (Yashcheritsa). M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2012. 736 p.
- Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri.** Chelovek. Obshchestvo [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Human. Society] / L'vova E. L., Oktyabr'skaya I. V., Sagalayev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye, 1989. 243 p.
- Ural-batyr** (epos) [Ural-batyr (epic)] / Zapisan M. Burangulovym ot G. Argynbayeva i KH. Al'mukhametova v 1910 godu. Ufa, 2014. 196 p.

Khisamitdinova F. G. Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka [Mythological dictionary of the Bashkir language]. M.: Nauka, 2010. 452 p.

Ekspedicionnye materialy 2009 goda: Burzyanskij rajon [Expedition materials 2009: Burzyansky district] / sost. G. R. Husainova, G. V. Yuldybaeva, A. M. Hakim'yanova. Ufa: ООО «Delovaya dinastiya», 2011. 208 p. (na bashk. yaz.).

Baiazitova Rozaliia Rafkatovna.

Candidate of historical sciences, senior researcher of the Department of Ethnology.

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS.

Pr. Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: rosali8@mail.ru

Д. А. Бычков

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА АРЫШЕВСКОЕ 2 В ДОЛИНЕ Р. ЯЯ (ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)¹

Местонахождение Арышевское 2 в настоящее время располагается на одном из периферийных участков западносибирской ойкумены человека каменного века. Оно отличается от остальных памятников в этом районе характером индустрии и отсутствием абсолютных датировок. Эти обстоятельства побудили к возобновлению его исследований в 2019 г. Целью статьи является публикация полученных материалов и результатов их анализа. Серия шурфов была разбита вокруг заложенных ранее в 2000 г. траншей на борту террасы. Была получена коллекция в 427 артефактов. Материалы 2000 г. и 2019 г. изучались комплексом методов: аналогий, описательной и многомерной статистики.

В результате проведенного анализа полученных артефактов было установлено, что нуклеусы отражают преобладание плоскостного принципа расщепления. А среди орудий преобладают бифасиальные формы, аналогии которым прослеживаются на сопредельных территориях, в южном и восточном направлениях. Сколы разделяются на три кластера по технологическим критериям в результате кластерного анализа размеров и морфологии их ударных бугорков и площадок. Пластины с постоянно воспроизводимой формой преобладают над отщепами, формы которых разнообразны. Набор орудий представляется типичным для эпохи позднего палеолита. Но вместе с ними в коллекции присутствуют нетипичные для этого периода орудия. Основания для их дифференциации подробно описаны в отдельной части статьи.

Итогом проведенного исследования является определение характерных черт индустрии и относительного времени ее существования. Индустрия отличается от аналогичных местонахождений палеолита выраженной пластинчатостью и бифасиальными изделиями. Сколы с признаками ударной техники преобладают в общей статистике, несмотря на выделение трех групп сколов по результатам кластерного анализа. Перспектива дальнейшего изучения этого местонахождения видится в пространственном анализе распространения артефактов и в абсолютном датировании вмещающих их отложений.

Ключевые слова: *Яя, Арышевское, поздний палеолит, неолит, стратиграфия, статистика, типология, Томская область*

До третьей четверти XX в. самой северной точкой обитания древнего человека на Западно-Сибирской равнине (ЗСР) считалась Томская стоянка, которая была обнаружена в 1896 г. Н. Ф. Кащенко, профессором Томского государственного университета (Кащенко, 1901). С тех пор представления о первых обитателях этой территории претерпели существенные изменения ввиду открытия памятников позднего палеолита на юге и в средней полосе ЗСР во второй трети XX в. (Петрин, 1986). За последние несколько десятилетий были открыты и исследованы несколько памятников позднего палеолита в юго-восточной части ЗСР (Зенин, 2002: 29–33). В 1998 и 2000 гг. в ходе совместной экспедиции ТГУ и ИАЭТ СО РАН под руководством В. Н. Зенина и С. В. Лещинского на правом берегу нижнего течения р. Яя, у с. Большежирово, были обнаружены местонахождения Арышевское 1 и 2 (Зенин и др., 2000: 137). К этому времени уже обозначилась северная часть периферии распространения позднепалеолитических объектов на ЗСР, проходящая через Причулымье, Нарымское Приобье, Нижнее Притомье и Барабинскую степь (Макаров и др., 2021: 46).

Располагаясь в северной части ойкумены позднепалеолитического человека, местонахождение Арышевское 2 является не единственным памятником этой эпохи в долине нижнего течения р. Яя. Первым свидетельством обитания человека эпохи палеолита на этой территории является находка бифасиального изделия вместе с останками палеофауны, сделанная в 1955 г. на глубине 4–7 м во время рытья колодца в с. Воронино-Яя (Гребнева, 2017: 183). В непосредственной близости от объекта настоящего исследования расположено местонахождение

¹ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Автор выражает благодарность В. Н. Зенину за возможность работы с материалами и за оказанные консультации, А. В. Харевич и М. В. Селецкому за помощь в работе с текстом, А. В. Федорову, М. А. Новицкой и В. В. Жукову за помощь в проведении полевых работ, Д. А. Бахарева и А. А. Зограф за помощь в подготовке иллюстраций.

Арышевское 1, а в нескольких километрах ниже по течению, на левом берегу р. Яя, в схожих геоморфологических условиях, располагается местонахождение Воронино-Яя (рис. 1). Для этих двух местонахождений получены радиоуглеродные даты, позволяющие отнести их к каргинскому межледниковью (Зенин, 2002: 41, табл.). Каждое из обнаруженных в долине р. Яя местонахождений демонстрирует свою особенную индустрию. Это объясняется как фрагментарностью проводившихся исследований, так и спецификой каждого из местонахождений. Так, разнообразием типологического состава, массивностью сколов, орудий и древнейшей в долине р. Яя датировкой отличается местонахождение Арышевское 1 (Зенин, Лещинский, 1998а). Коллекция же с местонахождения Воронино-Яя, наоборот, малочисленна, но содержит шиповидное орудие на отщепе, которое морфологически отличается от аналогичных по типу изделий с ближайших памятников (Зенин, Лещинский, 1998б). Само же местонахождение Арышевское 2 демонстрирует индустрию, которая в сравнении с ближайшими местонахождениями, отличается более выраженной пластинчатостью, но при этом в ее составе отсутствуют орудия (Зенин, Лещинский, 2000: 139; Зенин, 2002: 25–26).

Имевшиеся сведения о позднелеполитических местонахождениях в долине р. Яя можно охарактеризовать как фрагментарные – включали только набор артефактов, описание их залегания по единичному раскрытию и несколько радиоуглеродных датировок. По прошествии времени возник дефицит информации, необходимой для корреляции данных объектов с окружающими их памятниками эпохи камня. Поэтому в полевом сезоне 2019 г. были проведены исследования на местонахождении Арышевское 2, направленные на получение нового археологического материала, определение границ распространения и особенностей его залегания.

Целью настоящей работы является обоснование характеристики полученного археологического материала относительного возраста местонахождения Арышевское 2. Для ее достижения ставятся следующие задачи: описание ландшафтно-топографических особенностей местонахождения Арышевское 2; описание стратиграфического контекста залегания археологических материалов; статистическое описание каменной индустрии; сравнительный анализ методом аналогий с другими предметными комплексами с нижнего течения р. Яя и с юго-восточной части ЗСР.

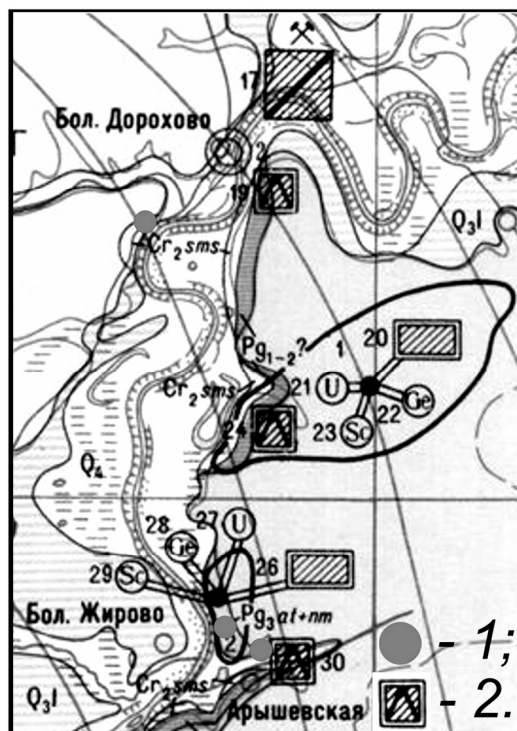

Рис. 1. Местоположение памятников эпохи позднего палеолита в долине р. Яя на выкопировке с геологической карты (Иванова и др., 1966) с обозначениями: 1 – расположение объектов; 2 – обнажения кремнистых песчаников

Местонахождение Арышевское 2 расположено на правом берегу в нижнем течении р. Яя, напротив с. Большежирово. Геоморфологическая приуроченность местонахождения определяется бровкой, уступом и площадкой правобережного надпойменного террасовидного борта долины р. Яя (рис. 1, 1). В настоящее время территория местонахождения поросла слаборазреженным смешанным лесом с преобладанием хвойных пород. Подлесок густой и состоит из подроста сосны, березы и отдельных кустарников. Покровная растительность развита слабо.

Стратиграфическая ситуация на местонахождении Арышевское 2 была описана С. В. Лещинским по профилю, наблюдаемому в заложенных им в 2000 г. траншеях (рис. 2) и включала 7 литологических слоев, описанных снизу вверх (Зенин и др., 2000: 137–139). В шурфах и зачистках 2019 г. наблюдались аналогичные напластования, описание которых приведено сверху вниз, а соответствующие номера слоев, по описанию С. В. Лещинского, выделены курсивом:

Слой 1 (7). Дерново-почвенный слой мощностью 0,15–0,2 м.

Слой 2 (6). Серый и светло-серый гумусированный суглинок с включениями корней растений мощностью 0,2–0,3 м.

Слой 3. Палевый лессовидный суглинок с однородной структурой и изредка включающий поныры с заполнением из вышележащих слоев мощностью 0,12–0,25 м.

Слой 4 (5). Коричневый суглинок, включающий прослойки темно-коричневого суглинка с отдельными конкрециями песка крупнозернистого слабоокатанного. Данный слой имеет одинаковый уклон к юго-западу во всех случаях его фиксации. К его толще приурочено залегание археологических материалов. Мощность 0,3–0,6 м.

Слой 5. Мешанный коричневый суглинок. Структура рыхлая, комковатая. В кровле фиксируются единичные артефакты и линзы прокаленного суглинка. Был зафиксирован только в разрезе СР7. Мощность 0,6–0,75 м.

Слой 6. Темно-коричневый суглинок с включениями песка. Плотный, местами сыпучий. Был зафиксирован только в разрезе СР7. Мощность 0,15–0,5 м.

Слой 7 (4 и 3). Бежевая и серо-коричневая супесь с выраженной карбонатизацией. Структура плотная. Подстилает культуросодержащие отложения во всех разрезах. В разрезах СР3 и СР6 залегает под почвенными горизонтами, которые представлены вышеописанными серыми гумусированными суглинками. Изученная мощность от 0,1 до 0,45 м.

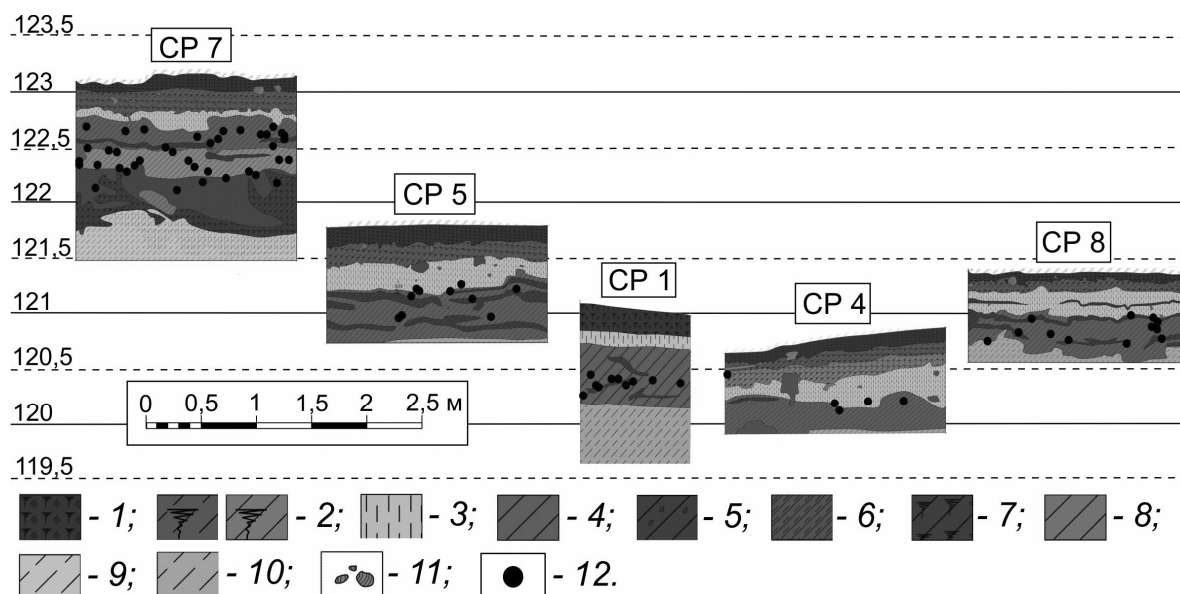

Рис. 2. Стратиграфический контекст залегания артефактов на местонахождении Арышевское 2 по результатам полевых работ 2000 и 2019 годов: 1 – слой 1; 2 – слой 2; 3 – слой 3; 4 – слой 4; 5 – прослойки коричневого суглинка в толще слоя 4; 6 – слой 5; 7 – слой 6; 8 – прокаленный суглинок; 9 – слой 7 (4); 10 – слой 7 (3); 11 – корни растений; 12 – артефакты

Сложившаяся ситуация детерминирована геоморфологической позицией и современным ландшафтом местонахождения. В процессе полевых исследований 2019 г. все пространственные измерения проводились в Балтийской системе высот относительно ближайших пунктов ГГС посредством электронного тахеометра и в соответствии с действующими требованиями к топографо-геодезическим работам при землеустройстве. Данный подход в совокупности с применением высокоточных приборов позволил установить, что наблюдаемые склоновые и оврагообразующие процессы происходят ввиду общего уклона современной поверхности к юго-западу (Иванова и др., 1996). Исходным рубежом для формирования склоновых процессов является площадка террасовидного борта с абсолютными высотными отметками свыше 123 м. Это четко иллюстрируется положением и профилем (рис. 2) шурфа СР7, в котором мощность делювиально-эоловых отложений (слой 4) значительно меньше выше- и нижележащих субэкральных напластований (слои 3 и 7), в то время как в остальных разрезах наблюдается противоположная ситуация при более низком уровне современной поверхности на участках их заложения (рис. 2). Таким образом, вплоть до бровки борта долины с абсолютной отметкой 120 м прослеживаются делювиальные отложения (слой 4), образованные на данном уклоне. Вышележащие субэкральные лессовидные суглинки (слои 3 и 7) и образуемый на их основе современный почвенный горизонт (слой 1) не имеют следов «стекания» по уклону, так как закреплены многоярусной растительностью.

Археологические материалы, полученные в 2019 г., представлены изделиями из камня и продуктами его расщепления (таблица) в количестве 427 экз.², обнаруженными в толще слоя 4, залегающего на глубине от 0,3–0,4 до 1,15 м от современной поверхности. На всей площади обследования для данного слоя прослежен уклон в 1–5° в юго-западном направлении. Наибольшее количество артефактов было обнаружено при выборке слоя 4 в разрезе СР7. Учитывая, что поверхность, на которой он был заложен, имеет наибольшие среди остальных разрезов высотные отметки, предполагается, что с данной части территории местонахождения происходило перемещение артефактов, в том числе в результате склоновых процессов.

Типологический состав индустрии представляется достаточно разнообразным. Количественные сведения о выделяемых типах артефактов приведены в таблице, а наиболее репрезентативные изделия отображены в иллюстрациях (рис. 3, 4). По употребляемому для расщепления материалу индустрия определяется как моносырьевая. В качестве сырья использовался кремнистый кварцитовидный песчаник яйского горизонта эоценового возраста, который обнажается в правобережном террасовидном борту долины нижнего течения р. Яя и в урочище

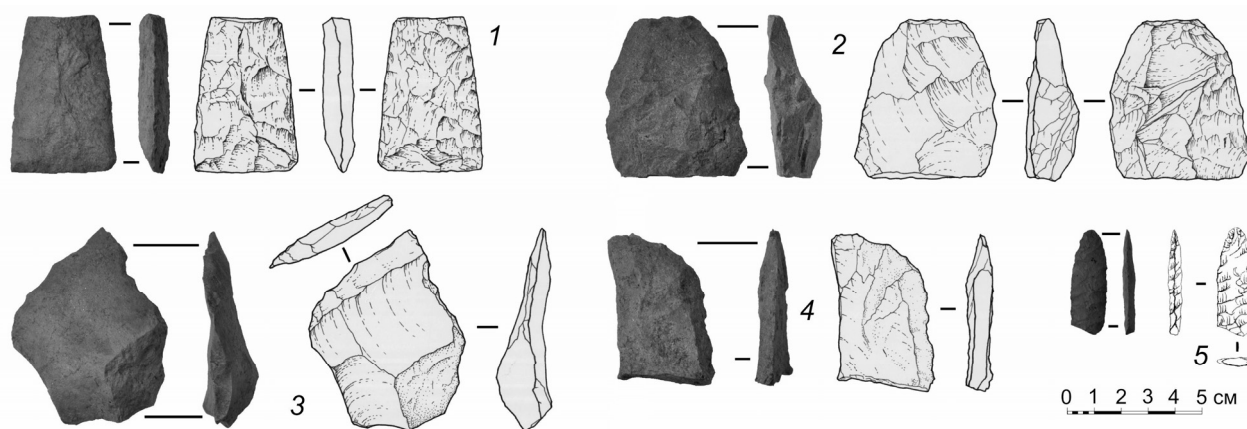

Рис. 3. Орудия с местонахождения Арышевское 2: 1 – тесловидное изделие; 2 – бифас; 3 – скребловидное орудие с выемкой на отщепе; 4 – нож с обушком; 5 – наконечник терешковый

² Материалы, полученные в 2019 г., хранятся в ТОКМ в составе 115 экз., а остальные 312 экз. находятся на временном хранении в ИАЭТ СО РАН как и материалы предшествующих лет исследований в количестве 65 экз.

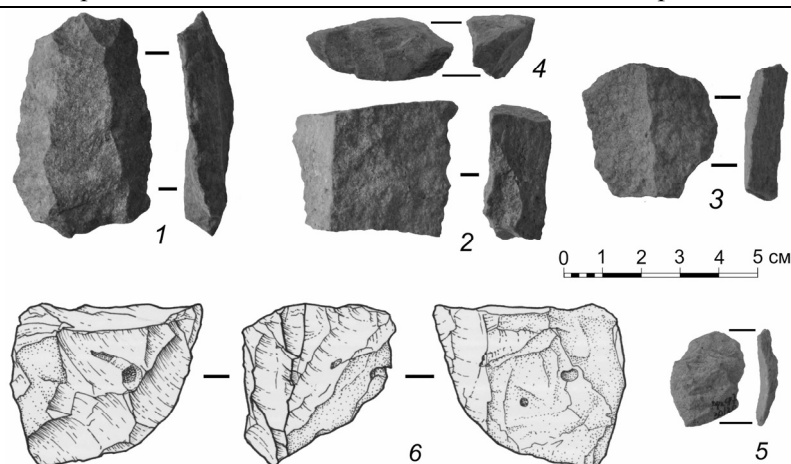

Рис. 4. Нуклеус и продукты расщепления с местонахождения Арышевское 2: 1 – пластина с краевой ретушью; 2 – медиальный фрагмент пластины с краевой ретушью; 3 – пластинчатый отщеп; 4 – краевой скол с негативами пластинчатых снятий; 5 – торцовый нуклеус с негативами пластинчатых снятий; 6 – краевой скол с карнизами от предшествующих снятий

Таблица

Типологический состав изделий из камня и продуктов его расщепления по разрезам на местонахождении Арышевское 2

Тип	Разрез												Всего
	CP1		CP3		CP4		CP5		CP7		CP8		
	Кол-во	% ³	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
Обломки	4	0,94	0	0	1	0,23	2	0,47	15	3,51	2	0,47	24
Осколки	25	5,85	0	0	0	0	1	0,23	86	20,14	4	0,94	116
Чешуйки	1	0,23	0	0	0	0	0	0	2	0,47	0	0	3
Технический скол	0	0,00	0	0	0	0	2	0,47	27	6,32	1	0,23	30
Краевой скол	2	0,47	0	0	0	0	0	0	23	5,39	0	0	25
Реберчатый скол	3	0,70	0	0	0	0	1	0,23	36	8,43	2	0,47	42
Нуклеус	1	0,23	0	0	1	0,23	0	0	4	0,94	0	0	6
Отщеп	13	3,04	0	0	0	0	1	0,23	34	7,96	3	0,70	51
Пластина	11	2,58	1	0,23	1	0,23	2	0,47	68	15,93	2	0,47	85
Пластинчатый скол	5	1,17	0	0	0	0	2	0,47	31	7,26	1	0,23	39
Наконечник	0	0	0	0	1	0,23	0	0	1	0,23	0	0	2
Нож	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,23	0	0	1
Скребловидное изделие	0	0	0	0	0	0,00	1	0,23	1	0,23	0	0	2
Тесловидное изделие	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,23	0	0	1
Всего	65	15,2	1	0,23	4	0,94	12	2,81	330	77,28	15	3,51	427

Арышевское (рис. 1, 2). Использование этой породы в качестве сырья для изготовления орудий труда в каменном веке имело большое распространение на территории юго-восточной части ЗСР. В работах разных авторов данная порода именуется как сливные кварцитовидные песчаники

³ От общего количества артефактов.

(Кирюшин, Малолетко, 1983) или кремнистые кварцитовидные песчаники (Горбунов, 1960). С точки зрения человека, расщепляющего и в последующем обрабатывающего эту породу, все эти дефиниции описывают один и тот же субстрат.

Методы, применяемые для выполнения поставленных задач, реализованы в рамках историко-культурного подхода. Для статистического описания коллекции применялся атрибутивный подход в части выделения, учета и статистического анализа технологически значимых признаков у описываемых артефактов. Учет осуществлялся путем измерения метрических параметров и определения качественных характеристик каждого артефакта с дальнейшей систематизацией полученных сведений. Последующий анализ выделенных признаков вместе с морфометрическими параметрами несущих их артефактов осуществлялся методами описательной статистики. Статистическая обработка проведена в программном пакете STATISTICA 10.0. Анализ связей между определяемыми качественными и количественными характеристиками осуществлен по алгоритмам описательной и многомерной статистики, кластерного анализа, которые заложены в используемом программном обеспечении. Применение данного подхода было обусловлено тем, что единственным материальным источником информации, необходимой для достижения поставленной цели, являлись обнаруженные артефакты. Наиболее полноценное «считывание» запечатленной в нем информации возможно путем учета визуально определяемых и измеряемых признаков. Такой подход к изучению подобных источников имеет положительный опыт в отечественной и международной практике (Павленок и др., 2011).

Используемые в работе термины приведены в соответствии с определениями, которые даны в методическом пособии по обработке коллекций (Методика..., 2013). Данное решение было принято исходя из необходимости унификации используемых понятий и терминов. В рамках настоящей работы это решение снижает нагрузку текста ссылками и объяснениями в каждом конкретном случае.

Первоочередным результатом является описание характерных черт изучаемой индустрии местонахождения Арышевское 2, выделенных путем статистического описания коллекций, которые были получены в ходе полевых работ в 2000 и 2019 гг. Облик нуклеусов (6 экз.) указывает на преобладание радиального плоскостного принципа расщепления, реализованного на торцовом и фронтальных формах. Из количественного состава типов сколов выделяется преобладание пластин (таблица), а по негативам на краевых сколах (рис. 4, 4, 6) видно, что расщепление было направлено на получение отщепов и пластин. Среди физически целых сколов средний индекс массивности⁴ у отщепов 32,7, у пластин и пластинчатых сколов 28,3. Столь высокие показатели индексов, вероятнее всего, зависят от исходного сырья и в первую очередь служат количественным показателем в морфометрических отличиях этих двух типов сколов. Эти факты позволяют охарактеризовать индустрию как пластинчатую. Также на это указывает морфологическая однородность всех пластинчатых сколов с преобладанием прямоугольных и трапециевидных форм, в то время как среди отщепов отсутствует стабильно воспроизводимая форма. Производство пластин на местонахождении имело систематический характер, так как дорсальная огранка пластин и пластинчатых сколов имеет продольное и бипродольное направление, а для отщепов характерна радиальная и бессистемная огранка.

Кластерный анализ морфологических признаков ударных бугорков и их метрических характеристик позволил выделить три устойчивых кластера среди сколов с сохранившейся проксимальной частью (91 экз.). Анализируемыми признаками были тип ударной площадки, ее форма и размеры. Первый кластер (32 экз. и 35,2 % от выборки) характеризуется естественной ударной площадкой неопределенной формы, которые обладают характерными «забитостями» и «надломами» при умеренно широкой и наиболее длинной волне на вентральной части. Второй кластер (26 экз. и 28,6 % от выборки) характеризуется преобладанием гладких и линейных ударных площадок с прямой и дугообразной формой при наименее узкой и короткой

⁴ Здесь и далее приводимые индексы рассчитаны по методике Н. К. Анисюткина.

волне на вентральной части. Третий кластер (33 экз. и 36,3 % от выборки) характеризуется преобладанием двугранных и точечных ударных площадок с выпуклой формой при наиболее широкой и умеренно длинной волне на вентральной части. Сопоставление выделяемых кластеров с определенной техникой расщепления не входит в задачи настоящей работы, поскольку больше соответствует другим целям, чем обоснование характеристики и возраста описываемой индустрии. Поэтому, исходя из целесообразности, выделенные кластеры были сопоставлены только с типами входящих в них сколов.

В результате анализа встречаемости приведенных признаков по типам сколов, проведенного методом многомерной статистики, было установлено, что к первому кластеру относятся отщепы, реберчатые, краевые и другие технические сколы. Преобладающий среди них облик иллюстрируется сколами обновления фронта нуклеусов, дорсальная поверхность которых изобилует характерными «надломами» (рис. 4, 5). Ко второму и третьему в равной доле относятся отщепы и пластины.

Вторичная обработка представлена разнообразной ретушью и грубой оббивкой. Из всей имеющейся коллекции вторично обработаны только 14 артефактов. Среди изделий с вторичной обработкой можно выделить три группы с различным характером ее нанесения, которые подразделяются на две культурно-хронологические традиции. К первой группе относятся изделия с краевой (рис. 3, 4) и захватывающей (рис. 3, 1, 2) ретушью, ко второй – с грубой оббивкой (рис. 3, 3), а к третьей – с покрывающей ретушью (рис. 3, 5).

Орудийный набор в коллекции представлен как характерными для палеолитических индустрий изделиями в виде бифаса, скребловидных орудий с выемкой (2 экз.) и ножа с обушком (рис. 3, 2–4), так и вовсе нетипичными для них тесловидным изделием и наконечником с субпараллельной покрывающей ретушью (рис. 3, 1, 5).

Результаты сравнительного анализа описанных изделий из камня и продуктов его расщепления с местонахождения Арышевское 2, проведенного методом аналогий, прослеживаются с разной степенью доказательности. Наиболее наглядно сравнение наконечника с субпараллельной покрывающей ретушью с аналогичными изделиями, обнаруженными при раскопках Яйского неолитического могильника (ЯНМ), которые проводились в 1955 г. В. И. Матющенко (Матющенко, 1963: 102, табл. 2). Как показывают и другие материалы с долины р. Яя, индустрии эпохи неолита на данной территории были ориентированы на получение пластин и микропластин путем призматического расщепления с торцовых, клиновидных и призматических нуклеусов (Ларюков, 1967: 113, рис. 1). Эти факты позволяют дифференцировать внутриописываемой коллекции изделия, относящиеся к индустриям разных эпох.

Менее доказательным выглядит сравнение методом аналогий материалов местонахождения Арышевское 2 с материалами других палеолитических местонахождений в долине р. Яя. Сходство определяется в способах первичного расщепления, в результате которого во всех сравниваемых индустриях продуцировались сколы овальной или ромбической формы с радиальной или бессистемной огранкой дорсальной части. Орудия в сравниваемых индустриях также более различны, чем схожи. Так, шиповидные изделия с выемкой на отщепах и пластины с краевой ретушью с местонахождения Шестаково (Позднепалеолитическое..., 2003: 94, рис. 58, 2, 6, 8, 12) имеют определенное морфологическое и технико-технологическое сходство со скребловидным изделием с выемкой и пластинчатыми сколами с местонахождения Арышевское 2 (рис. 3, 5) и с шиповидным изделием на отщепе с Воронино-Яя. Прямая аналогия скребловидному изделию с выемкой (рис. 3, 3) обнаруживается в материалах с местонахождения Воронино-Яя, где было обнаружено аналогичное изделие на отщепе с двухгранной площадкой (Зенин, Лещинский, 1998б). Однако описанные сходства в морфологии не могут быть приняты за основание для выделения каких-либо культурных взаимосвязей. А только отражают общую для сравниваемых индустрий эпохальную принадлежность по таким ключевым позициям в орудийном наборе, как шиповидные изделия на отщепах, оформленные выемками, пластины с краевой ретушью и бифасиальные формы с захватывающей ретушью.

Различия в размерах изделий и сколов, отраженные на рис. 5, иллюстрируют описанную выше эпохальную принадлежность комплексов, известных в долине р. Яя. Такие типы, как наконечники, бифасы, рубящие и шиповидные орудия, четко разделяются на эпохальные кластеры по метрическим параметрам. А увеличение массивности сколов и снижение их пластинчатости в отдельной коллекции указывают лишь на доступность сырья для древних обитателей. Например, массивностью сколов отличается коллекция с местонахождения Арышевское 1, расположенного непосредственно на выходах используемого в индустрии кремнистого песчаника, а некоторые изделия с ЯНМ имеют схожие метрические параметры, хотя относятся к эпохе неолита на основе комплекса археологических источников. Вместе с тем приведенный график подтверждает типологическое сходство наконечника с покрывающей ретушью с местонахождения Арышевское 2 (рис. 3, 5) и наконечников с ЯНМ, которые оформлены единообразно (рис. 5, 7). Это наблюдение наглядно демонстрирует работоспособность утверждения о различии между палеолитическими и неолитическими индустриями в метрических характеристиках изделий и сколов для индустрий каменного века нижнего течения р. Яя. Таким же образом размерная сетка наглядно демонстрирует, насколько индустрия местонахождения Арышевское 2 отлична от других индустрий, существовавших в долине р. Яя в различные периоды эпохи камня.

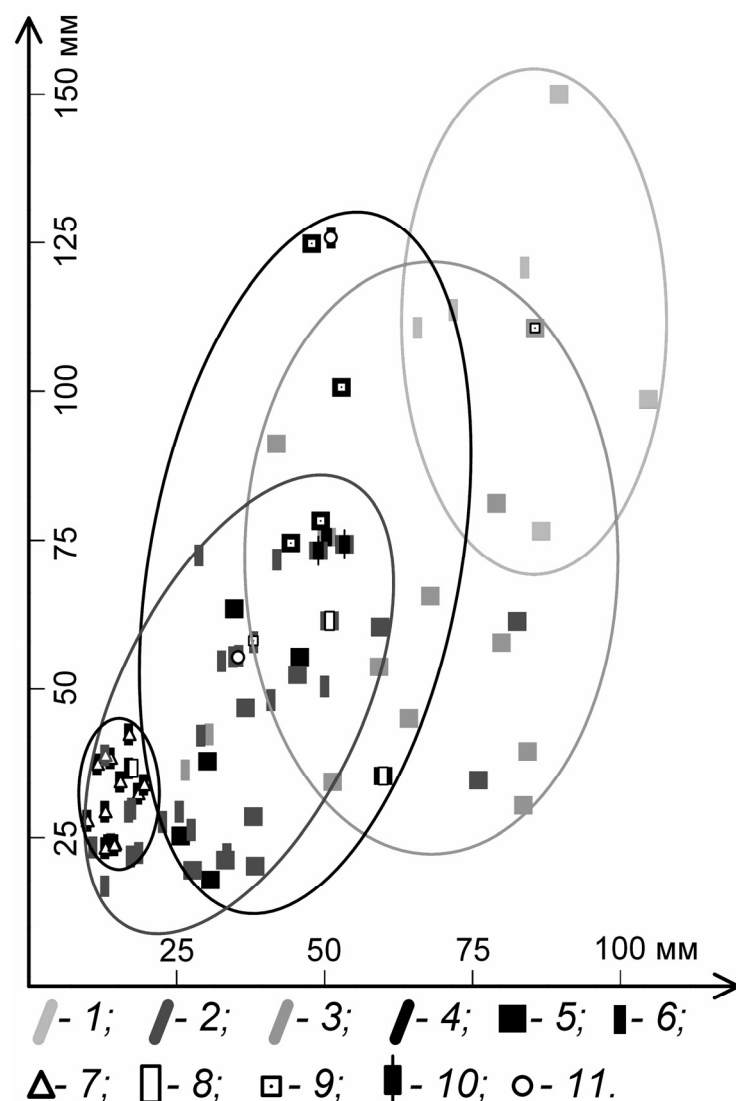

Рис. 5. Распределение по размерам сколов и изделий с памятников каменного века р. Яя: 1 – местонахождение Арышевское 1; 2 – местонахождение Арышевское 2; 3 – местонахождение Воронино-Яя; 4 – Яйский неолитический могильник; 5 – отщепы; 6 – пластины; 7 – наконечники; 8 – бифасы; 9 – рубящие орудия; 10 – орудия с выемками на отщепах; 11 – ножи

Следует также привести в качестве аргумента для обоснования хронологической принадлежности местонахождения Арышевское 2 ландшафтно-топографические особенности расположения позднепалеолитических объектов сартанского возраста в юго-восточной части ЗСР в общем и в Обь-Енисейском междуречье в частности. Все объекты расположены на геоморфологических структурах, приуроченных к II надпойменным террасам и зачастую на тех их участках, где обнажаются или близко к поверхности залегают третичные породы. Современная ландшафтная ситуация на данных объектах в широтном простираии характеризуется как периферия южной тайги и лесостепи. Для всех позднепалеолитических объектов, расположенных в таких условиях, характерна еще одна особенность – развитое оврагообразование на прибровочной части террасы и расположение в непосредственной близости от ложбины стока или глубокого оврага с водотоком, проистекающим с уровня поверхностного залегания грунтовых вод. Имеющиеся сведения о данных характеристиках памятников эпохи неолита, расположенных в долине р. Яя и в Причулымье, говорят об их приуроченности к иным геоморфологическим структурам (Беликова, 1995).

В результате проведенной работы были получены сведения, прямо и косвенно указывающие на позднепалеолитический характер индустрии с местонахождения Арышевское 2, время существования которой определяется временем сартанского оледенения. Малочисленность орудийного инвентаря не позволяет сформулировать доказательную характеристику хозяйственного уклада древних обитателей этого памятника. Но определенно точно позволяет определить их как носителей культуры эпохи позднего палеолита, характерные черты которой присущи индустрии этого местонахождения и неоднократно выявлялись в юго-восточной части ЗСР. Определение пространственно-временных связей описываемых в настоящей работе культурных явлений относится к перспективам дальнейшего изучения позднего палеолита ЗСР.

Определение используемой древними обитателями местонахождения техники расщепления может быть определено только предположительно на основании сопоставления косвенных свидетельств. Определяющим фактом для такого предположения следует считать выделение трех кластеров среди морфометрических характеристик ударных площадок у сколов с сохранившейся проксимальной частью. Следующим основанием является принадлежность типов сколов к выделяемым кластерам. На основании этого можно предположить, что древними обитателями местонахождения для расщепления сырья применялась ударная и отжимная техники. Описанные признаки на включенных в выборку сколах характерны для каждой из этих техник (Гиря, Нехорошев, 1993; Павленок, Павленок, 2012). Развивая это предположение, следует отметить, что отжим мог быть реализован на торцовом нуклеусе, который обнаружен в единственном экземпляре (рис. 4, 6). Также имеются краевые сколы с субпараллельными негативами снятий (рис. 4, 4), которые демонстрируют следы подправки края площадки и фронта нуклеуса, столь характерные при использовании отжимной техники (Павленок, Павленок, 2014).

При определении возраста индустрии местонахождения Арышевское 2 был получен ряд фактов, объяснение которых необходимо ввиду их неоднозначности. Речь идет о находках ретушированного наконечника, тесловидного изделия (рис. 3, 1, 5) и специфике того сырья, из которого они изготовлены. Существующие представления о материальной культуре каменного века юго-восточной части ЗСР указывают на повсеместное использование в качестве основного сырья кремнистого кварцитовидного песчаника (Зенин, 2002; Горбунов, 1960). В долине р. Яя полностью основанными на данном сырье достоверно являются только индустрии эпохи палеолита. Все обнаруженные памятники голоценового времени (Матющенко, 1963; Ларюков, 1967) демонстрируют полисырьевой характер индустрий. Следовательно, обсуждаемые изделия могут быть дифференцированы по данному критерию на основании приведенной закономерности, поскольку изготовлены они из разных пород.

Стратиграфический контекст этих находок таков, что найденный в шурфе СР4 наконечник происходит из слоя 2, от которого весь остальной массив артефактов отделяет слой 3

(рис. 2). А тесловидное изделие, обнаруженное вместе с остальными орудиями в шурфе СР7 (рис. 2; таблица), происходит из слоя 4. Тем самым стратиграфические условия залегания делают очевидными различия в возрасте этих изделий.

Другим обстоятельством, указывающим на различный возраст этих предметов, являются различия во вторичной обработке, которые определяются разницей в используемых инструментах и техниках обработки. Данная ситуация проявилась при поиске аналогий тесловидному изделию (рис. 3, 1). По своей морфологии данное изделие может быть отнесено к эпохе неолита, но в материалах с ближайших памятников этого периода в долине р. Яя отсутствуют тесла или топоры с захватывающей ретушью по 3/4 периметра. Покрывающая субпараллельная ретушь в юго-восточной части ЗСР характерна только для индустрий эпохи голоцена. Ближайшим памятником этой эпохи является ЯНМ, исследованный в 1950-е гг. (Матющенко, 1963: 41, табл. 2). Помимо морфологического присутствует и технико-технологический критерий – покрытие равнофасеточной и регулярной ретушью такого сравнительного малогабаритного изделия, как на обнаруженный в СР4 наконечник (рис. 3, 5), возможно только путем ручного отжима с мягким отжимником (Гиря, Нехорошев, 1993). Наличие такого инструментария и технологии продуцировало бы сколы с характерными признаками его применения, но их в коллекции не обнаружено.

В свете приведенных сведений более состоятельным представляется определение этого тесловидного изделия незавершенным или утилизированным бифасом, которые известны как в самой коллекции (рис. 3, 2), так и по находкам в долине р. Яя (Гребнева, 2017: 183) и в долине р. Чулым (Зенин, Лещинский, 2018). При постановке в один ряд с другими бифасами, отнесение данного артефакта к позднепалеолитическим изделиям не вызывает сомнений. Хронологическая принадлежность наконечника с покрывающей ретушью ввиду вышеперечисленных обстоятельств не может быть определена никак иначе, как периодом неолита. Факт его обнаружения на местонахождении носит случайный характер, но указывает на стратиграфическую обособленность культурных остатков позднего палеолита и неолита.

На основании изложенного можно сделать вывод о позднепалеолитическом возрасте изучаемой индустрии местонахождения Арышевское 2, поскольку ее основные изделия и сколы по метрическим параметрам и морфологии схожи с аналогичными артефактами с местонахождения Воронино-Яя и существенно отличаются по данным критериям от продуктов расщепления и выполненных на их основе изделий с ЯНМ.

Проведенные исследования местонахождения Арышевское 2 позволяют сформулировать перспективы дальнейшего изучения как самого местонахождения, так и долины нижнего течения р. Яя в целом. В отношении к местонахождению необходимо уточнение границ его территории в северном и восточном направлении, поскольку при проведении полевых работ в 2019 г. на данном направлении не закладывалось разрезов. Решение данной задачи необходимо коррелировать с ландшафтной обстановкой на местонахождении в целях уточнения поисковых признаков подобных объектов. В масштабах района проведения исследований дальнейшие перспективы видятся в продолжении поисковых работ по правому берегу р. Яя. Основанием для этого являются расположение выходов кремнистого песчаника, используемого на позднепалеолитических местонахождениях в долине р. Яя, а также описанные О. Б. Беликовой «следы» неолитического населения в Причулымье (Беликова, 1995) и находки изделий из камня позднепалеолитического облика.

Список сокращений

ГГС – Государственная геодезическая сеть; ЗСР – Западно-Сибирская равнина; ИАЭТ – Институт археологии и этнографии; РАН – Российская академия наук; СО – Сибирское отделение; ТГУ – Томский государственный университет; ТОКМ – Томский областной краеведческий музей; ЯНМ – Яйский неолитический могильник.

Литература:

- Анисюткин Н. К.** Опыт использования массивности сколов как показателя относительной хронологии в палеолите // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 97–106.
- Беликова О. Б.** Перспектива исследования памятников неолита и бронзового века в среднем Причулымье (к археологической карте Томской области) // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири: сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 7–35.
- Гиря Е. Ю., Нехорошеев П. Е.** Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // Советская археология. 1993. № 4. С. 5–24.
- Горбунов М. Г.** К изучению яйского горизонта кремнистых пород в Западной Сибири // Доклады АН СССР. 1960. Т. 133, № 2. С. 427–430.
- Гребнева Г. И.** Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. 554 с.
- Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Мащенко Е. Н.** Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: Изд-во ИЭАТ СО РАН, 2003. 168 с.
- Зенин В. Н., Лещинский С. В.** Новое палеолитическое местонахождение в Томской области (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. С. 98–102.
- Зенин В. Н., Лещинский С. В.** Новые данные о палеолитическом местонахождении Воронино-Яя в Томской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. С. 96–97.
- Зенин В. Н., Лещинский С. В., Постнов А. В., Борисов М. А.** Исследование палеолитического местонахождения Арышевское 2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. 6. С. 137–140.
- Зенин В. Н., Лещинский С. В.** Находка бифаса в долине нижнего Чулыма (юго-восток Западно-Сибирской равнины) // Эволюция жизни на Земле: материалы V международного симпозиума. Томск: Изд. дом ТГУ, 2018. С. 208–210.
- Зенин В. Н.** Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С. 22–44.
- Иванова Г. М., Шацкий С. Б., Алябьева В. И., Костенич А. В., Арцюхевич М. А.** Геологическая карта СССР масштаба 1:200000. Серия Кетская. Лист О-45-XXVII – Яя. Объяснительная записка. Л.: ВСЕГЕИ, 1966. 89 с.
- Кащенко Н. Ф.** Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком // Зап. Импер. Академии наук. СПб., 1901. Сер. VIII: Т. 11, № 7. 60 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.** Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горняки и металлурги Сибири: межвузовский сборник научных статей. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 3–19.
- Ларюков А. И.** Археологические памятники в среднем течении р. Яя // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 111–113.
- Макаров С. С., Зольников И. Д., Аношкин А. А., Резвый А. С., Постнов А. В., Выборнов А. В.** Освоение Нижнего Приобья в позднем плейстоцене по археологическим данным // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 5: Археология и этнография. С. 43–54.
- Матющенко В. И.** Яйский неолитический могильник // Труды ТГУ. Томск, 1963. Т. 165. С. 97–103.
- Методика обработки коллекций.** Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. 390 с.
- Павленок К. К., Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П.** Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 35–46.
- Павленок Г. Д., Павленок К. К.** Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 12. № 7. С. 29–37.
- Павленок Г. Д., Павленок К. К.** Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 5. С. 26–36.
- Петрин В. Т.** Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 144 с.

Бычков Дмитрий Александрович.

Младший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30 декабря 2022 г.

D. A. Bychkov

NEW MATERIALS FROM THE STONE AGE SITE ARYSHEVSKOE 2 IN THE VALLEY OF THE RIVER YAYA (TOMSK REGION)⁵

The Aryshevskoe 2 site is currently located in one of the peripheral places of the West Siberian oecumene of the Stone Age people. It differs from other monuments in the area by the nature of the industry and the lack of absolute dating. These circumstances have led to resuming its exploration in 2019.

The purpose of this article is to publish the materials obtained and the results of their analysis. A series of pits were excavated around the trenches already dug in 2000 on the side of the terrace. A collection of 427 artifacts was found during the excavations. The materials from 2000 and 2019 were studied using a number of methods: the method of analogies, descriptive statistics, and multivariate statistics.

The cores show the predominance of the flat-flaking principle. In the case of the tools, the bifacial forms predominate, to which analogies can be found in the adjacent areas in the south and east. The chips are divided into 3 clusters according to technological criteria. This is the result of a cluster analysis of the size and morphology of their force bulbs and butts. Blades with a constantly reproducible shape predominate over flakes with a wide variety of shapes. The collection of tools appears to be typical of the Late Paleolithic. In addition, the collection also contains tools that are atypical for this period. The reasons for their distinction are described in detail in a separate part of the article.

The result of the study is the determination of the characteristic features of the industry and the relative time of its existence. The industry is distinguished from similar Paleolithic sites by its characteristic lamellar and bifacial artifacts. Chips with features of percussion dominate the overall statistics, despite the division into three groups of chips according to the results of cluster analysis. The prospect of further study of this site is evident in the spatial analysis of the distribution of artifacts and in the absolute dating of the deposits they contain.

Keywords: *Yaya, Aryshevskoe, Late Paleolithic, Neolithic, stratigraphy, statistics, typology, Tomsk region*

References:

Anisyutkin N. K. Opyt ispolzovaniya massivnosti skolov kak pokazatelya otnositelnoi khronologii v paleolite [Experience in using the massiveness of chips as an indicator of relative chronology in the Paleolithic] // Metodicheskie problemy arkheologii Sibiri. Novosibirsk, Nauka, 1988. P. 97–106 (in Russian).

Belikova O. B. Perspektiva issledovaniya pamyatnikov neolita i bronzovogo veka v srednem Prichulyme (k arkheologicheskoi karte Tomskoi oblasti) [Prospects for the study of Neolithic and Bronze Age sites in the middle Chulym region (to the archaeological map of the Tomsk region)] // Materialy i issledovaniya kulturno-istoricheskikh problem narodov Sibiri: sbornik statei. Tomsk, TSU Publ., 1995. P. 7–35.

Girya E. Yu., Nekhoroshev P. E. Nekotorye tekhnologicheskie kriterii arkheologicheskoi periodizatsii kamennykh industrii [Some technological criteria for the archaeological periodization of stone industries] // Soviet archeology. 1993. No 4. P. 5–24 (in Russian).

Gorbunov M. G. K izucheniyu yaiskogo gorizonta kremnistykh porod v Zapadnoi Sibiri [On the study of the Yaya horizon of siliceous rocks in Western Siberia] // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. 1960. Vol. 133, No 2. P. 427–430 (in Russian).

Grebneva G. I. Katalog arkheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Catalog of the archaeological collection of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk: TSU Publ., 2017. 554 p.

⁵ The work was carried out within the framework of the research project IAET SB RAS FWZG -2022-0007 "Geochronology of cultural and historical processes in the Pleistocene-Holocene of North Asia based on a comprehensive study of geoarchaeological objects". The author thanks V. N. Zenin for the opportunity to work with the material and for advice, A. V. Kharevich and M. V. Seletsky for help with editing the text, A. V. Fedorov, M. A. Novitskaya, and V. V. Zhukov for help with fieldwork, D. A. Bakhareva and A. A. Zograf for help with illustrations.

- Derevyanko A. P., Molodin V. I., Zenin V. N., Leshchinskii S. V., Mashchenko E. N.** Pozdnepaleolitcheskoe mestonakhozhdenie Shestakovo [Late Paleolithic Shestakovo site]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 168 p.
- Zenin V. N., Leshchinskii S. V.** Novoe paleolitcheskoe mestonakhozhdenie v Tomskoi oblasti (predvaritelnoe soobshchenie) [A new Paleolithic site in the Tomsk region (preliminary report)] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii: materialy VI godovoi itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998a. P. 98–102.
- Zenin V. N., Leshchinskii S. V.** Novye dannye o paleolitcheskom mestonakhozhdenii Voronino-Yaya v Tomskoi oblasti [New data on the Paleolithic site of Voronino-Yaya in the Tomsk region] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii: materialy VI godovoi itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998b. P. 96–97.
- Zenin V. N., Leshchinskii S. V., Postnov A. V., Borisov M. A.** Issledovanie paleolitcheskogo mestonakhozhdeniya Aryshevskoe 2 [Study of the Paleolithic site Aryshevskoe 2] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000. Vol. 6. P. 137–140 (in Russian).
- Zenin V. N., Leshchinskii S. V.** Nakhodka bifasya v doline nizhnego Chulyma (yugo-vostok Zapadno-Sibirskoi ravniny) [Finding a biface in the valley of the lower Chulym (southeast of the West Siberian Plain)] // Evolyutsiya zhizni na Zemle: materialy V mezhdunarodnogo simpoziuma. Tomsk: TSU Publ., 2018. P. 208–210.
- Zenin V. N.** Osnovnye etapy osvoeniya Zapadno-Sibirskoi ravniny paleolitcheskimi chelovekom [The main stages of the development of the West Siberian Plain by Paleolithic man] // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2002. No 4. P. 22–44 (in Russian).
- Ivanova G. M., Shatskii S. B., Alyabeva V. I., Kostenich A. V., Artsyukhevich M. A.** Geologicheskaya karta SSSR masshtaba 1:200000. Seriya Ketskaya. List O-45-XXVII – Yaya. Obyasnitelnaya zapiska [Geological map of the USSR, scale 1:200000. Ketskaya series. Sheet O-45-XXVII – Yaya. Explanatory note]. L.: VSEGEI, 1966, 89 p.
- Kashchenko N. F.** Skelet mamonta so sledami upotrebleniya nekotorykh chastei tela etogo zhivotnogo v pishchu sovremennym emu chelovekom [Mammoth skeleton with traces of consumption of some parts of the body of this animal for food by modern man] // Zap. Imp. Akademii nauk. SPb., 1901, bd. VIII: Vol. 11, No 7. 60 p.
- Kiryushin Yu. F., Maloletko A. M.** Geograficheskoe rasprostraneniye slivnykh kvartsitovidnykh peschanikov – syrya dlya izgotovleniya orudii v epokhi neolita i bronzy [Geographical distribution of drain quartzite sandstones – raw materials for the manufacture of tools in the Neolithic and Bronze Ages] // Drevnie gornyyaki i metallurgi Sibiri: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. Barnaul: AGU Publ., 1983. P. 3–19.
- Laryukov A. I.** Arkheologicheskie pamyatniki v srednem techenii r. Yai [Archaeological sites in the middle reaches of the Yaya River] // Reports of the Laboratory of Archaeological Research, 1967, Vol. 1. P. 111–113 (in Russian).
- Makarov S. S., Zolnikov I. D., Anoin A. A., Rezvyi A. S., Postnov A. V., Vybornov A. V.** Osvoenie Nizhnego Priobya v pozdnem pleistotsene po arkheologicheskimi dannymi [Assimilation of the Lower Ob in the Late Pleistocene According to Archeological Data] // Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, Vol. 20, No. 5. P. 43–54. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-5-43-54 (in Russian).
- Matyushchenko V. I.** Yaiskii neolitcheskii mogilnik [Yaya Neolithic burial ground] // Proceedings of TSU. 1963. Vol. 165. P. 97–103 (in Russian).
- Metodika obrabotki kolleksii** [Collection processing technique]. Novosibirsk: NSU Publ., 2013. 390 p.
- Pavlenok K. K., Belousova N. E., Rybin E. P.** Atributivnyi podkhod k rekonstruktsii "operatsionnykh tsepochek" rasshchepleniya kamnya [Attributive approach to reconstruction of "chaîne opératoire" of knapped technology] // Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2011, Vol. 10, No. 3. Archeology and ethnography. P. 35–46 (in Russian).
- Pavlenok G. D., Pavlenok K. K.** Udarnye tekhniki skola v kamennom veke: obzor anglo- i russkoyazychnoi literatury [Percussion flaking in the Stone Age: review of English and Russian published sources] // Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2012. Vol. 12, No. 7. P. 29–37 (in Russian).
- Pavlenok G. D., Pavlenok K. K.** Tekhnika otzhima v kamennom veke: obzor anglo- i russkoyazychnoi literatury [Pressure technique in the Stone Age: review of English and Russian published sources] // Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2014. Vol. 13, No. 5. P. 26–36 (in Russian).
- Petrin V. T.** Paleolitcheskiiye pamyatniki Zapadno-Sibirskoi ravniny [Paleolithic sites of the West Siberian Plain]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986. 144 p. (in Russian)

Bychkov Dmitriy Aleksandrovich.

Junior Research Assistant.

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS.

Acad. Lavrentiev Av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Т. А. Гончарова

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ СИБИРЯКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается образ исторической родины, сформировавшийся в исторической памяти сибирского населения. Одной из форм сохранения и трансляции этого образа являются различного рода мемуарные тексты, ставшие источниковой базой для данного исследования. Анализируются воспоминания, написанные жителями томского региона во второй половине XX – начале XXI в. По своему происхождению авторы повествований являются детьми пореформенных переселенцев и спецпоселенцев 1930-х гг. Рассмотрение образа исторической родины происходит в пространственно-временных координатах, определяемых структурой исторической памяти. В результате автором статьи сделаны выводы о том, что образ исторической родины в мемуарных текстах вырисовывается в пространственных координатах, имеющих региональное измерение. Он дополняется характеристиками природно-климатических условий и социально-экономического развития. Историческая родина в воспоминаниях выявляется как географический регион с историческим прошлым, ставший частью биографии семьи. Обращение к мемуарным текстам показало некоторое отличие в восприятии образа исторической Родины в зависимости от принадлежности к добровольным или вынужденным переселенцам. Образ исторической Родины в воспоминаниях спецпереселенцев рисуется исключительно в позитивном русле. Закрепление положительного образа в исторической памяти этой группы переселенцев связано с культурной травмой, нанесенной в результате принудительного переселения, а также тяготами и лишениями, связанными с обустройством на новом месте. Более мозаичным в плане оценок выглядит образ исторической родины в текстах потомков пореформенных переселенцев. В них при преобладании положительных характеристик встречаются и «недостатки», ставшие причиной переселения. Несмотря на некоторую временную и территориальную отдаленность родины предков, ощущаемую современными сибиряками, она воспринимается в качестве родного пространства, исторической родины, с которой они прочно связаны.

Ключевые слова: *историческая родина, историческая память, пореформенные переселенцы, спецпоселенцы, Сибирь, Томская область, мемуары*

В современном сибирском обществе, сформировавшемся за счет разновременных миграционных потоков, один из маркеров этнокультурной идентичности связан с соотношением с определенной переселенческой группой – пореформенными переселенцами, спецпоселенцами («раскулаченными») или депортированными. Обретение новой родины не стерло память об исторической родине у переселенцев. Семейная межпоколенная связь стала надежным каналом передачи и сохранения сведений о родине предков. В бережно хранимых семейных историях они дошли до нынешних поколений, сыграв важную роль в формировании исторической памяти современных сибиряков.

Различные аспекты исторической памяти сибиряков уже привлекали внимание исследователей. Прежде всего обращение к этой теме имеет место в исследованиях, посвященных переселению в Сибирь и адаптации. Особенности исторической памяти русских Сибири, касающейся образования поселений, рассматривает в своей статье А. Ю. Майничева (Майничева, 2014), способы экологической и социокультурной адаптации русских старожилов и переселенцев в Сибири – Г. В. Любимова (Любимова, 2018). Как отмечает Т. К. Щеглова, во временных конфигурациях информация в исторической памяти хранится в двух видах: в случае удаленного прошлого – в виде мифологизированных преданий, семейных легенд и былей, в случаях недавнего прошлого – в виде «life story» непосредственных участников, полученной путем опроса и фиксации нарратива (Щеглова, 2017: 25). Именно второй вид информации стал основой для многочисленных исследований, посвященных изучению системы жизнеобеспечения сибирского населения (Логунова, Черняева, 2000; Щеглова, 2014). Конечно, вышеназванные работы являются лишь скромной частью исследований, затрагивающих историческую память сибирского населения. Однако удалось заметить, что тема исторической родины

в них затрагивается лишь косвенно. Специального изучения образа исторической родины в исторической памяти сибиряков не проводилось.

Обращение к понятию «историческая родина» показало, что разработано оно применительно к диаспорам. В. А. Тишков, относя историческую родину к основным признакам диаспоры, отмечает, что исторические групповые миграции, дрейф самой этнической идентичности и подвижность политической лояльности затрудняют определение «исторической родины». Обычно под родиной имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно-схожий с ней массив (Тишков, 2003: 443).

Обозначенный таким образом теоретический подход применим к диаспорным группам, которые в том числе сформировались в Сибири в пореформенный период. Однако он не распространяется на другую группу сибирского населения – спецпоселенцев, высланных в 1930-е гг. на основе социального фактора, а не этнического.

Однако в исторической памяти потомков спецпоселенцев имеется довольно четкое представление о потерянной родине. Конечно, в ряде случаев речь идет о детях, высланных вместе с родителями и сохранивших память о потерянной ими малой родине, под которой можно понимать «место рождения индивида, проживающего ныне в другой географической точке своей Родины, но сохранившего воспоминания о родном гнезде» (Артановский, 2012: 6). Однако чаще в исторической памяти спецпоселенцев содержатся сведения о малой родине их предков, о тех местах, где они не только не родились и даже зачастую никогда не бывали. Мы имеем дело не просто с образом малой родины, отраженной в индивидуальной исторической памяти, а образом потерянной исторической родины, который сформировался в групповой идентичности спецпоселенцев.

Одной из форм сохранения и трансляции образа исторической родины являются различного рода персональные тексты. К их числу можно отнести письма, дневники, автобиографии, мемуары. В них оказывается запечатленным индивидуальный опыт и тот или иной уровень его осмысления (Репина, 2001: 344), то, что отражает индивидуальную историческую память. Однако анализ источников личного происхождения позволяет выйти на групповой уровень, поскольку коллективная (групповая, страновая, национальная, локальная, глобальная) историческая память включает индивидуальную, но не как механическую сумму представлений отдельных личностей, а как обобщенный образ этих представлений, принимаемый и узнаваемый всеми (Мазур, 2013: 245).

Источниковую базу данного исследования составили мемуарные тексты жителей томского региона, написанные во второй половине XX – начале XXI в. Авторы повествований по своему происхождению являются детьми пореформенных переселенцев и спецпоселенцев 1930-х гг.*

Стоит отметить, что информация об авторах и истории создания произведений значительно разнится. Семейную историю под названием «Быль о родных» написал Александр Андреевич Малиновский, уроженец ныне исчезнувшего украинского села Бороковка Асиновского района Томской области, более известного как Чесноки. Его родители были выходцами из Украины, первопоселенцами этого села. А. А. Малиновский не датировал «Быль о родных». Не удалось получить сведений о времени создания этого произведения и у родственников автора. Можно предположить, что оно было написано приблизительно в 1980–90-е гг. Основанием так считать служат косвенные свидетельства, содержащиеся в самом тексте. Возможно, что выход на пенсию и появление свободного времени подтолкнули автора взяться за перо. Особый колорит семейной истории «Быль о родных» А. А. Малиновского придает ее стихотворная форма. Возможно, с художественной точки зрения произведение выглядит довольно

* К настоящему моменту в Томской области не удалось обнаружить мемуарных текстов, авторы которых по своему происхождению были бы депортированными или их потомками.

наивно, однако творческий подход автору к реализации своего замысла, бесспорно, заслуживает уважения и выделяет такой текст среди аналогичных. Авторский текст составляет двенадцать листов школьной тетради (Гончарова, 2019: 86).

Местом хранения произведения А. А. Малиновского долгое время являлся семейный архив его племянницы Т. М. Потрошковой. К сожалению, к настоящему времени оригинал текста утрачен, а копия, с согласия родственников, находится в личном архиве Т. А. Гончаровой. В 2019 г. «Быль о родных» была опубликована в сборнике мемуарных текстов жителей Томской области «Я вам, родные, излагаю быль» в рамках проекта РФФИ «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей» (Малиновский, 2019: 41–65).

Еще одно стихотворное произведение было создано жительницей с. Тегульдет Томской области Екатериной Романовной Хариной. В 1930-е гг. она вместе с родителями была выслана из Башкирии в Сибирь, в Томскую область. В 1990–1991 гг. она написала, по ее собственному выражению, «поэму». Оригинал воспоинай включает 12 машинописных листов. Он хранится в архиве сына автора В. И. Харина, проживающего в с. Тегульдет Томской области. В 2019 г. воспоминания Е. Р. Хариной также опубликованы в рамках вышеназванного проекта РФФИ (Харина, 2019: 68–91).

Реализация Томским областным краеведческим музеем проекта «Сибиряки вольные и невольные» предоставила жителям региона уникальную возможность разместить свои воспоминания на сайте. Так, в 2015 г. частично были опубликованы воспоминания Феоктисты Никифоровны Рябчиковой – жительницы Чаинского района Томской области, родители которой были сосланы в Сибирь с Алтая в 1930 г. (Рябчикова, 2015). В полном объеме рукописный текст объемом 6 страниц, датированный 2008 г., хранится в домашнем архиве ее дочери – В. Д. Банниковой (с. Варгатер, Чаинский район, Томская область). Она же и разместила фрагменты текста на сайте ТОКМ.

В 2019 г. на этом же сайте была размещена автобиография, написанная жителем г. Асино Томской области Василием Филипповичем Браневским, сыном пореформенных переселенцев. В конце XIX в. его родители обосновались в пос. Ксеньевский (впоследствии г. Асино). Текст представлен в двух версиях: официальная и версия, написанная В. Ф. Браневским для детей и внуков. Примечания в тексте сделаны внучкой В. Ф. Браневского – Ниной Михайловной Браневской, она и разместила текст на сайте. Электронный документ объемом более 40 страниц, кроме повествовательной части, включает много наглядного материала – фотографии, карты, схемы. Мемуарный текст датирован 1963 г. (Браневский, 2019).

В 2011 г. вышло в свет автобиографическое произведение жителя Первомайского района Виктора Максимовича Шестакова, родители которого были высланы в Томскую область в начале 1930-х гг. (Шестаков, 2011).

Еще одно произведение мемуарного характера, посвященное истории родного села, было опубликовано в 2015 г. (Веретено, 2015). В центре внимания история поселка спецпоселенцев Захарково. Автором идеи и руководителем проекта стал Василий Ануфриевич Веретено, семья которого была выслана в Сибирь из Молдавии. Работа включает воспоминания многих жителей этого села.

Конечно, разного рода мотивы побудили авторов с непохожими личными и семейными биографиями взяться за написание мемуаров. В центре внимания оказались различные сюжеты, однако в каждом из воспоминаний нашлось место для далекой родины предков, о которой хотелось поведать другим людям.

Исследовательская проблема образа исторической родины сложна и многогранна. В данном исследовании мы обращаемся к образу исторической родины не просто бытующему среди современных сибиряков, но и сознательно транслируемому в публичное пространство.

Подобная постановка вопроса определяется спецификой привлекаемой источниковой базы. Речь идет о написанных по собственной инициативе авторов воспоминаниях,

которые они сделали достоянием общественности. При всем кажущемся стремлении «писать для себя» у всех авторов есть свой читатель. Специалисты отмечают, что для автора будущий читатель несомненен. Причем этот гипотетический читатель, по-видимому, мыслится автором дистанцированным от последнего во времени (потомки) и/или в пространстве, географическом и культурном (столичные, грамотные люди) (Лурье, 2001: 24).

Среди рассматриваемых мемуаров встречаются как адресованные родственникам, так и в целом будущим поколениям. «Посвящаю эту мою биографию вам, мои дорогие дети и внуки», – пишет В. Ф. Браневский (Браневский, 2019). «Пишу Вам мои родные», – обращается в своей семейной истории А. А. Малиновский, делая при этом ремарку «чужим нет секрета»* (Малиновский, 2019: 41). Кроме того, как выше уже отмечалось, основная часть текстов опубликована либо размещена на официальных сайтах. Тем самым очевидно желание авторов сделать свое произведение доступным для читателя.

В информационном плане историческая память обладает временной и пространственной структурой (Мазур, 2013: 245), в которой и будет рассматриваться образ исторической родины. Анализ мемуарных текстов показал, что историческая родина у современных жителей томского региона ассоциируется с вполне конкретными пространственными границами. В значительной части рассматриваемых воспоминаний имеются сведения, в ряде случаев довольно точные, о месте рождения и проживания родственников авторов до переселения в Сибирь. Более того, в воспоминаниях потомков пореформенных переселенцев, написанных в жанре семейной истории, сюжет о переселении их предков в Сибирь зачастую служит в качестве отправной точки повествования. Чаще всего встречается следующий прием повествования: «Мои родители, отец и мать, родились и жили до 1899 года в Белоруссии, в бывшей Виленской губернии Дисненского уезда Залесской волости деревня Глинская» (Браневский, 2019).

Разнится объем информации о местах выхода в воспоминаниях детей из семей спецпоселенцев, причем независимо, родился там автор или нет. Так, довольно подробные сведения содержатся в воспоминаниях Е. Р. Хариной. О месте своего рождения она говорит так: «В Башкирии родилась я, в селе, которое “В честь “Соломона” назвалось» (Харина, 2019: 69). В воспоминаниях В. А. Веретено, рожденного в Сибири, содержится отдельная глава над названием «Плоть», посвященная истории родного села его отца в Молдавии (Веретено, 2015: 78). В некоторых мемуарах этот сюжет представлен довольно скромно. Так, упоминается, что «отец мой родом с Алтая» (Рябчикова, 2015), или «местом рождения деда был Красноярский край» (Шестаков, 2011: 8).

Пространственные координаты в воспоминаниях дополняются характеристикой природно-климатических условий родины предков. Так, Башкирия – это место, где можно найти «И земли плодородные, / Не только земли и леса, / А все дары природные» (Харина, 2019: 69). Образ «плодородной Молдавии», где «зелень деревьев, холмистые склоны, участки виноградников» до сих пор живет в памяти семьи Веретено (Веретено, 2015: 74).

Один из приемов художественного выражения, который позволял более рельефно подчеркивать благоприятные условия на исторической родине, – противопоставление с Сибирью. Так, А. А. Малиновский, повествуя о переселении своих родителей из Украины в Сибирь, отметил, что они «меняли тепло и фрукты на рожь и холод» (Малиновский, 2019: 41).

Также пространственные границы исторической родины сопровождаются социально-экономическими характеристиками. Вполне закономерно, что, по сути, вынужденное переселение в Сибирь в пореформенный период было связано с трудностями на исторической родине. Как пишет в своей семейной истории А. А. Малиновский, «...Гнали крестьян с / Украины Столыпин и голод». Встречается на страницах его произведения и образ «хилой хаты», которую его отец оставил на Украине (Малиновский, 2019: 41–42). Вот еще один пример

* При цитировании произведений А. А. Малиновского и Е. Р. Хариной сохраняется авторская орфография, пунктуация и разбивка на строфы.

описания жизни отца до переселения в Сибирь: «Отец жил в большой семье. Так как их было три брата, а земли на всех было всего 5 гектар, жили бедно, и не было ничего хорошего впереди. <...> Чтобы улучшить жизнь, отец в 1899 году переехал жить в Сибирь ...» (Браневский, 2019). Проблему социального неравенства и угнетения весьма поэтично подчеркнул А. А. Малиновский: «Видно всюду так ведется / нужен перелом, что один потеет / в поле, другой за столом» (Малиновский, 2019: 41).

На этом фоне более благополучной выглядит жизнь спецпоселенцев на исторической родине: «Отец мой, Трубачев Никифор Дмитриевич, родом с Алтая. <...> Жили своим хозяйством, имея 2 лошадей, 2 коров, да кое-какую мелкую живность. Самым большим богатством была пасека в несколько ульев. <...> Жили, как и большинство в селе» (Рябчикова, 2015). Хозяйство семьи в Башкирии до переселения в Сибирь, как вспоминает Е. Р. Харина, включало несколько коров, лошадей, а также свиней, овец, кур (Харина, 2019: 70).

Образ исторической родины дополняется социальными портретами. На страницах воспоминаний мы видим ответственных, трудолюбивых, умелых предков, которыми авторы текстов явно гордятся: «Со слов моего деда, Шестакова Василия Яковлевича, его отец принадлежал к сословию крепостных ремесленников. <...> на всю округу он слыл “элитным шорником” (Шестаков, 2011: 8), «отец с детства начал ходить работать к помещикам чернорабочим и научился продольной пилой резать доски» (Браневский, 2019), «Отец умел все делать сам / он не страдал без дел от скуки / стекольник плотник и маляр / он мастер редкий на все руки / Таких в Сибирь прибыло много / “хохлов” – потомков каззаря» (Малиновский, 2019: 43), «Отец коров трех держал, / Да пару лошадей, да кур, овец, еще свиней / На семью шестерых детей, / А чтоб работников держать и не было в помине / <...> / И председателем вол. Исполкома был, / И организатором колхозов» (Харина, 2019: 70). Конечно, повествование о родных людях сопряжено с эмоциональными переживаниями, поэтому их описание зачастую выглядит очень трогательно: «Отец очень любил пчелок, называя их большими труженицами. Разговаривал с ними» (Рябчикова, 2015).

Представленный на страницах воспоминаний образ исторической родины имеет временную локализацию. К сведениям, позволяющим выстроить временные координаты, можно отнести даты рождения предков, даты их переезда в Сибирь, указание степени родства автора к ним. Можно привести наиболее распространенные варианты повествования: «Мои родители, отец и мать, родились и жили до 1899 года в Белоруссии» (Браневский, 2019), «В 1861 г. родился мой дед ...» (Шестаков, 2011: 8). В. А. Веретено упоминает в своем повествовании XV в. – время образования родного села его предков в Молдавии (Веретено, 2015).

Указываются в мемуарах и даты, к которым авторы имели непосредственное отношение. Так, Е. Р. Харина, которой к моменту выселения было 8 лет, пишет: «Вот тридцать третий год настал, / Когда нас растрепали / Сначала отобрали все, / Потом уже сослали» (Харина, 2019: 70).

Отдельно хотелось бы немного остановиться на вопросе о степени близости родины предков для современного сибиряка. С одной стороны, сам факт включения сюжета о родине в воспоминания, а также представленные там положительные образы являются явными свидетельствами близости и родства с ней. Однако, с другой стороны, встречается ощущение некоторой дистанции, зафиксированной прежде всего во временных рамках. Кроме примеров вышеназванных дат, уводящих в глубину веков, встречаются и другие способы выражения отдаленности. Так, в «Были о родных» А. А. Малиновский, описывая переселение родителей в Сибирь, подчеркивает «давным-давно то было на / стыке двух веков» (Малиновский, 2019: 41). Также основанием для рассуждений в этом русле может служить включение в повествование сюжета о дороге, которая может выступать как символический разрыв с прежней жизнью и местом. В повествовании А. А. Малиновского его отец во время долгой дороги в Сибирь погружается в воспоминания о своей молодости, знакомстве с женой: «Вспомнил как пришел в / село чужое к соседям делать / печь. внутри ее варят обед, / а сверху можно лечь / И помо-

гала печь ложить ему одна / девчина, она красива и стройна / а звали Василина...» (Малиновский, 2019: 42). Подробное описание дороги, занявшее не одну страницу повествования, можно встретить и у Е. Р. Хариной (Харина, 2019: 71–75).

Таким образом, образ исторической родины в мемуарных текстах вырисовывается в пространственных координатах, имеющих региональное измерение. Он дополняется характеристиками природно-климатических условий и социально-экономического развития. Историческая родина в воспоминаниях выявляется как географический регион с историческим прошлым, ставший частью биографии семьи.

Обращение к мемуарным текстам показало некоторое отличие в восприятии образа исторической Родины в зависимости от принадлежности к добровольным или вынужденным переселенцам. Это объясняется свойствами исторической памяти, которая по своему содержанию мифологична, вариативна, имеет в том числе и социальные особенности (Мазур, 2013: 245). Образ исторической Родины в воспоминаниях спецпереселенцев рисуется исключительно в позитивном русле. Закрепление положительного образа в исторической памяти этой группы переселенцев связано с культурной травмой, нанесенной в результате принудительного переселения, а также тяготами и лишениями, связанными с обустройством на новом месте. Стоит подчеркнуть, что мифологизация образа исторической родины отмечается и у депортированных в Сибирь. Так, О. М. Рындина пишет, что у депортированных в Нарымский край немцев произошла явная мифологизация образа покинутой родины, ставшая средством психологической адаптации к адским условиям депортации и выживания на новом месте: идеализированная память о прежней жизни согревала душу и давала силы выстоять в суровом и безжалостном настоящем (Рындина, 2018: 164–165).

Более мозаичным в плане оценок выглядит образ исторической Родины в текстах потомков пореформенных переселенцев. В них при преобладании положительных характеристик встречаются и «недостатки», ставшие причиной переселения.

Несмотря на некоторую временную и территориальную отдаленность родины предков, ощущаемую современными сибиряками, она воспринимается в качестве родного пространства, исторической родины, с которой они прочно связаны.

Литература:

- Артановский С. Н.** Понятие Родины: современные модификации // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 3 (12). С. 6–10.
- Браневский В. Ф.** Моя автобиография. 2019 // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/moya-avtobiografiya/> (дата обращения 1.10.2022).
- Веретено В. А.** Жили были в Захарково. Новосибирск: Приобские ведомости, 2015. 352 с.
- Гончарова Т. А.** Семейная история украинских переселенцев в Сибири сквозь призму персонального текста // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2019. Вып. 3 (25). С. 85–93.
- Гончарова Т. А., Грошева Г. В.** Персональные тексты жителей деревень Томской области последней четверти XX – начала XXI в. в дискурсе этнической истории: общая характеристика и систематизация // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 2(47). 2019. Том 9. С. 107–119.
- Логунова Л. Ю., Черняева И. А.** Повседневная культура жизнеобеспечения в социальной памяти сибиряков // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. научно-теорет. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова (Иркутск, 28 апреля 2020 г.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. С. 148–155.
- Лурье М. Л.** О феномене «наивного» сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15–28.
- Любимова Г. В.** Русские Сибири: проблемы экологической адаптации аграрных переселенцев конца XIX — начала XX века // Баландинские чтения. 2018. Т. XIII. С. 518–522.
- Мазур Л. Н.** Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.

- Майничева А. Ю.** Образование поселений в исторической памяти русских // Баландинские чтения. 2014. С. 64–66.
- Малиновский А. А.** Быль о родных // Я вам, родные, излагаю быль...: сб. мемуарных текстов жителей Томской области / сост. Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2019. С. 41–65.
- Рындина О. М.** Образ Сибири в коллективных переживаниях российских немцев // КУНСТКАМЕРА. 2018. № 2. С. 162–168.
- Рябчикова Ф. Н.** Всем было не сладко. 2015 // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/vsem-bylo-ne-sladko/> (дата обращения 10.10.2022).
- Репина Л. П.** Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 344–360.
- Тишков В. А.** Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Харина Е. Р.** [Без названия] // Я вам, родные, излагаю быль...: сб. мемуарных текстов жителей Томской области / сост. Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2019. С. 68–91.
- Шестаков В. М.** Крутые повороты (А как это было?). Первомайское [Томская область]: Изд-во Томского ЦНТИ, 2011. 154 с.
- Щеглова Т. К.** Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920–1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы междунар. науч.-практич. конф. «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х – начале 50-х годов XX века» 30–31 мая 2014 года: Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. С. 554–571.
- Щеглова Т. К.** Социокультурная и хозяйственная адаптация столыпинских переселенцев на Алтае на протяжении 1910–1980-х годов: стратегии и результаты (по материалам полевых исследований) // Вестник алтайской науки. 2014. № 1. С. 252–257.
- Щеглова Т. К.** Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. и источников. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 22–39.

Гончарова Татьяна Александровна.

Кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29 ноября 2022 г.

T. A. Goncharova

THE IMAGE OF THE HISTORICAL MOTHERLAND IN THE HISTORICAL MEMORY OF MODERN SIBERIANS THROUGH THE PRISM OF THE MEMOIRS (BASED ON THE MATERIALS OF THE TOMSK REGION)

The article examines the image of the historical motherland formed in the historical memory of the Siberian population. Memoirs are one of the forms of preservation and translation of this image. The different types of memoir texts form the source base of this study. The memoirs written by residents of the Tomsk region in the second half of the XX–beginning of the XXI century are analyzed. The authors of the narratives are the children of post-reform migrants and special settlers of the 1930s. The image of the historical homeland is considered in the spatiotemporal coordinates determined by the structure of historical memory. The author of the article concludes that the image of the historical homeland in the memoir texts appears in spatial coordinates that have a regional dimension. The features of natural and climatic conditions and socio-economic development complement it. The historical homeland appears in the memoirs as a geographical region with a historical past that became part of the family's biography. A look at the texts of the memoirs showed that the image of the historical homeland is perceived differently depending on whether they are voluntary migrants or displaced people. The image of the historical homeland in the memoirs of the special migrants is painted exclusively in a positive light. The anchoring of a positive image in the historical memory of this group of migrants is related to the cultural trauma caused by forced resettlement and the hardships associated with settling in a new place. On the other hand, the image of the historical homeland in the texts of the descendants of the post-Reformation settlers is rather mosaic. Although the positive features predominate, some “shortcomings” are also mentioned. Despite a certain temporal

and territorial distance of the ancestral homeland felt by modern Siberians, it is perceived as a native space, a historical motherland with which they are firmly connected.

Keywords: *historical motherland, historical memory, post-reform migrants, special settlers, Siberia, Tomsk region, memoirs*

References:

- Artanovskiy S. N.** Ponyatiye Rodiny: sovremennyye modifikatsii [The concept of the Motherland: modern modifications] // Vestnik SPbGUKI. 2012. No. 3 (12). P. 6–10 (in Russian).
- Branevskiy V. F.** Moya avtobiografiya. 2019 [My autobiography. 2019] // Sibiryaki vol'nyye i nevol'nyye: sayt memorial'nogo proyekta. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/moya-avtobiografiya/> (accessed: 1.10.2022).
- Vereteno V. A.** Zhili byli v Zakharkovo [We lived in Zakharkovo]. Novosibirsk: Priobskiy vedomosti, 2015. 352 s.
- Goncharova T. A.** Semeynaya istoriya ukrainskikh pereselentsev v Sibiri skvoz' prizmu personal'nogo teksta [Family history of Ukrainian settlers in Siberia through the prism of a personal text] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2019. No. 3 (25). P. 85–93 (in Russian).
- Goncharova T. A., Grosheva G. V.** Personal'nyye teksty zhitel'ey dereven' Tomskoy oblasti posledney chetverti XX–nachala XXI v. v diskurse etnicheskoy istorii: obshchaya kharakteristika i sistematizatsiya [Personal texts of the inhabitants of the villages of the Tomsk region in the last quarter of the 20th–early 21st centuries in the discourse of ethnic history: general characteristics and systematization] // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy. 2019. Vol. 9, No. 2(47). P. 107–119 (in Russian).
- Logunova L. Yu., Chernyayeva I. A.** Povsednevnyaya kul'tura zhizneobespecheniya v sotsial'noy pamyati sibiryakov [Everyday culture of life support in the social memory of Siberians] // Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost': materialy Vseros. nauchno-teoret. konf., posvyashchennoy pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova (Irkutsk, 28 aprelya 2020 g.). Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 2020. P. 148–155.
- Lurie M. L.** O fenomene «naivnogo» sochinitel'stva [On the phenomenon of «naive» writing] // «Naive literature»: studies and texts. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2001. P. 15–28.
- Lyubimova G. V.** Russkie Sibiri: problemy ekologicheskoy adaptatsii agrarnykh pereselentsev konca XIX — nachala XX veka [Russians of Siberia: problems of ecological adaptation of agrarian migrants of the late XIX — early XX century] // Balandinsky readings. 2018. Vol. XIII. P. 518–522 (in Russian).
- Mazur L. N.** Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati [The image of the past: the formation of historical memory] // Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities. 2013. No. 3 (117). P. 243–256. (In Russian)
- Mainicheva A. Yu.** Obrazovanie poselenij v istoricheskoy pamyati russkikh [The formation of settlements in the historical memory of Russians] // Balandinsky readings. 2014. P. 64–66 (in Russian).
- Malinovskiy A. A.** Byl' o rodnym [The true story about relatives] // I tell you, dear ones, the true story...: a collection of memoir texts of residents of the Tomsk region/comp. T. A. Goncharova, G. V. Grosheva. Tomsk: TsNTI Publishing House, 2019. P. 41–65 (in Russian).
- Ryndina O. M.** Obraz Sibiri v kollektivnykh perezhivaniyakh rossijskikh nemcev [The image of Siberia in the collective experiences of Russian Germans] // KUNSTKAMERA. KUNSTKAMERA. 2018. No. 2. P. 162–168 (in Russian).
- Ryabchikova F. N.** Vsem bylo ne sladko. 2015 [It was not sweet for everyone. 2015] // Siberians free and involuntary: memorial project website. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/vsem-bylo-ne-sladko> (accessed 10.10.2022).
- Repina L. P.** Personal'nye teksty i «novaya biograficheskaya istoriya»: ot individual'nogo opyta k social'noy pamyati [Personal texts and «new biographical history»: from individual experience to social memory] // The Creation of History. Man – Memory – Text. Kazan: KSU Publishing House, 2001. P. 344–360 (in Russian).
- Tishkov V. A.** Rekviem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii [Requiem for Ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (in Russian)
- Harina E. R.** [Untitled] // I tell you, dear ones, the true story...: a collection of memoir texts of residents of the Tomsk region / comp. T. A. Goncharova, G. V. Grosheva. Tomsk: TsNTI Publishing House, 2019. P. 68–91.
- Shestakov V. M.** Krutye povoroty (A kak eto bylo?) [Sharp turns (And how was it?). Pervomayskoye [Tomsk region]: Publishing House of the Tomsk Central Research Institute, 2011. 154 p. (in Russian)
- Shcheglova T. K.** Zhilishche raskulachennykh i deportirovannykh v usloviyakh prinuditel'nykh pereselenij 1920–1940-h godov: material, tekhnologii i tipy po ustnym istoricheskim istochnikam [The dwelling of the dispossessed and deported in the conditions of forced resettlement of the 1920s–1940s: material, technologies and types according to oral historical sources] // Materials of the International Scientific and Practical. conf. "To know so as not to forget: totalitarian power and the people in the 20s–early 50s of the XX century" May 30–31, 2014: Ust-Kamenogorsk: "Media Alliance", 2014. P. 554–571 (in Russian).

Shcheglova T. K. Sociokul'turnaya i hozyajstvennaya adaptaciya stolypinskih pereselencev na Altae na protyazhenii 1910–1980-h godov: strategii i rezul'taty (po materialam polevyh issledovanij) [Socio-cultural and economic adaptation of Stolypin settlers in Altai during the 1910s–1980s: strategies and results (based on field research materials)] // Bulletin of Altai Science. 2014. No. 1. P. 252–257 (in Russian).

Shcheglova T. K. Ustnaya istoriya (Oral history) kak metod i istochnik etnograficheskikh issledovanij sel'skogo naseleniya v kontekste istoricheskikh sobytij XX – nachala XXI stoletij [Oral history as a method and source of ethnographic research of the rural population in the context of historical events of the XX–early XXI centuries] // Oral history: life strategies and everyday practices of the rural population of the South of Western Siberia during the Great Patriotic War. URL: collection of scientific articles and sources. Barnaul: Altstu, 2017. P. 22–39.

Goncharova Tatyana Aleksandrovna.

Candidate of historical sciences.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaja St., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru

Н. В. Чикина

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ВЕПСКОЙ ПРОЗЕ¹

Анализируются автобиографические повести вепсских прозаиков В. Пулькина и А. Петухова как ценные источники историко-этнографического материала. Теоретическую основу исследования составили труды И. Ю. Винокуровой, Н. А. Криничной, И. А. Спиридоновой. Актуальность темы обусловлена необходимостью введения в научный оборот новых источников о жизни вепсов. Методология исследования опирается на системный подход, в основу которого положены сравнительно-исторический, структурно-семиотический и метод целостного анализа текста. В ходе работы были поставлены следующие задачи: выявить и охарактеризовать основных мифологических персонажей вепсской прозы; описать этнографические элементы (архитектура, быт, обряды); определить уровень репрезентативности имеющегося литературного материала. Одной из проблем в настоящее время остается интеграция повествовательных форм, трансформация данных из них для использования в различных отраслях наук. Вепсская литература становилась предметом исследования Н. Г. Зайцевой, А. И. Мишина, З. И. Строгальщиковой, но этнографические элементы, мифологические персонажи, являющиеся составляющей частью культуры малого народа, оказались на периферии теоретического осмысления. Научная новизна заключается во введении этнографических мотивов в аналитический контекст национального литературоведения.

В ходе анализа произведений вепсов выявлены и охарактеризованы мифологические персонажи Мец Ижанд (леший), Коди Ижанд (домовой), Ичхейне (своя душа), Ведхийне (водяной). Кратко описаны представленные в повестях этнографические элементы вепсской культуры: убранство дома, обряды и верования. Исследователь пришла к выводу, что вепсская проза строится на основе принципов документальности, историзма, автобиографизма и коммеморативности. Этнографические элементы, мифологические персонажи, встречающиеся в повестях В. Пулькина и А. Петухова, обладают достоверностью, подтверждаемой научными исследованиями, обнаруженными в исторических, географических и других источниках. Художественные произведения могут служить материалом для других наук, но с учетом элементов вымысла.

Ключевые слова: проза, вепсы, литература, мифология, «хозяева»

Язык и культура вепсов становились предметом изучения как российских (В. В. Пименов, И. Ю. Винокурова, З. И. Строгальщикова), так и зарубежных (Р. Грюнталь, Л. Сирагуза, Х. Карьялайнен) исследователей. Известный венгерский исследователь литератур финно-угорских народов П. Домокош писал: «Вепсы до 1990-х годов казались вымирающим народом, их письменность канула в прошлое. В последнее время выросло количество населения, и уже на существующей базе письменности писателями и поэтами создается настоящая литература – на своем родном языке» (Домокош, 2003: 296). Говорить о росте вепсского населения в настоящее время едва ли представляется возможным, скорее всего, вепсы просто «вышли из тени».

Понятие «вепсская литература» включает в себя сразу несколько факторов, определяющих его. Это может быть литература, написанная на вепсском языке (вепсоязычная), в основу которой положен языковой принцип. Этническая литература, когда национал, пишет, например, на русском или неродном языке. Если брать во внимание тематический принцип – писатели, пишущие о вепсах, – термин «вепсская литература» еще более расширяется. Разница во мнениях связана именно с подходами, положенными в основу этого понятия.

Исследованием вепсской литературы в Карелии занимались Н. Г. Зайцева, А. И. Мишин, И. А. Спиридонова, З. И. Строгальщикова, Н. В. Чикина. В истории развития вепсской литературы условно можно выделить три периода: 1) 1920–1930-е годы; 2) 1940–1980-е годы; 3) 1990–2010-е годы.

В первом периоде была предпринята попытка создания вепсской письменности на латинской графической основе с последовавшим созданием учебной литературы. Одновременно

¹ Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 121070800089-0.

начата работа по сбору, обработке и сохранению фольклорного наследия вепсов. Художественной литературы в то время создать не удалось, переводная представлена единичными публикациями.

В период с 1940 по 1980-е гг. литература на вепском языке не развивалась. Писатели вепсы творили на русском языке. Становление литературы у вепсов, начиная с 1990-х годов, тесно связано с вопросами национального самосознания, созданием письменности и развитием литературной традиции.

В первую очередь стала создаваться вепская учебная литература, возникшая из потребностей просвещения. Если в 1920-е годы на первое место выходила ликвидация неграмотности, то в конце XX в. просветительство заключалось в ознакомлении подрастающего поколения с языком и традициями вепского народа.

На рубеже XXI в. перед пишущими на вепском языке авторами открылись новые возможности для органического слияния творчества с важнейшими проблемами жизни народа, выражения народных устремлений и чаяний, представлений о прекрасном. В известной степени литература на вепском языке в этот исторический период переживала тот этап ускоренного развития, через который прошли младописьменные литературы Советского Союза в 1920–1930-е гг.

Среди вепсов распространено двуязычие, которое следует оценивать дифференцированно. Есть писатели, пишущие только на своем родном языке (Н. Зайцева, А. Андреева, О. Жукова). Другие же выбирают языком творчества русский (П. Васильев, О. Мошников). И лишь единицы двуязычны как в устной речи, так и на письме (Н. Абрамов, М. Башнин).

К одной из актуальных тем современного литературоведения можно отнести вопросы отражения исторической памяти в автобиографических произведениях. Особенно это касается малых народов, чье историческое наследие порой приходится по крупицам собирать из воспоминаний старожилов, отдельным записям этнографов и других исследователей. И. Ю. Винокурова, говоря о важности такого изучения этносов на примере ингерманландских финнов, писала: «Сегодня реконструкция культуры финнов Ингерманландии, выявление ее этнической специфики зависят от привлечения новых источников. Одним из таких продуктивных источников являются художественные произведения» (Винокурова, 2018: 9).

Ранее мы обращались к анализу произведений об ингерманландских финнах (Чикина, 2018: 266–271) и селькупах (Чикина, 2016: 137–140). Настоящее исследование касается художественной прозы, описывающей обряды и верования вепсов. Предметом анализа стали автобиографические повести Василия Андреевича Пулькина (1922–1986), уроженца вепского села Нюрговичи Ленинградской области, и Анатолия Васильевича Петухова (1934–2016), уроженца вепского села Шимозеро Вытегорского района Вологодской области.

В языковом отношении вепсы Карелии более ассимилированы по сравнению с вепсами Ленинградской и Вологодской областей, однако оба названных выше прозаика писали на русском языке, но их вклад в развитие вепской литературы неоспорим (Спиридонова, 2000: 391–419). На ценность творчества В. Пулькина как историко-этнографического источника указывала А. А. Титова (Титова, 2016: 198–206).

Так, В. Пулькин в повести «Глубокие воды Корбъярви» подробно описывает хозяйство и убранство вепской избы: «Избенка у Федора небольшая, в четыре стены, по десять шагов в длину каждая. Богатства никакого. Одежи – только на себя надеть. Посуды – чтобы стол накрыть. Скота – лошаденка, корова, овечка да пяток кур с петухом. Харчей – на неделю-две от силы. Убранство избы самое простое: справа от дверей – печь на четверть избы с черной топкой, со сверчком в углу да с тараканьим шорохом. Слева – скрипучая деревянная кровать. У печи рундук, он же одновременно служит лавкой и входом в подполье. На стене между печкой и дверью – длинный деревянный гвоздь. На нем висит глиняный безносый умывальник. На него же Федор вешает на ночь сбрую для сушки. Под умывальником большая лохань.

В ней Анисья запаривает корм скоту. Вдоль стен во всю длину широкие деревянные лавки. На стенах вешалки для одежды. К красном углу – стол на крестовинах вместо ножек. Над столом на согнутом гвозде керосиновая лампа. В углу божница со Спасом и Тихвинской Богоматерью. Напротив печи – залавок для посуды. Он служит столом для стряпухи. На залавке стоит квашня. В углу у печи ухваты, кочерга, метла с длинной ручкой и большие железные клещи. Ими Анисья перекладывает камни в лохань, чтобы запарить мякину или согреть воду для скота. Под печью за деревянной решеткой живут куры. Около печи кадка для воды ведер на шесть. На крышке большой медный ковш. Изба со двором связана холодными сенями. В сарае зимой хозяева держат сохи, бороны, хранят корма. Летом Анисья убирает туда свой ткацкий станок, станины, прялку, льнотеребилку... Рядом с избой амбар. Он пуст. Домишко у Федора совсем ветхий» (Пулькин, 2016: 106–107).

Семью вепсы создавали достаточно рано. В XIX в. браки между ними заключались в возрасте пятнадцати-семнадцати лет, так как в доме была нужна хозяйка, работница. Роды принимала бабка-повитуха. Существовала народная примета, если ребенок родился в «рубашке», значит счастливый. Детей рождалось много, до двадцати у одной женщины, но выживало меньше половины. Так, в семье Федора и Анисьи осталось только шесть детей. Соску делали из хлеба.

Этнографическими дополнениями является описание блюд вепсской кухни: сеньпирг (пирог с волнушками), колобы, толокняные калитки, сканцы, пшенная каша, пиво; бытовых предметов: самовар, кошель, литовка (коса), лампадка, чересседельник. Употребление антропонимов (Олёша, Ондрий, Кирша) и топонимов (Кольмъярви, Оять, Сермакса, Мустъярви, Ярви) подчеркивают национальный колорит и места проживания этноса.

Вепсы ощущают в природе языческое божественное начало, что выражается в ее особом почитании и поклонении, соблюдении особых правил и традиционных обрядов, целью которых является достижение гармонии человека с ней. Вепсов называют лесным народом. Эта особенность проявляется не просто местом их компактного проживания, но и отношением к лесу. Духи природы от дома до леса относятся к «низшей» мифологии.

Е. П. Фотеев писал: «Вепсы, приняв православие, сохраняли уважение к языческим верованиям своих предков вплоть до рубежа XIX–XX веков» (Фотеев, 2021: 154). Именно вепсский колорит, дополненный мифологическими персонажами, придает произведениям В. Пулькина национальную окраску. Анисья подробно рассказывает внуку о том, что Мец Ижанду (хозяину леса) должны поклоняться все – и люди, и животные, а человек прежде всего, так как он без леса прожить не может. Дом, дрова, одежда, еда – все из лесного материала. Хозяин леса – добрый старик, но скупого или злого человека он может напугать, напустить на него какое-нибудь приведение, а то и зверя (медведя, росомаху, волка, рысь). Порядочный человек живет в лесу как дома. Подтверждением этому является образ охотника Ондрия Бобрикова, имевшего избушку на берегу тихого лесного озера. Лес он любил и доверял ему самые сокровенные мысли. Именно здесь Ондрий был в своей стихии.

Автор в произведении приводит многочисленные приметы, старинные поверья, запреты. Так, Ондрий перед охотой приносит жертву Мец Ижанду: за деревней в первый куст на левой руке бросил зерен овца, серебряную монету, птичьих перьев. Овес – за разрешение охотиться на земле, серебро – под землей, перья – в воздухе. Эти заветы Пулькин повторяет несколько раз в повести. Сначала, описывая поход на охоту Ондрия, потом Анисья рассказывает об этом внуку Леше. Отсюда, например, и знание детьми с малых лет того, что надо просить разрешение у Мец Ижанда даже на сбор грибов и ягод.

Мец Ижанд (Винокурова, 2015: 280–286) – дух, воплощающий лес; черт, главная задача которого забота о лесном «хозяйстве», включающем растительность и животных. Ему надо все время давать работу, чтобы на весь «обход» хватило, например, считать звезды на небе, свить из пыли веревку и подняться по ней на небо, считать травы на земле. Существует запрет

говорить фразу: «Иди к лешему!», так как человек или животное сразу же окажется у Мец Ижанда. В повести дается совет, как выйти из леса, когда заблудился: нужно раздеться, встряхнуть одежду несколько раз, одеть снова и пойти в ту сторону, куда смотрел, совершая обряд. Федор, оставаясь на ночлег в лесу, просит разрешения у елки и Мец Ижанда. И. Ю. Винокурова писала: «Ель у вепсов считалась оберегом, поскольку расположение иголок на концах веток напоминало крест» (Винокурова, 2003: 435). Мец Ижанд (леший) может принимать разный облик: зверя, птицы, насекомого, а может превратить человека в животное и обратно. Может вступать в контакт с пастухом. Власть над Мец Ижандом имеет только Тедай Мезь – колдун, который от Бога получает разрешение.

Еще один хозяин (ижанд), с которым может встретиться человек в природе, водяной. Так, охотник Ондрий старался жить со всеми ижандами в ладу, особенно с Ведхийне (водяным). Образ водяного в повести представлен образом доброго старика, которого надо умиловать, но если обойтись с ним неуважительно, то сразу же наступала беда. Ни один год не обходился в Корбъярви, чтобы кто-то не утонул. Чтобы задобрить водяного, надо было бросить в воду шепотку табака и корочку хлеба.

Об отношении вепсов к водоемам В. Пулькин пишет так: «Вообще вепсы не мыслят своей жизни без воды. В воде они находят себе пищу. По ней держат связь со своими соседями, возят грузы. Да и само название вепсы получили от слова “вэзи” – вода» (Пулькин, 2016: 105). По первому зову вепсы помогали людям переправляться через водоемы.

Мифология вепсов пронизывает все произведения Пулькина. Повесть «Возвращение в сказку» не является исключением. Даже дети знают, что перед тем, как попить из ручья, надо попросить разрешения у водяного, иначе он утащит кого-нибудь из семьи. Вот какой портрет водяного представлен в повести: старик худющий, бородачи, усищи, уши с лопату – торчком.

Упоминание водяного (ведхийне) и заговор на хороший улов роднит автора с героем произведения «Водораздел» севернокарельского писателя Николая Яккола и подчеркивает веру вепсов в мифологических персонажей. О жизни в водоемах, поверьях и запретах, верованиях о водяных написал А. Петухов в повести «Люди суземья».

Согласно преданию, в озере в Черной яме обитал ким-ярский Черный водяник. «При средней глубине озера в три сажени теперь под лодкой было тридцать шесть сажен. Здесь, по обычаю, нельзя не только быстро плавать, но и громко разговаривать, а лучше молчать. И уж вовсе недопустимо плюнуть в воду или бросить за борт окурков», – писал А. Петухов (Петухов, 2005: 335). Те, кто пытался опровергнуть легенду, всегда погибали, на плаву оставалась лишь лодка.

Была и Белая яма глубиной в тридцать сажен, где жил Белый водяник. Он редко топил людей, отличался более мягким нравом, но любил шутить над ними. Например, начинал крутить лодку, невод плетью свивал, начинал воздух портить различными запахами, особенно на свадьбе. Черный и Белый водяники часто гостили друг у друга. Если гостеванье шло мирно, то на озерах была благодать, если же водяники вздорили, поднимались волны, вода становилась мутной.

Водяники играли в карты на рыбу, и в зависимости от того, кто выигрывает, больше рыбы было в одном или другом озере. На кон могли поставить и воду. Например, в озере Питк-ярь возникало течение, и вода из Сарь-ярь уходила, а потом возвращалась вместе с рыбой. Но бывали и совсем удивительные чудеса. Герой произведения Степан помнил случай, когда вода ушла совсем: «По дну Сарь-ярь, ровному, как блин, люди ходили и ездили на лошадях, а несколько мужиков даже сбились в артель и распахали десятины три. Овес вымахал – в пояс. Но убрать его не успели: в конце лета вода в Черной яме вдруг забурилась и хлынула из глубины с такой неудержимой силой, что пересохшее Питк-ярь в одночасье превратилось в широкую мутную реку, которая на глазах стала заливать Сарь-ярь», – пишет А. Петухов (Петухов, 2005: 337).

Ему вторит В. Крисанов: «Есть в Шимозере так называемая “черная яма”. Из озера в сторону деревни Пелкасκι вытекает ручей, который впадет в небольшое озеро, похожее

на яму. Здесь вода уходит куда-то под землю, и где выходит на поверхность или соединяется с каким другим водоемом – неизвестно. Летом яма была вровень с берегами, а осенью вода высыхала, и там ловили рыбу» (Крисанов, 2014: 7).

Научное подтверждение этим явлениям мы находим в исследованиях этнологов. И. Ю. Винокурова отмечала, что «на территории вепсов есть немало так называемых “периодических” озер, которые временно, иногда на долгие сроки исчезают, а затем появляются вновь, заполняя старую высохшую котловину (Куштозеро, Ундозеро, Шимозеро, Долгозеро и др.). Эти загадочные явления природы объясняли уходом водяного к своему соседу в другое озеро, чтобы отработать у него проигрыш в карты (или другую игру)» (Винокурова, 2003: 429). Приведенный выше отрывок из повести А. Петухова и очерка В. Крисанова в точности совпадают с данными, приведенными И. Ю. Винокуровой, касающимися озер Шимозеро и Долгозеро (Питьк-яр).

Народная память сохранила и предания об этих явлениях. Например, об озере Куштозеро: «Обитатель этого озера (Куштозеро), водяной царь, – страшный любитель играть в карты, в кости и вообще во всякую игру. Однажды он познакомился с Онежским водяным царем, и как тот обладал большим пространством вод и вообще имел больше достатков, да и побольше знал правила игры, то завсегда оставался в выигрыше, но никак не в проигрыше...» или «...И связался с ним играть Куштозерский захолустный царек, но сколько ни играл, все проигрывал. Видно, незадачливый был, а то горячился сильно, а то и вовсе играл плохо. И вот стал Куштозерский царек проигрываться понемногу: сначала денежки, какие были скоплены, спустил, потом рыбу отдать пришлось, а потом и воду из своего озера...» (Криничная, 2014: 165–166).

Н. А. Криничная отмечала, что «мифологический рассказ о водяных-картежниках имеет этиологический характер. В нем содержится наивное объяснение непонятных природных явлений – время от времени случающегося пересыхания водоема с последующим возвращением его к прежнему полноводью» (Криничная, 2014: 55).

Известно, что за непочтительное отношение к воде от нее можно было заразиться болезнями, такими как *veziragan* («водяная болезнь»), *vodänka* (водянка) и другие. Существовал особый запрет ругаться «на воде». Однако водой можно и смыть болезни, поэтому вода в сознании вепсов считалась границей двух миров.

Знакомит В. Пулькин читателей и с другими «хозяевами»: Коди Ижанд – домовый, Ичхейне – своя душа. Ичхейне представлен в образе бородатого босого старика без головного убора во всем белом. Ичхейне единожды в жизни приходит к каждому человеку. «К одному, чтобы забрать у него жизнь, к другому – вселить в его тело болезнь, третьего – попугать только», – так объясняла мать Василию приход к нему Ичхейне. Повзрослев, сам он склонился к версии, что приход Ичхейне – это просто плохой сон. Не сбылось и предсказание матери о том, что кто после прихода Ичхейне останется здоровым, тот будет жить долго. В. Пулькин умер в возрасте 64 лет.

Повесть «Возвращение в сказку» (1986) во многом перекликается с первой повестью В. Пулькина «Азбука детства» (1983), основным отличием которой является то, что практически каждый герой рассказывает сказку, погружая в ее мир читателя. Фольклорный фундамент произведения базируется на знании персонажами пословиц и поговорок, большая часть позволяет судить о крестьянской мудрости: «Людам даешь – сам богатеешь», «Сани готовь летом, а телегу – зимой».

Вепским мифологическим персонажам свойственна семейственность и парность. У духа-хозяина может быть жена, дети и другие родственники. Е. И. Маркова отмечала: «В культуре вепсов по сей день сохраняются рудименты андрогината» (Маркова, 2005: 25). В книге «Азбука детства» В. Пулькин упоминал хозяев леса с учетом их гендерных различий: Мец Ижанд (леший) и Тойне Поль (его жена) следят за порядком с лесу, и если что не так, накажут

нарушителя, но и сами жители стараются не нарушать порядок в лесу из уважения к хозяевам – это же их дом (рассказы «Подпасок», «Лесоруб»).

С. А. Минвалеев писал, что вепсы относятся к лесу как к живому существу и не хотят огорчать его хозяев: «Лесорубу жалко рубить “живые” деревья, <...> но он вынужден зарабатывать себе на хлеб насущный рубкой деревьев» (Минвалеев, 2021: 159). Духи – хозяева земли, поля, зерна, огня, домашних построек (бани, избы, риги, хлева) в художественной прозе указанных выше писателей не представлены.

Местные жители – герои повестей А. Петухова – также знают много примет, поверий, могут рассказать о чудесах, происходящих на воде и в лесу. Например, в повести «Люди суземья» Степан рассказывает легенду о названии мыса Бабыя Нога. Катя знает народные приметы, связанные со свадебным обрядом: когда молодые идут к венцу и жених спотыкается на левую ногу, то он рано умрет, а если на правую, то разведется с женой; или если парень носит шапку на глазах, то он будет изменять, а если на затылке – станет пьяницей. Используют в своей речи пословицы и поговорки, например, «красота человека – в красоте его души». Воткнутая палка в дверное кольцо говорит об отсутствии хозяев в доме и т. д.

Этнографические мотивы в повестях А. Петухова не только украшают текст произведений, но и обладают достоверностью, подтверждаемой научными исследованиями. Особую ценность они представляют еще и потому, что А. Петухов – уроженец с. Шимозеро, которое вместе с близлежащими деревнями Кривозеро, Нажмозеро, Торозеро, Кленозеро, Пелкаска уже, к сожалению, не существует. Информации о традиционной культуре этих поселений сохранилось чрезвычайно мало, в виде незначительных фрагментов ее удастся обнаружить в различных исторических, этнографических и географических источниках, а также в воспоминаниях уроженцев этих мест, ныне живущих вдали от Шимозера. Повести А. Петухова дают бесценные сведения об исчезнувшей вепсской группе – шимозерских вепсах.

Развитие прозы на вепсском языке происходило неравномерно. В первой половине XX в. она в основном была переводной, затем развивалась на русском языке и лишь к концу столетия получила возможность издаваться на родном языке. Главной задачей прозаиков конца XX – начала XXI в. стало создание предпосылок для становления художественной традиции и сохранения вепсского языка. Проза на русском языке представлена достаточно полно, что подтверждают публикации повестей В. Пулькина и А. Петухова, вепсоязычные рассказы и роман ждут дальнейшего развития.

Этнографические и мифологические персонажи повестей В. Пулькина и А. Петухова воссоздают картину мира вепса, показывают его мировоззрение, особенности жизненного уклада и быта. Все эти элементы, несмотря на возможный частичный художественный вымысел, могут служить вспомогательным материалом для исследований этнологов и антропологов, к тому же, как показало исследование, большая часть из них нашла научное подтверждение в трудах ученых, что позволяет сделать вывод о ценности данного материала. Мифологическое наследие способствует раскрытию идентитета народа.

Литература:

- Винокурова И. Ю.** Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. 521 с.
- Винокурова И. Ю.** Мифология и верования // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 426–436.
- Винокурова И. Ю.** Предисловие // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 5–10.
- Домокош П.** Этот удивительный мир // Ненецкая литература. М.: Лит. Россия, 2003. С. 290–303.
- Криничная Н. А.** Мифология воды и водоемов: былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 388 с.
- Крисанов В.** От первых колхозов и до наших дней: страницы дневников // Kodima. 2014. № 8. С. 7.

- Маркова Е. И.** Проблема гендерной и национальной идентичности в автобиографических повестях современных писателей Карелии // Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России: учеб. пособие. Петрозаводск: КарНЦ, 2005. С. 20–31.
- Минвалеев С. А.** Мифология и вепсская литература: жизнь друг в друге // Вепсский край: история и ее творцы. Петрозаводск: Verso, 2021. С. 158–161.
- Петухов А.** Избранное: повести для детей и юношества: в 2 т. Т. 2. Вологда: «Полиграфист», 2005. 428 с.
- Пулькин В.** В краю синих озер. СПб.: Б.и., 2016. 320 с.
- Спирidonova И. А.** Вепсская литература: проблемы становления // История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 391–419.
- Титова А. А.** Творчество Василия Пулькина как историко-этнографический источник // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 198–206.
- Фотеев Е. П.** Мифологическое наполнение экспозиции Шелтозерского Вепсского этнографического музея им. Р. П. Лониной // Вепсский край: история и ее творцы. Петрозаводск: Verso, 2021. С. 154–157.
- Чикина Н. В.** Ингерманладская семья в романе Ю. Конкка «Огни Петербурга» // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. М.; Ижевск, 2017. С. 358.
- Чикина Н. В.** Сказки и рассказы селькупки Ирины // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2016. Вып. 3. С. 137–140.

Чикина Наталья Валерьевна.

Старший научный сотрудник, кандидат филологических наук.

Карельский научный центр РАН.

Ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, 185910.

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2022 г.

N. V. Chikina

ETHNOLOGICAL TROPES AND MYTHOLOGICAL FIGURES IN VEPS PROSE²

The article analyzes the autobiographical short novels of Veps prose by V. Pulkin and A. Petukhov as valuable sources of historical-ethnographic material. The theoretical basis for the study is formed by the works of I. Vinokurova, N. Krinichnaya and I. Spiridonova. The study is guided by the need to bring new sources about the life of the Veps people into the scientific discourse. The methodology is based on a systematic approach using the methods of comparative historical, structural semiotic, and holistic textual analysis. The tasks for the study were: Identification and characterization of the main mythological figures in the Veps prose, description of the ethnographic elements (architecture, life routines, rites), and evaluation of the representativeness of the literary material. One of the contemporary problems is the integration of narrative forms and the transformation of the data obtained from them for use in various scientific fields. The literature of the Veps was studied by N. Zaitseva, A. Mishina, Z. Strogalschikova, but the ethnographic elements, and mythological figures, which are part of the culture of this ethnic minority, remained in the periphery of theoretical conceptualization. The scientific novelty consists in the inclusion of ethnographic tropes in the analytical context of studies of ethnic minority literature.

In analyzing the prose of Veps writers, the author identified and characterized mythological figures: Mecizand (the forest master spirit), Kodinizand (the house master spirit), Ičheine (one's own soul), Vedehiine (the water master spirit). The article briefly describes the ethnographic elements of the Veps culture found in the short novels: Home interiors, Rites, and Beliefs. It is stated that Veps' prose is based on the principles of topicality, historicism, autobiographism, and commemoration. The ethnographic elements and mythological characters in the short novels of V. Pulkin and A. Petukhov are authentic, confirmed by scientific findings from historical, geographical, and other sources. Fiction can provide science material but with deductions for the fantasy element.

Keywords: *prose, Veps people, literature, mythology, masters*

² Financial support for research was carried out from the federal budget for the implementation of the state task of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 121070800089-0.

References:

- Vinokurova I. Yu.** Mifologija vepsov: jenciklopedija [Veps mythology: an encyclopedia]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2015. 521 p.
- Vinokurova I. Yu.** Mifologija i verovanija [Mythology and beliefs] // Pribaltiisko-finskie narody Rossii [Baltic Finnic peoples of Russia] / Eds.-in-Charge E. I. Klementjev, N. V. Shlygina. Moscow: Nauka, 2003. P. 426–436.
- Vinokurova I. Yu.** Predislovie [Foreword] // Istorija i tradicionnaja kul'tura narodov Karelii i sopredel'nyh oblastej v svete novyh istochnikov, metodov i podhodov (pamjati R.F. Nikol'skoj) [The history and traditional culture of peoples of Karelia and adjacent regions in light of new sources, methods, and approaches (in memoriam R. F. Nikolskaya)]. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2018. P. 5–10.
- Domokosh P.** Ehtot udivitel'nyj mir [This be amazing world] // Nenetskaya literatura [Nenets literature]. Moscow: Lit. Rossiya, 2003. P. 290–303.
- Krinichnaya N. A.** Mifologija vody i vodoemov: bylichki, byval'shhiny, pover'ja, kosmogonicheskie i jetiologicheskie rasskazy russkogo Severa [The mythology of water and reservoirs: bylichka, byvalshchina, popular beliefs, cosmogonic and ethyological tales of the Russian North]. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2014. 388 p.
- Krisanov V.** Ot pervyh kolhozov i do nashih dnei: stranicy dnevnikov [From the first collective farms to our days: diary pages] // Kodima. 2014. No. 8. P. 7 (in Russian).
- Markova E. I.** Problema gendernoj i nacional'noj identichnosti v avtobiograficheskikh povestjah sovremennyh pisatelej Karelii [The problem of gender and ethnic identity in autobiographic short novels by contemporary writers from Karelia] // Gender v tvorčestve sovremennyh pisatelej korennyh narodov Evropejskogo Severa Rossii: ucheb. posobie [Gender in the literary works of writers belonging to modern indigenous nations of North European Russia: a textbook] / Compiler and Sci. Editor E. I. Markova. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2005. P. 20–31.
- Minvaleev S. A.** Mifologija i vepsskaja literatura: zhizn' drug v druge [The Mythology and Veps literature: life a friend in friend] // Vepsskij kraj: istorija i ee tvorcy [Veps country: history and its creators]. Petrozavodsk: Verso, 2021. P. 158–161.
- Petukhov A.** Izbrannoe: povesti dlya detej i yunoshestva: v 2-kh t. Vol. 2 [Elected: tales for children and youths]. Volgoda: Poligrafist, 2005. 428 p.
- Pul'kin V.** V krayu sinikh ozer [In blue lakes country]. St. Peterburg: B.i., 2016. 320 p.
- Spiridonova I. A.** Vepsskaja literatura: problemy stanovlenija [Veps literature: formation problems] // Istorija literatury Karelii [The history of the literature of Karelia] V. 3. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2000. P. 391–419.
- Titova A. A.** Tvorčestvo Vasilija Pul'kina kak istoriko-jetnograficheskij istochnik [Fiction by Vasily Pulkin as a historical and ethnographical source] // Vepsy, karely i russkie Karelii i sopredel'nyh oblastej: issledovanija i materialy k kompleksnomu opisaniju jetnosov [Veps, Karelians and Russians of Karelia and adjacent regions: studies and materials for an integrated description of the ethnic groups]. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2016. P. 198–206.
- Foteev E. P.** Mifologicheskoe napolnenie ekspozicii Sheltozerskogo Vepsskogo etnograficheskogo muzeya im. R.P. Lonina [Mythological filling to exposures R.P. Lonin's Veps ethnographic museum in Shyoltozero] // Vepsskij kraj: istorija i ee tvorcy [Veps country: history and its creators]. Petrozavodsk: Verso, 2021. P. 154–157.
- Chikina N. V.** Ingermanladskaia sem'ja v romane Ju. Konkka «Ogni Peterburga» [Ingrian family in J. Konkka's novel "The Lights of Petersburg"] // XII Kongress antropologov i jetnologov Rossii: sb. materialov. Izhevsk, 3-6 iulja 2017 g. [12th Russian Congress of Anthropologists and Ethnologists: Proceedings. Izhevsk, July 3–6, 2017] / Eds.-in-Charge: A. E. Zagrebin, M. Yu. Martynova. Moscow: Izhevsk, 2017. P. 358.
- Chikina N. V.** Skazki i rasskazy sel'kupki Iriny [Fairy tales and stories of the Selkup Irina] // Tomskij zhurnal lingvističeskikh i antropologičeskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2016. Iss. 3. P. 137–140 (in Russian).

Chikina Natalya Valerevna.

Senior Researcher, Ph.D.

Karelian Research Centre RAS.

Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, Russia, 185910.

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

СООБЩЕНИЯ

С. А. Иванова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: «РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ: САГИ, ЛЕГЕНДЫ, СКАЗАНИЯ»

Пояснительная записка

В повседневности нас окружают объекты, сказочность и загадочность которых мы уже не замечаем. Мы проезжаем мимо гор, курганов Хакасии, не задумываясь, сколько прекрасных легенд и историй они хранят. Мы посещаем наши популярные лечебные озера, не зная, что для древних народов они были священными местами. Путешествуя по старым городам земли Гессен Федеративной Республики Германия, мы могли только догадываться, какие странные таинственные истории хранят эти края.

Особенностью легенды является то, что каждым поколением она переживается и воспринимается по-разному, при этом сохраняя в себе этическую составляющую жизни человека: добро, справедливость, мудрость. При этом легенды, саги, сказания связаны с красивейшими местами России и Германии.

Цель проекта:

Воспитание в молодежной среде толерантности и уважения к своей и другой культуре, к людям других национальностей, их языку, традициям и обычаям посредством поисково-исследовательской деятельности и сбора информации о легендах и сказаниях двух народов России и Германии.

Задачи проекта:

1. Сформировать группы школьников в России и Германии для реализации проекта.
2. Исследовать историческую, литературную, страноведческую информацию с целью поиска и выбора легенд и сказаний, существующих в данных регионах России и Германии.

3. Разработать комплекс мероприятий, способствующих воспитанию в молодежной среде толерантности и уважения к своим национальным ценностям и наследию другой культуры (в частности немецкой).

4. Подобрать комплекс диагностических методик и произвести анкетирование участников проекта с целью проверки эффективности влияния планируемых мероприятий на их уровень воспитанности.

5. Организовать творческую группу по обработке (редактированию и режиссуре) собранных материалов с целью создания печатной книги «Россия – Германия: таинственное в обычном: сказания, саги, легенды» и видеофильма «Таинственное в обычном: ожившие легенды».

6. Провести презентацию книг и фильма в двух странах – социальных партнеров проекта.

Участники проекта:

Субъекты проекта: учащиеся 8–10 классов МБОУ СОШ № 20 г. Черногорска и гимназии г. Вайльмюнстер (Германия).

Объекты проекта: местности стран, с которыми связаны древние легенды и сказания, музеи, носители культуры (шаманы, старейшины).

Сроки реализации проекта:

Данная программа рассчитана: 2018–2019 учебный год.

I этап – подготовительный: март – август 2018 г.

II этап – практический: сентябрь 2018 – май 2019 г.

III этап – аналитический: июнь – сентябрь 2019 г.

Материально-техническое, финансовое, кадровое обеспечение проекта (ресурсы, которыми обладают организаторы проекта):

1. Кабинет «Опорный пункт» на базе кабинета № 212.
2. Актальный зал.
3. Кабинет патриотического кружка «Будущий воин».
4. Тир.
5. Информационный центр с возможностью выхода в интернет и школьный сайт.
6. Школьная типография.

Наши партнеры:

Гёте-институт, г. Москва;
Гёте-институт, г. Франкфурт;
Администрация города Черногорска;
Администрация города Вайльмюнстер, федеральная земля Гессен;
Администрация МБОУ «СОШ № 20»;
Администрация гимназии города Вайльмюнстер;
Туристические фирмы «Саяны-Эко», «Вершина-Тур»;
МУ «Централизованная библиотечная система» г. Черногорска;
Городской музей г. Черногорска, г. Вайльмюнстер.

Основные направления работы:

- тематические экскурсии по достопримечательностям федеральной земли Гессен, Республики Хакасия;

- тематические встречи с представителями и носителями этнических культур (шаманы, старейшины и др.);
- сбор фото-, видеоинформации по тематике проекта;
- написание, редактирование книги;
- монтаж фильма.

Главные участники и исполнители проекта:

Руководитель проекта: Иванова С. А. – учитель иностранных языков МБОУ «СОШ № 20», г. Черногоorsk.

Творческая группа школьников двух стран в количестве 30 учащихся.

Руководители и кураторы проекта организаций-партнеров: музеев, библиотек и туристических фирм.

Родители обучающихся школ.

Место реализации проекта: МБОУ СОШ № 20 г. Черногоorsk, гимназия Вайльмюнстер земли Гессен.

НАШИ АВТОРЫ

- Абсалямова Ю. А. — Кандидат исторических наук, научный сотрудник.
Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.
E-mail: yulchi81@mail.ru
- Аминев З. Г. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.
E-mail: zakirjan_g@mail.ru
- Ананьина Д. А. — Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы.
Забайкальский государственный университет.
Ул. Александро-Заводская, 30, Чита, 672039.
E-mail: ananina_1989@mail.ru
- Арбачакова Л. Н. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: anzass@mail.ru
- Баязитова Р. Р. — Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологии.
Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.
E-mail: rosali8@mail.ru
- Биткеева А. Н. — Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
главный научный сотрудник МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики»
СВФУ им. М. К. Аммосова.
Институт языкознания РАН.
Пер. Большой Кисловский, 1/1, Москва, 125009.
E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com
- Бычков Д. А. — Младший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии СО РАН.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.
E-mail: bda.nsk@yandex.ru
- Гончарова Т. А. — Кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: gta.76@mail.ru
- Данилов И. А. — Младший научный сотрудник.
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.
Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677013.
E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru
- Догадушкин Д. М. — Лаборант.
Институт системного программирования РАН.
Ул. Александра Солженицына, 25/1, Москва, 109004.
E-mail: denisdogad@gmail.com
- Иванова Н. И. — Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
ведущий научный сотрудник МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики»
СВФУ им. М. К. Аммосова.
**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.**
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
E-mail: haar-haar@mail.ru

- Игнатьева В. Б. — Кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
Ведущий научный сотрудник.
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.
Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677013.
E-mail: v_ignat@mail.ru
- Кондакова Н. С. — Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии.
Забайкальский государственный университет.
Ул. Александро-Заводская, 30, Чита, 672039
E-mail: ntlz@list.ru
- Лилявина Е. В. — Кандидат исторических наук.
Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова.
Пр. Ленина, 75, Томск, 634050.
E-mail: Lena4igrina@mail.ru
- Лемская В. М. — Кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
Томский государственный университет.
Пр. Ленина, 36, Томск, 634050.
E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru
- Мигранова Э. В. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.
E-mail: mig.el@mail.ru
- Муравьев Н. А. — Кандидат филологических наук, научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Пер. Большой Кисловский, 1/1, Москва, 125009.
E-mail: nikita.muraviev@gmail.com
- Терентьева А. В. — Старший преподаватель кафедры социологии.
Забайкальский государственный университет.
Ул. Александро-Заводская, 30, Чита, 672039
E-mail: bardanastasya@mail.ru
- Токмашев Д. М. — Кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
Томский государственный университет.
Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.
E-mail: kogutei@yandex.ru
- Чикина Н. В. — Старший научный сотрудник, кандидат филологических наук.
Карельский научный центр РАН.
Ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, 185910.
E-mail: tchikina@krc.karelia.ru
- Ядреев И. В. — Прокурор Хангаласского района Республики Саха (Якутия),
старший советник юстиции,
преподаватель-исследователь, соискатель факультета подготовки научных кадров.
Университет Генеральной прокуратуры РФ.
Ул. Азовская, 2/1, Москва, 117638.
E-mail: kutlug@mail.ru
- Wagner-Nagy B. — Professor of Uralic Linguistics.
Institute of Finno-Ugric Studies, University of Hamburg.
35 Überseering, Hamburg, DE-22297.
E-mail: beata.wagner-nagy@uni-hamburg.de

AUTHORS

- Absalyamova Yu. A.* — Candidate of historical sciences, researcher.
**Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the RAS.**
Pr. Octyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: yulchi81@mail.ru
- Aminev Z. G.* — Candidate of philosophical sciences, senior researcher.
**Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the RAS.**
Pr. Octyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: zakirjan_g@mail.ru
- Ananyina D. A.* — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work.
Transbaikal State University.
Alexandro-Zavodskaya St., 30, Chita, Russia, 672039.
E-mail: ananina_1989@mail.ru
- Arbachakova L. N.* — Candidate of Science, senior researcher.
Institute of Philology of the Siberian Division RAS.
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: anzass@mail.ru
- Baiazitova R. R.* — Candidate of historical sciences, senior researcher of Ethnology Department.
**Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the RAS.**
Pr. Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: rosali8@mail.ru
- Bitkeeva A. N.* — Doctor of sciences (philology), leading research fellow,
Chief research fellow, International scientific research laboratory
“Linguistic ecology of the Arctic” o NEFU.
Institute of linguistics of the RAS.
Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com
- Bychkov D. A.* — Junior Research Assistant.
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS.
Acad. Lavrentiev Av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: bda.nsk@yandex.ru
- Chikina N. V.* — Senior Researcher, Ph.D.
Karelian Research Centre RAS.
Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, Russia, 185910.
E-mail: tchikina@krc.karelia.ru
- Goncharova T. A.* — Candidate of historical sciences.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaja St., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: gta.76@mail.ru
- Danilov I. A.* — Junior Researcher.
Amnosov North-Eastern Federal University.
Kulakovsky St., 42, Yakutsk, Russia, 677013.
E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru
- Dogadushkin D. M.* — Laboratory assistant.
Institute for System Programming of the RAS.
Alexander Solzhenitsyn St., 25, Moscow, Russia, 109004.
E-mail: denisdogad@gmail.com
- Ignatyeva V. B.* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
**Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the RAS.**
Petrovskogo St., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
Leading Researcher.
Amnosov North-Eastern Federal University.
Kulakovsky St., 42, Yakutsk, Russia, 677013.
E-mail: v_ignat@mail.ru

- Ivanova N. I. — Doctor of sciences (philology), leading research fellow.
Doctor of sciences (philology), leading research fellow,
chief research fellow International scientific research laboratory
"Linguistic ecology of the Arctic" o NEFU.
**Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the RAS.**
Petrovskogo St., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: haar-haar@mail.ru
- Kondakova N. S. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy.
Transbaikal State University.
Alexandro-Zavodskaya St., 30, Chita, Russia, 672039.
E-mail: ntlz@list.ru
- Lemskaya V. M. — Candidate of philology, assistant professor.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya St., 60, Tomsk, Russia, 634061.
National Research Tomsk State University.
Lenin St., 36, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru
- Liliavina E. V. — Candidate of science (history), head of exhibition department.
M. B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore.
Lenin St., 75, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: Lena4igrina@mail.ru
- Migranova E. V. — Candidate of historical sciences, senior researcher.
**Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the RAS.**
Pr. Octyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: mig.el@mail.ru
- Muravyev N. A. — Ph.D., Research fellow.
Institute of linguistics RAS.
Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: nikita.muraviev@gmail.com
- Terentyeva A. V. — Senior Lecturer of the Department of Sociology.
Zabaikalsky State University.
Alexandro-Transbaikal St., 30, Chita, Russia, 672039.
E-mail: bardanastasya@mail.ru
- Tokmashev D. M. — Candidate of philology, assistant professor.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya St., 60, Tomsk, Russia, 634061.
National Research Tomsk State University.
Lenin St., 36, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: kogutei@yandex.ru
- Wagner-Nagy B. — Professor of Uralic Linguistics.
Institute of Finno-Ugric Studies, University of Hamburg.
35 Überseering, Hamburg, DE-22297.
E-mail: beata.wagner-nagy@uni-hamburg.de
- Yadreev I. V. — Prosecutor of the Changelas region of the Republic of Sakha (Yakutia),
high counselor of justice, lecturer-researcher, applicant of the Faculty
of scientific personnel training.
University of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Azovskaya St., 2/1, Moscow, Russia, 117638.
E-mail: kutlug@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc и pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);

- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке (**источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон. Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи в алфавитном порядке (**источники на русском языке представляются в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION TO THE "TOMSK JOURNAL OF LINGUISTICS AND ANTHROPOLOGY"

Submissions for publication are accepted electronically in two formats (MS.DOC and Adobe.PDF) at tjla@tspu.edu.ru

For the submissions in Russian:

- the 1st file
- (in Russian)
- Last Name and initials of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- The text of the paper (language examples should be presented in a glossed format using Leipzig glossing rules; it is recommended that either Charis SIL or Doulos SIL fonts are used for notation);
- Bibliography (List of Sources given alphabetically);
- Full Name of the author(s);
- Degree, academic title, position;
- Affiliation of the author(s);
- Work address;
- E-mail address.

In the same file and immediately following the Russian language version:

- (in English)
- Last Name of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words of high quality translation of the Russian abstract and reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- References (List of sources, with original sources in Russian to be given in transliteration and followed by the English translation of the titles given [in square brackets]);
- Full Name(s) of the author(s);
- Academic degree, title and position;
- Affiliation(s) of the author(s);
- Work address;
- E-mail of the author(s).

The 2nd file has to be duplicate the content of the 1st file in the Adobe PDF format.

For the submissions in English:

- the 1st file
- (in English)
- Last Name and initials of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- The text of the paper (language examples should be presented in a glossed format using Leipzig glossing rules; it is recommended that either Charis SIL or Doulos SIL fonts are used for notation);
- Bibliography (List of Sources given alphabetically, and with original sources in Russian to be given in transliteration and followed by the English translation of the titles given [in square brackets]);
- Full Name of the author(s);

- Degree, academic title, position;
- Affiliation of the author(s);
- Work address;
- E-mail address.

In the same file and immediately following the English language version:

- (in Russian)
- Last Name of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words of high quality translation of the English abstract and reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- References (List of sources given alphabetically);
- Full Name(s) of the author(s);
- Academic degree, title and position;
- Affiliation(s) of the author(s);
- Work address;
- E-mail of the author(s).

The 2nd file has to be duplicate the content of the 1st file in the Adobe PDF format.

The volume of the submission generally should be over 12 A4 pages but not to exceed 16 A4 pages (including Bibliography, Graphs, Tables, etc) and has to be formatted (Times New Roman, 14 pt, line spacing 1,5, all margins 2 cm), and saved as MS.DOC and Adobe.PDF files. Graphs, Figures are to be either in JPEG or TIFF formats, while Diagrams may be in MS Excel format, all submitted as separate attached files. Cited bibliography and sources are to be listed alphabetically (Russian sources are to be accompanied by Latin transliteration and English translation of the titles given in [square brackets]). References in the text are to show in parentheses (e.g. (Hajdu, 1970: 136)).

ISSN 2307-6119

9 772307 611005

Издательство ТПНУ